

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ТОЛЬЯТТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ
САМАРСКАЯ ОБЛАСТНАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

XVI Всероссийская конференция
молодых историков
(Самара, 19–20 ноября 2010 г.)

Материалы и доклады

Самара
Издательство “Самарский университет”
2010

УДК 94
ББК 63.3
П37

П37 **Платоновские чтения** : материалы и доклады XVI Всероссийской конференции молодых историков (Самара, 19–20 ноября 2010 г.) / отв. редактор П. С. Кабытов. – Самара : Издательство “Самарский университет”, 2010. – 240 с.

ISBN 978-5-86465-486-6

В сборнике представлены статьи участников XVI Всероссийской научной конференции “Платоновские чтения”, проходившей в Самарском государственном университете 19–20 ноября 2010 г. Традиционно программа конференции включает работу четырех секций.

Проблематика материалов сборника представляет собой обширную палитру сюжетов социально-экономической истории, международных связей, власти и общества, а также основных направлений общественной и исторической мысли и истории культуры России.

УДК 94
ББК 63.3

Редакционная коллегия

д-р ист. наук, проф. П. С. Кабытов (ответственный редактор),
д-р ист. наук, проф. Э. Л. Дубман (зам. ответственного редактора),
д-р ист. наук, проф. Ю. Н. Смирнов,
д-р ист. наук, проф. М. И. Леонов,
д-р ист. наук, проф. Л. М. Артамонова,
канд. ист. наук, доц. В. А. Тюрин (ответственный секретарь),
канд. ист. наук, ст. преп. Д. В. Серых

ISBN 978-5-86465-486-6

© Авторы, 2010
© Самарский государственный университет, 2010
© Оформление. Издательство “Самарский университет”, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

XVI Всероссийские чтения памяти академика С.Ф. Платонова
в Самарском государственном университете 8

Секция "Социально-экономические проблемы и международные связи России"

Растрепин П.П. Проблема участия новгородцев в Куликовской битве (по материалам Иргизского списка "Сказания о Мамаевом побоище")	12
Натаров А.И. Гарнизоны крепостей Симбирско-Корсунской за-сечной черты во второй половине XVII века	17
Малинкин Е.М. Численность и структура городских гарнизонов понизового Поволжья в XVII веке	20
Карманова К.В. Свидание в Биржах	23
Лазарев Я.А. "...до дел малороссийских не касается": к вопросу о статусе Киевской губернии в контексте российско-украинских отношений (первая четверть XVIII в.)	25
Столяров О.Д. Позиция А.И. Остермана в русско-турецком во-енном конфликте 1735-39 гг.	28
Киселев М.А. Церковь и промышленная политика в России в первую половину 20-х гг. XVIII в.	31
Шепелева А.Ю. Волонтерское движение из губерний Поволжья в сербско-черногорско-турецкую войну 1876 г.	33
Марцун Т.В. Торговые отношения между Самарской и Уфим-ской губерниями (по материалам Самарской товарной биржи)	36
Кокуркин И.В. Кулацкие хозяйства Республики Татарстан: соци-ально-политический портрет кулака	39
Федорова Г.Н. Карточная система снабжения хлебом в г. Куй-бышеве 1945–1945 гг.	42
Казакова Т.С. Отношения Русской Православной и Римско-Ка-толической церковей во второй половине 1990-х гг. на примере двусторонних встреч	46
Соловьева К.Е. Внешняя политика России в отношении пост-югославских государств в 1990–2000-е гг.	48
Воронина Л.А. "Казус Косово" во внешней политике России ...	50
Голик Д.В. Современные российско–белорусские информаци-онные войны (1999–2010 гг.)	53
Дорофеева А.В. Катынская трагедия в восприятии российского интернет–сообщества	56

Тямкова Н.А. Проблемы иммиграции как средства преодоления демографического кризиса в России	58
Целикова Т.Ю. Проблема размещения ПРО в российско-польских отношениях в 2000-2010 гг.	61
Цирулева Е.А. Российские интересы в Арктике в XX–XXI вв. ...	64
Шишканов И.Н. Торгово-экономическое сотрудничество России и США на пике финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг.	66

Секция "Власть и общество в истории России"

Бессараб К.Ф. История государственных символов России	68
Ионычева С.В. Отношение русской деревни к отмене крепостного права	70
Казеева Т.В. Критика “справа” пореформенных судебных институтов в конце XIX в.	73
Сулейманова Ю.Ф. Оренбургское мусульманское духовенство под юрисдикцией царской администрации в XIX веке: проблемы и результаты взаимоотношений	75
Купченко К.В. Проекты по местному управлению. К вопросу об участии представителей городских обществ Смоленской губернии в первой половине XIX в. во внутривластической жизни России	78
Мещеряков А.В. Войсковое хозяйственное правление в системе управления Оренбургского казачьего войска	81
Михайлов Д.С. Внутренняя организация губернского правления Оренбургского края в первой половине XIX века	83
Попп И.А. Добавочные мировые судьи: к проблемам модернизации мировой юстиции Российской империи	86
Шевченко А.В. Законодательное оформление “Евангелического общества молодых людей” и его взаимоотношения с самарскими губернскими властями	89
Сулоев И.Н. Образование и деятельность организаций Всероссийского крестьянского союза в Костромской губернии	92
Гильмутдинов Н.В. Общественно-политическая деятельность адвокатуры Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.	94
Гурская Н.В. Формы проявления локальной идентичности уральского казачества	97
Алексеев Н.А. Социальные истоки протестной активности служащих Владикавказского почтово-телеграфного округа в начале XX в.	100
Ерендеева А.Н. Самарские врачи в годы новой экономической политики	104

Берегела К.В. Деятельность Общества борьбы с алкоголизмом на первом этапе своего существования (1928-1929)	106
Белицкая М.А. Некоторые проблемы реформирования советской высшей школы в 1930-е годы (на примере Сталинграда)	109
Архипова Т.А. Школьная санитария Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны	111
Мальцев А.А. Миграции немцев Поволжья в 1940-50-е гг. (на материалах Куйбышевской области)	114
Веселова А.Д. Работа студенческих строительных отрядов с трудновоспитуемыми подростками (на материалах Саратовской области)	117
Радун И.Н. Проект деконцентрации власти в политической стратегии Н.С. Хрущева в начале 1960-х гг.	120
Рыжкова А.В. Культурная составляющая деятельности врача в исторической ретроспективе	123

Секция "История общественной и исторической мысли, политических партий, общественных движений и организаций"

Богатырев А.В. “От шлема к венцу, от жезла к скифетру”: русский резидент В.М. Тяпкин о выборах короля в Речи Посполитой в 1673–1674 гг.	126
Соколов С.В. “И от тех варяг прозвася Русская земля...”: взгляды М.В. Ломоносова и европейская историография XVI–XVII вв.	131
Селиверстов С.С. Родословная А.Н. Наумова	131
Замуленко В.С. ЛДПР и русский либерализм XIX – начала XX вв.: преемственность программ или названий?	135
Земницкая М.А. Православное просвещение: синтез государственной и церковной идеологии	137
Суворов В.В. “Восточничество” Э.Э. Ухтомского и славянофильская традиция отношения к Западу	142
Козлова А.Н. “Просвещенная бюрократия” в официальной журналистике в России середины XIX в.	145
Ицкович М.А. Русский нигилизм 1860-х годов: терминологические рамки	147
Серых Д.В., Федорова Е.Ю. Мемуары графини П.С. Уваровой как источник по истории Московского археологического общества	150
Досекин Е.С. Биографический метод исторического исследования (на примере изучения комплекса взглядов и деятельности Е.Н. Трубецкого)	155
Савенкова О.Д. “После освобождения”: отмена рабства по обе стороны океана в концепции Питера Колчина	159

Пазин Р.В. Либеральные партии и террор в Первой российской революции 1905-1907 гг.	162
Миняшев В.С. Борьба депутатов за расширение финансово-бюджетных полномочий народного представительства в III Государственной думе	165
Васильченко М.А. Генерал Станислав Чечек на Поволжском фронте Гражданской войны	169
Гайдашев А.В. Антисоветские настроения на территории Сталинградской области в первые месяцы ВОВ	171
Синельникова Е.Ф. Деятельность первого председателя Самарского общества археологии, истории, этнографии и естествознания (личностный аспект)	174
Панин Е.В. Коммунистический университет национальных меньшинств Запада имени Ю.Ю. Мархлевского	176
Неменко Е.П. Советская литература о среднем классе: от борьбы с “мещанством” до социального компромисса	179
Кочережко С.С. Советская историография проблем идеологии Пугачевского восстания 1773–75 гг.	183
Аброскина И.С. Научная деятельность А.М. Анфимова	186
Габдрашитова М.А. Вопрос о национальной принадлежности капитала “Товарищества братьев Нобель” в постсоветской историографии	190

Секция "Русская культура и история повседневности"

Лушников А.А. Представления о посмертной участи у восточных славян и кризис их дохристианской религии	193
Манькова А.И. Европейская литература в круге чтения Екатерины II	195
Колесникова С.Ю. Становление миссионерского образования в середине 50-х гг. XIX в. (на примере Саратовской духовной семинарии)	198
Муратова С.А. Отражение русско-польского конфликта в музыкальной культуре XIX в.	201
Богородцев А.В. Миссионерская деятельность самарского духовенства в 60–90 гг. XIX в.	206
Тилли А.А. Вопросы культурного развития в деятельности государственных учреждений Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX века	210
Хохлова И.Л. Общественная деятельность учительства Самарской губернии второй половины XIX – начала XX вв.	211

Жукова С.В. Повседневная жизнь мещанской семьи в Самаре в конце XIX – начале XX вв.	214
Ситдикова А.Ш. Картины французских импрессионистов в частной коллекции мецената С.И.Шукина	217
Миронова Е.В. Проблемы народного образования в материалах казанского губернского дворянского собрания начала XX века	219
Корнилова Е.А. Казанский русский Большой драматический театр в начальный период Великой Отечественной войны 1941-45 гг. (22 июня 1941 – конец 1941 гг.)	222
Гурьева Т.О. Образ первоклассника и школьной среды в советских букварях 1950-60-х гг.	225
Липатов А.В. Деятельность музеев Сталинграда во второй половине 1950-х гг.	227
Клековкина Н.В. Потребительская революция советского образца: искусственная конструкция или работающая концепция?	229
Кусакин Е.О. Оценка исторического наследия В.О. Ключевского в глазах современников и потомков	232
Фечина А.М. Коммерческое информационно-музыкальное радиовещание в постсоветской России: проблемы типологии в работах отечественных авторов начала 1990-х – 2000-х гг.	234
Нагайцева Я.С. Исламизация в России. Взаимоотношения Самарской области и республики Татарстан	237

XVI ВСЕРОССИЙСКИЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ АКАДЕМИКА С.Ф. ПЛАТОНОВА В САМАРСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

В конце июня 2010 г. в Санкт-Петербурге состоялась конференция, посвященная 150-летию со дня рождения знаменитого отечественного историка Сергея Федоровича Платонова. На пленарном заседании, проходившем в Петровском зале здания 12 коллегий Санкт-Петербургского государственного университета, в одном из прозвучавших докладов, были подведены итоги Всероссийским Платоновским чтениям, проводящейся ежегодно с 1996 г. в Самаре научной конференции-конкурсе студентов, аспирантов и молодых ученых. Доклад был посвящен анализу вклада, собиравшихся в течение 15-ти лет, Чтений в формирование новой генерации историков России. Речь шла о почти двухстах юношах и девушках, чьи выступления были оценены как лучшие на секционных заседаниях конференции-конкурса или заслужили звание лауреатских. Оказалось, что за редким исключением все эти молодые люди смогли добиться серьезных успехов на научном поприще, защитили кандидатские диссертации, а некоторые стали докторами наук. Подавляющее большинство из них посвятили себя преподавательской и научной работе в российских вузах или стали научными сотрудниками академических учреждений. Преподавателей и ученых, прошедших школу Чтений, в настоящее время можно увидеть в стенах Московского, Санкт-петербургского, Казанского университетов, Уральского отделения РАН, других высших учебных и научных заведений республиканских и областных центров России. Через Платоновские чтения прошли начинающие исследователи, составивших значимую часть генерации нового поколения историков, ставшие важной составляющей преподавательского корпуса высшей школы и научных кадров академических учреждений. Характерно то, что среди присутствующих в Петровском зале и слушавших это сообщение находились бывшие студенты и аспиранты, выступавшие ранее с докладами в далекой Самаре, а также те, кто оценивал их доклады в качестве членов президиумов секций.

Состоявшиеся 19-20 ноября 2010 г. в Самарском государственном университете очередные XVI Платоновские чтения еще раз доказали значимость и необходимость этого научного мероприятия, популярность его среди студенческой и научной молодежи многих регионов

Российской Федерации. Организационные мероприятия конференции проводились по обычному, давно устоявшемуся порядку. Организационным центром Чтений традиционно стала кафедра российской истории Самарского государственного университета, на базе которой был создан Оргкомитет под руководством заслуженного деятеля науки РФ, профессора П.С. Кабытова. В его состав также вошли проректор по научной работе СамГУ А.Ф. Крутов, декан исторического факультета Ю.Н. Смирнов; преподаватели кафедры российской истории - профессор Э.Л. Дубман, доцент В.А. Тюрин, старший преподаватель Д.В. Серых, лаборант И.С. Аброскина. Координацией всей текущей работы по подготовке и проведению конференции занимался В.А. Тюрин. Активное участие в обеспечении мероприятий конференции приняли студенты – члены Студенческого научного общества исторического факультета СамГУ. Средства для издания тезисов, приема гостей, экскурсионно-развлекательной программы на паритетных началах предоставили Самарский и Тольяттинский государственные университеты, а также Министерство культуры Самарской области.

В программу конференции были включены 80 докладов студентов, магистрантов, аспирантов и соискателей из 12 городов Российской Федерации – Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Казани, Самары, Тольятти, Саратова, Волгограда, Пензы, Смоленска, Оренбурга, Краснодара, Костромы. Среди них 37 студентов и магистрантов, 35 аспирантов; 8 соискателей, научных сотрудников и преподавателей. Они представляли 26 учебных заведений - 8 классических университетов и 13 прочих высших учебных заведений, а также 3 академических института и 2 музея.

В состав Президиумов 4-х секций вошли ведущие профессора и преподаватели Самарского государственного университета, Самарской государственной академии культуры и искусств и других высших учебных заведений города: Г.А. Широков, Н.Н. Кабытова, М.И. Леонов, О.Б. Леонтьева, Э.Л. Дубман, В.А. Тюрин, З.М. Кобозева, Д.В. Серых, Н.А. Курсков, Е.В. Буланкина, М.М. Леонов.

На секционных заседаниях конференции выступили 52 докладчика, из них 31 студент и магистрант, 19 аспирантов, 2 научных сотрудника и преподавателя из 18 высших учебных заведений и академических центров Российской Федерации. Докладчики представляли классические университеты - Московский им. М.В. Ломоносова (2), Казанский (Приволжский) (1), Уральский (2), Самарский (26), Саратовский (2), Тольяттинский (5); другие высшие учебные заведения – Пензенский (1), Уральский (1), Оренбургский государственные педагогические университеты (2); Татарский государственный гуманитарно-педагогический (1) и Самарский государственный аэрокосмический

кий университеты (1); Самарскую государственную сельскохозяйственную (1) и Поволжскую государственную социально-гуманитарную академию (3), а также Поволжский гуманитарный колледж (1), Санкт-Петербургский институт истории РАН (1) и Институт истории и археологии Уральского отделения РАН (1).

Всего на 4-х секциях было зарегистрировано более 80 участников Чтений (докладчиков, членов Президиумов секций, студентов исторического факультета Самарского государственного университета).

Работа конференции – конкурса “Платоновские чтения” проходила в 2 этапа:

- 19 ноября 2009 года - работа секций.
- 20 ноября 2009 года – пленарное заседание.

На первой секции “Социально-экономическая история и международные отношения” было прочитано 17 докладов. Диплом первой степени был присужден аспиранту СамГУ (г. Самара) Малинкину Е.М. за доклад “Численность и структура городских гарнизонов Понизового Поволжья в XVII в.”; диплом второй степени аспиранту УрГУ (г. Екатеринбург) Я.А. Лазареву за доклад “...до дел малороссийских не касается”: к вопросу о статусе Киевской губернии в контексте российско-украинских отношений (первая четверть XVIII в.)”; диплом третьей степени – студенту СамГУ (г. Самара) Растрепину П.П. за доклад “Проблема участия новгородцев в Куликовской битве (по материалам “Сказания о Мамаевом побоище”.

Вторая секция “Власть и общество в истории России” собрала 11 докладчиков – студентов и аспирантов. Диплом первой степени решением президиума секции присужден аспиранту УрГПУ (г. Екатеринбург) Поппу И.А. за доклад “Добавочные мировые судьи: к проблемам модернизации мировой юстиции Российской империи”, диплом второй степени – аспирантке ОГПУ (г. Оренбург) Сулеймановой Ю.Ф. за доклад “Оренбургское мусульманское духовенство под юрисдикцией царской администрации в XIX веке: проблемы и результаты взаимоотношений”; диплом III степени аспиранту МГУ (г. Москва) – Берегеле К.В. за доклад “Деятельность Общества борьбы с алкоголизмом на начальном этапе существования (1928-1929 гг.)”.

В секции “История общественной и исторической мысли, политических партий и движений России” прозвучали доклады 14 студентов и аспирантов. Диплом первой степени был присужден аспиранту МГУ (г. Москва) Панину Е.В. за доклад “Коммунистический университет национальных меньшинств Запада им. Ю.Ю. Мархлевского”; диплом второй степени – аспиранту СГУ (г. Саратов) Васильченко М.А. за доклад “Генерал Станислав Чечек на Поволжском фронте Гражданской войны”, диплом III степени – аспиранту СамГУ (г. Самара)

Богатыреву А.В. за доклад “От шлема к венцу, от жезла к скифетру”: В.М. Тяпкин о королевских выборах в Речи Посполитой в 1673-1674 гг.”.

Секция “Русская культура” была представлена 12 докладчиками. Дипломом первой степени награждена аспирантка К(П)ФУ (г. Казань) Клековкина Н.В. за доклад “Потребительская революция советского образца: конструкция или концепция”; дипломом II степени – студентка СамГУ (г. Самара) Гурьева Т.О. (доклад “Образ первоклассника и школьной среды в послевоенных советских букварях 1945-1964-х гг.”); дипломом III степени – аспирант СамГУ (г. Самара) Богородцев А.В. (доклад “Миссионерская деятельность самарского духовенства в 60-90 гг. XIX в.”).

20 ноября 2010 г. состоялось пленарное заседание XVI Всероссийских чтений. На его мемориальном этапе собравшимся был показан снятый в 2008 г. режиссером В. Бакировым документальный фильм “Академик Платонов в Самаре”, а также заслушан доклад д.и.н., профессора Самарского государственного университета Г.А. Широкова “Наука – важный источник победы СССР в Великой Отечественной войне”.

Для присуждения звания Лауреата Платоновских чтений была создана коллегия профессоров. На конкурсном этапе пленарного заседания выступили с докладами победители секций. Звание Лауреата Платоновских чтений было присуждено аспиранту МГУ (г. Москва) Панину Е.В. за доклад “Коммунистический университет национальных меньшинств Запада им. Ю.Ю. Мархлевского.

В завершение пленарного заседания состоялся обмен мнениями о перспективах развития исторической науки в России, значимости всероссийских форумов научной молодежи. Участники Чтений высказались о безусловной необходимости продолжить работу конференции, не прерывать сложившуюся традицию.

По результатам конференции собран и подготовлен к изданию сборник тезисов “Платоновские чтения” объемом 15 печатных листов.

Кабытов П.С., Дубман Э.Л., Смирнов Ю.Н.

СЕКЦИЯ "СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ РОССИИ"

П.П. Растрепин

Самарский государственный университет

ПРОБЛЕМА УЧАСТИЯ НОВГОРОДЦЕВ В КУЛИКОВСКОЙ БИТВЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИРГИЗСКОГО СПИСКА "СКАЗАНИЯ О МАМАЕВМ ПОБОИЩЕ")

Данная работа посвящена изучению вопроса об участии новгородцев в Куликовской битве по тексту "Повести о новгородцах" в Иргизском списке "Сказания о Мамаевом побоище". Этот список практически не изучался в исторической литературе, поэтому особое внимание уделяется его источниковедческому анализу и выявлению в нем новой информации.

Актуальность темы несомненна, т.к. вопрос о составе войск Дмитрия Донского и участии новгородцев в Куликовской битве не до конца изучен в исторической науке и вызывает споры ученых. К тому же открытый почти столетие назад М.Н. Тихомировым Иргизский список одного из важнейших памятников Куликовского цикла – "Сказания о Мамаевом побоище" помогает исследовать данную проблему на новом материале. Работа проводилась с использованием архивных материалов Самарской областной научной библиотеки, где в Отделе редких книг содержится рукописный сборник XVI-XVII вв. С текстом "Сказания" [1], который был вывезен в Самару в годы гражданской войны из Иргизского монастыря историком М.Н. Тихомировым [2]. Цель исследования: выявить степень участия новгородцев в противостоянии русских войск Дмитрия Донского и Мамаю в 1380 г. по материалам Иргизского списка "Сказания о Мамаевом побоище".

Среди научной литературы особенно важными для моей темы являются труды М.Н. Тихомирова [14], В.А. Кучкина [12], Р.Г. Бескровного [6; 7], Р.Г. Скрынникова [13], Л.А. Дмитриева [8, 9], работы последних лет А.Л. Хорошкевич [15], А.О. Амелькина [5] и С.Н. Азбелева [4]. Последний детально рассматривает вопрос о помощи новгородцев Дмитрию Донскому.

Сборник Иргизского Средне-Никольского монастыря содержит исследуемый источник и представляет собой рукописную книгу объе-

мом в 237 листов смешанного, преимущественно исторического содержания. Большинство текстов записано полууставом XVII в.; есть записи полууставом XVI в.

Список “Сказания о Мамаевом побоище” содержится на листах 29-99 и имеет нетипичное заглавие, которое относится к другому произведению Куликовского цикла – к “Задонщине”.

Содержание и перечень событий соответствует Распространенной редакции “Сказания о Мамаевом побоище”, но текст Иргизского списка имеет отличия от нее. Есть сходства и отличия с Киприановской редакцией, а так же с Западнорусской. Очень подробно представлен здесь состав русской армии и сведения об “уряжении” полков. Это чрезвычайно важно, так как именно вопрос о составе армии Дмитрия Донского вызывает споры ученых; в источниках же приводятся разные и даже противоречивые данные.

Например, одни летописи сообщают, что на призыв великого князя Дмитрия Ивановича откликнулись князья ярославские, ростовские и белозерские, а также братья Андрей и Дмитрий Ольгердовичи с отрядом псковичей и брянцев. Другие летописи приводят данные об участии войск холмского, мешчерского, елецкого, муромского, кемского, ярославского и других князей.

Важнейшим источником, дополняющим сведения летописей, следует назвать Синодик Успенского собора в Московском Кремле, в котором записаны имена двух союзных князей, 8 московских бояр и воевод. Все они принадлежали к командному составу русской армии.

Эпизод уряжения полков под Коломной в “Сказании о Мамаевом побоище” показывает, что князей – союзников Дмитрия Донского было сравнительно немного. Все они владели второстепенными и окраинными вотчинами (князья белозерские, ярославские, муромские, елецкие, мешчерские и др.).

Многие русские княжества по разным причинам не участвовали в сражении с Мамаем. Историк Л.Г. Бескровный утверждает: “Не прислали своих полков Тверское, Рязанское и Смоленское княжества” [7, С. 227]. По вопросу участия новгородцев в Куликовской битве в современной науке существует 2 точки зрения: М.Н. Тихомиров, Р.Г. Скрынников, А.Л. Хорошкевич категорически отрицают участие новгородцев в сражении; академик Шахматов, историки Л.Г. Бескровный, Зимин, С.Н. Азбелев придерживаются противоположной точки зрения.

Рассмотрим, как отражает эту проблему “Повесть о новгородцах” в тексте Иргизского списка “Сказания”. Повесть занимает 5 листов. Анализ “Повести о мужах новгородцах” выявил идентичность событий, изображенных в повести, с теми, что показаны в тексте Распространенной редакции “Сказания”. Однако в преподнесении этих

событий составитель Иргизской рукописи сумел выразить не только сожаление об утрате Новгородом политической самостоятельности, но и важную идею единства Новгорода со всеми Русскими землями. Иргизский список дает некоторые доказательства того, что автором “Повести о новгородцах” мог быть книжник новгородского происхождения. Обратимся к тексту: посадники спрашивают владыку, ведет ли, “како востание на великого князя Дмитрия Московского и на все православное христианство, яко царь Мамай идет пленити землю их и веру Христову осквернити?”.

Посадники Новгорода не говорят о Мамае, что он хочет пленить землю “нашу”. Они сочувствуют всем православным, но о жителях Московского княжества говорят отстраненно: “Их” земля. Как будто автор все время помнит, что Мамай задумал разорить “Их” – Московское княжество, но не “его” Новгородскую землю!

В Рукописи Иргизского монастыря отсутствует лист с описанием новгородского веча. Содержание данного эпизода удалось восстановить при сопоставлении различных списков “Сказания”. Сравнение списков выявило принадлежность их переписчиков к различным русским землям. Изучение текста открыло также связь “Повести о новгородцах” со “Словом о полку Игореве” и, возможно, с общими для данных памятников письменности, фольклорными источниками.

Выявлено, что “Повесть о новгородцах” в тексте Иргизского списка не является инородным включением. Она связана с содержанием всего “Сказания”. Упоминание о новгородцах в других разделах рукописи многократны. Текст “Повести” не только свидетельствует об участии воинства Великого Новгорода в Куликовской битве как о достоверном событии, но и особо выделяет вклад новгородцев в общее дело противостояния ордынцам. “Повесть” содержит ряд положений, которые находят подтверждения в других источниках этого времени. Например, Иргизский список сохранил сведения о сборе новгородцами воинства и назначении 6 воевод “крепких и мудрых: Ивана Васильевича посадника, сына его Андрея Волосатого, Фому Михайловича Красного, Дмитрия Данильевича Заверяжского Михаила пана Львовича, Юрия Хромого Захаровича и воинов сорок тысяць”.

С.Н. Азбелев [4, С. 91] свидетельствует, что с середины XIV в. войска Новгородской республики возглавлялись в походах именно пятью или шестью воеводами, т.к. это соответствовало числу концов (т.е. районов) тогдашнего Новгорода, представлявших своих военачальников для армии. Имена названных в Иргизском списке воевод, например, Ивана Васильевича и его сына Андрея Ивановича трижды упоминаются в новгородских летописях под 1366 – 1399 гг. Составитель Иргизского списка демонстрирует сознательность новгородцев, которые сами, не дожидаясь призыва великого князя, принимают на

вече общенародное решение участвовать в битве, снаряжают большое войско, и назначают опытных военачальников.

На мой взгляд, сведения “Повести о новгородцах” необходимо сопоставить с данными других источников. Что мы имеем на сегодняшний день? Такой важный источник, как новгородские летописи об участии новгородцев в битве ничего не сообщают. Но синодик 1552 г. церкви Бориса и Глеба в Новгороде сохранил запись о поминании “...и на Дону избивенных братии нашей при велицем князи Дмитреи Ивановичи” [3, С. 383]. Имеются сведения немецких хроник о победе русских над татарами в 1380г. рядом с записью о съезде торгового дома Ганзы в Любеке. Ганза имела свои конторы только в 2-х русских городах: в Новгороде и Пскове и именно из них могла получить информацию. Как известно, во времена правления Дмитрия Донского между Москвой и Новгородом был заключен военный союз, оформленный особым договором за 5 – 8 лет до Куликовской битвы. Историки Л.В. Черепнин [16, С. 355-356], А.А. Зимин [10, С. 317-318], В.Л. Янин [17, С. 205-209] датируют данный документ 1372 – 1375 годами. Оборонительный союзный договор предусматривал взаимные обязательства против потенциальных противников, точно названных в тексте документа. Татары в договоре не упомянуты, так как непосредственно никогда не угрожали Великому Новгороду. Зато на первом месте названы литовские князья, не раз воевавшие и против Москвы, и против Новгорода. Таким образом, договор обязывал новгородцев в случае выступления Литвы против Московского великого князя Дмитрия Ивановича оказать ему помощь. Возможно, литовский князь Ягайло, спешивший со своей армией на соединение с войсками Мамай, потому и остановился в Одоеве за день пути до Куликова поля, что узнал о новгородцах в составе армии Дмитрия Донского. Можно сделать вывод, что составитель Иргизского списка утверждает: роль новгородцев в общерусском воинстве Дмитрия Донского велика. Не случайно, в “Сказание” включается рассказ именно о новгородских войсках, а не о дружине какого – либо другого княжества. Итак, открытым остается вопрос о том, насколько достоверны свидетельства “Повести о новгородцах” об участии их в Куликовской битве. Эта проблема требует для своего решения очень многих дополнительных исследований, сопоставления данных различных источников. Иргизский список, в котором помещена “Повесть о новгородцах”, представил важные сведения об участии новгородцев в Куликовской битве. Но список этот таит еще много загадок, поэтому необходимо продолжить его изучение.

Библиографический список

1. Отдел редкой книги Самарской областной универсальной научной библиотеки. № 108. Списание Софонии Резанца похвала великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимиру Андреевичю. Сборник (XVI-XVII вв.). – Л. 29-99.
2. Отдел редкой книги Самарской областной универсальной научной библиотеки. № 1972. Тихомиров М.Н. Описание рукописей Иргизских монастырей (Верхне-Спасо-Преображенского и Средне-Никольского).
3. Сказания и повести о Куликовской битве. – Л., 1982.
4. Азбелев С.Н. Сказание о помощи новгородцев Дмитрию Донскому // Русский фольклор. (Материалы и исследования). – Т. 13. – Л., 1972.
5. Амелькин А.О. Куликовская битва // Куликово поле. Вопросы историко-культурного наследия. Труды научно-практической конференции “Куликово поле – уникальная культурно-историческая и природная территория”. – Тула, 2000.
6. Бескровный Л.Г. Историография Куликовской битвы // Куликовская битва. – М., 1980.
7. Бескровный Л.Г. Куликовская битва // Куликовская битва. – М., 1980.
8. Дмитриев А.А. К литературной истории “Сказания о Мамаевом побоище” // Повести о Куликовской битве / Изд. подг. М.Н. Тихомиров, В.Ф. Ржига, Л.А. Дмитриев. – М., 1959.
9. Дмитриев А.А. Обзор редакций “Сказания о Мамаевом побоище”. // Повести о Куликовской битве / Изд. подг. М.Н. Тихомиров, В.Ф. Ржига, Л.А. Дмитриев. – М., 1959.
10. Зимин А.А. О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII – XVвв. // Проблемы источниковедения. – М., 1956. – Т. V.
11. Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины (Материалы юбилейной научной конференции). – М., 1983.
12. Кучкин В.А. Победа на Куликовом поле // Вопросы истории. – 1980. – №8.
13. Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси XIV-XVI вв. – Новосибирск, 1991.
14. Тихомиров М.Н. Куликовская битва 1380 г. // Повести о Куликовской битве / Изд. подг. М.Н. Тихомиров, В.Ф. Ржига, Л.А. Дмитриев. – М., 1959.
15. Хорошкевич А.Л. Куликовская битва в становлении национального самосознания русских, украинцев и белорусов // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. Труды юбилейной научной конфе-

ренции “Дмитрий Донской — государственный деятель, полководец, святой”. — Тула, 2001.

16. Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV — XV вв. — Ч. 1. М. — Л., 1948.

17. Янин В.Л. Новгородские посадники. — М., 1962.

А.И. Натаров

Самарский государственный университет

ГАРНИЗОНЫ КРЕПОСТЕЙ СИМБИРСКО-КОРСУНСКОЙ ЗАСЕЧНОЙ ЧЕРТЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ,
проект № 10-01-00194а.*

Создание Симбирско-Корсунской засечной черты обеспечило заселение всего Правобережья Симбирского Поволжья и способствовало быстрому включению его территории в экономическое и политическое пространство страны. Значимость постройки оборонительных сооружений для освоения региона трудно переоценить. Однако крепости были сильны не только и не столько своими фортификационными сооружениями, но и теми служилыми людьми, кто составлял их гарнизоны.

Опорными укрепленными пунктами засечной черты являлись три города — Симбирск, Корсун, Аргаш; три пригорода — Юшанск, Тагаев, Уренск и четыре острога — Малый Корсунов, Сокольский, Тальский, Сурский [1, С. 37].

Как показывает К.С. Носов на примере крепостей Белгородской засечной черты, в небольших пограничных крепостях на каждую сажень укреплений приходилось примерно от одного до двух человек. Вряд ли это было случайностью: небольшая по размеру крепость может подвергнуться атаке одновременно со всех сторон и, если численность ее защитников не будет соответствовать протяженности укреплений, оборонять ее будет невозможно. Гарнизон, по мнению исследователя, определялся стратегическим положением и задачами обороны определенного участка Белгородской черты, а вот крепость вводили в строгое соответствие с предполагаемой численностью гарнизона [2, С. 18].

Таким образом, анализ численности защитников и артиллерийского вооружения каждого укрепленного пункта позволит выяснить особенности его стратегического значения.

Наиболее сильными гарнизонами численностью свыше тысячи человек в составе Симбирско-Корсунской черты обладали два города – Симбирск и Корсун.

Всего гарнизон Симбирска составлял 1375 служилых людей, в том числе 113 дворян и детей боярских, 762 казака и 500 стрельцов [3, С. 233]. Среди защитников города можно отметить явное преобладание городских казаков, больше трети составляли стрельцы. В связи с важностью крепости она заселялась со времени основания и до 70-х гг. XVII в. по преимуществу служилыми людьми, в то время, как городской посад был очень невелик. По описи стольника Бестужева-Рюмина периметр стен Симбирска составлял около 415 саженей [4]. Таким образом, получается, что на каждую сажень укреплений города приходилось примерно трое служилых людей. Нужно также добавить, что Симбирск имел самое сильное артиллерийское вооружение среди крепостей засечной черты – 21 пушку и 5 затинных пищалей в 1670 г. [1, С. 41 – 45] и 39 пушек и 34 затинных пищали на 1703 г. [4].

Гарнизон города Корсуна (ныне р. п. Корсун) составлял 1011 стрельцов, казаков, станичных мурз и пушкарей [5, С. 36]. Длины стен прямоугольной крепости составляли 72 и 36 саженей [4] соответственно, общая была около 216 саженей. В данном случае количество защитников, приходившихся на сажень крепостных стен, было свыше четырех человек. По данным на 1703 г. в крепости стояло на вооружении 2 затинных пищали [4].

Самым маленьким городом засечной черты был Аргаш, длина стен которого составляла около 179 саженей [4]. Гарнизон насчитывал по Сметной росписи 1661 – 1663 гг. – 300 служилых людей [3, С. 239], здесь на сажень укреплений приходился всего один защитник, что и было типично для небольших крепостей Белгородской черты. Однако на вооружении крепости имелись 2 пушки и 5 затинных пищалей.

Что касается пригородов и других острогов их размеры и гарнизоны были за некоторым исключением значительно слабее. Гарнизон Юшанского острога составлял 359 человек [5, С. 37]. Периметр маленького квадратного острога составлял всего 104 сажени [4]. Здесь, как и в Симбирске, приходилось три защитника на сажень укреплений. На вооружении состояло 2 затинные пищали [4].

Пригород Тагаев насчитывал 278 служилых людей [5, С. 37]. Как и Юшанский острог, Тагаев был в плане квадратом со стороной в 46 саженей [4], поэтому общая длина стен составляла 184 сажени. Это был также типичный небольшой острог, в среднем один служилый человек на сажень укреплений, на вооружении состояло 2 затинные пищали [4].

Пригород Урень прямоугольной формы со сторонами в 51 и 26 саженей соответственно, периметр стен составлял около 154 сажени

ней, а гарнизон — 897 стрельцов и казаков по Сметной росписи 1661 — 1663 гг. [3, С. 235–236]. Здесь среднее число защитников каждой сажени крепостных стен могло достигать шести человек, что превосходит даже город Корсун. Артиллерия Уренска состояла из 4 затинных пищалей [4].

Малый Корсунов острог имел прямоугольную форму [7] (при длине 48 сажен и ширине 41 сажен [5, С. 35]), периметр стен около 178 сажен, на вооружении 2 пушки и 2 затинные пищали [4]. Сокольский острог так и не был достроен. Описания его вооружения нет в росписных списках XVIII в. [7]. В связи с тем, что в источнике не разделены гарнизоны этих двух острогов невозможно определить соотношение количества защитников с длиной оборонительных сооружений.

Длина стен Тальского острога составляла всего 56 саженей при гарнизоне, состоящем из казаков, стрельцов, мурз и мордвы, общей численностью 251 человек [3, С. 239]. Здесь численность служилых людей на каждую сажень достигала 4 человек. В Тальске имелось по 2 железные пушки и затинных пищали [4].

В Сурском остроге (ныне село Первомайское Инзенского района [6]) по Сметной росписи 1661 — 1663 гг. числилось всего 169 стрельцов и казаков [3, С. 239]. Крепость была почти квадратной формы со сторонами в 22 и 23 сажени, что составляло в периметре около 90 саженей. Здесь, как и в Аргаше, на сажень укреплений приходился всего один защитник, в остроге имелась одна медная пушка [4].

Из всего сказанного выше можно сделать несколько выводов. Во-первых, пропорционально длине стен наибольшее количество защитников было в Урене, минимально возможное, сравнительно с Белгородской чертой, в Аргаше, Тагаеве и Сурском остроге.

Во-вторых, небольшое количество артиллерии компенсировалось большей численностью служилых людей (на каждую сажень укреплений), например Корсун и Урень с гарнизонами в 1011 и 897 человек соответственно располагали 2 и 4 затинными пищалами. Хотя нельзя исключать вероятности утраты, либо перебазирования к началу XVIII в. части орудий, стоявших на вооружении крепостей Засечной черты. Против этой версии свидетельствует рост количества пушек в Симбирске в период с 1670 г. по 1703 г.

В-третьих, статус города, пригорода или острога не был напрямую связан с численностью служилых людей и размером крепости. Например, пригород Урень более чем вдвое превосходил Аргаш по количеству защитников.

Библиографический список

1. Гуркин В. А. Симбирская черта. – М.; Ульяновск, 2000.
2. Носов К.С. Гарнизоны русских крепостей XVI – XVII вв. // Проблемы Отечественной истории. – Выпуск 11. – М., 2009.
3. Сметы военных сил Московского государства 1661 – 1663 гг. // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. – Кн. 3. 1911.
4. Опись стольника Бестужева-Рюмина 1703 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://baza.vgd.ru/11/75794/?pg=10>.
5. Лебедев В. И. Легенда или быль по следам засечных сторожей. – Пенза, 2006.
6. Сурская правда. – 6 мая 1999. – № 51.
7. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.simbir-archeo.narod.ru/Russian/17vek/simbir.line>.

Е.М. Малинкин

Самарский государственный университет

ЧИСЛЕННОСТЬ И СТРУКТУРА ГОРОДСКИХ ГАРНИЗОНОВ ПОНИЗОВГО ПОВОЛЖЬЯ В XVII ВЕКЕ

В области изучения военной истории Московского государства XVII столетия одной из наименее изученных проблем является изменение численности военных гарнизонов городов Европейской России, динамика этих изменений в целом по отдельным городам и всей территории региона, относящейся в плане управления к приказу Казанского Дворца, а также изменения численности отдельных категорий служилых людей.

По большому счету среди работ отечественных историков нет специальных исследований по общему изменению численности вооруженных сил Москвы на протяжении XVII века. Как правило, выявление общей численности армии даются по отдельным периодам и родам войск. Так, в “Истории русской культуры XVII века” П.П. Епифанов приводит таблицу изменений численности отдельных родов войск, сравнивая показатели 1627/28 годов и 1636 года, то есть до и после Смоленской войны, а также разделяет полевую армию и городские гарнизоны [1, С. 237]. В “Очерках истории СССР. XVII век” приводится сравнение численности отдельных видов войск, в 1651 и 1680 годы [2, С. 448]. Наиболее полную картину изменений в тече-

ние всего указанного периода дает А.В. Чернов, характеризую данный процесс по всем основным категориям служилых людей, хотя и без систематизации по отдельным периодам [3, С. 126-131, 133, 136, 139-141].

Информация по численности и структуре гарнизонов понизовых городов содержится главным образом в сметах и росписях Разрядного приказа, так как документы приказа Казанского Дворца сохранились в очень небольшом объеме. Содержание документов Разряда и особенности анализа приводимых данных различаются в зависимости от того, к какому периоду в рамках XVII века они относятся. Если взять для анализа гарнизоны Казани с пригородами и основные понизовые города в хронологическом отрезке между 1630 и 1681 годами, то вырисовывается динамика изменений, как численности гарнизонов, так и отдельных категорий служивых людей, совпадающая с процессами, проходившими в армии в целом.

Накануне Смоленской войны, давшей основной толчок к освоению западноевропейского военного опыта, общее число военных сил из различных категорий служилых людей на территории Казанского приказа составляло более 20 тысяч человек [4, С. 40-49]. Крупнейшие гарнизоны имели Казань (с пригородами) и Астрахань – около 4 тысяч человек [4, С. 40-42, 44-45]. В первую очередь это были городовые выборные дворяне и дети боярские, а также пешие и конные стрельцы, то есть основа русской армии того периода. В смете Разряда не упоминаются зарождающиеся на тот момент для будущего Смоленского похода различные формирования “полков нового строя”, но по некоторым городам и особенно Казанским пригородам фигурируют в числе иноземцев “Немцы и Литва”, которые, вероятно, могли являться частями “Полков нового строя”. Как правило, их число не превышало нескольких десятков человек, за исключением Казани, где было 173 человека [4, С. 40-42, 44, 47].

К 1660 году численность всех военных сил приказа Казанского Дворца значительно увеличилась и составила более 30 тысяч человек. В смете 171 года (1661-1663 годы) дается информация уже не только по Казани, Казанским пригородам и основным понизовым городам, но по крепостям на засечных чертах. Также общее число войск делится на те, которые входили в полки князей Черкасского, Волконского и Леонтьева, а также находившихся на различных службах – всего 11282 человек из которых 256 записаны в рейтары. Городовую же службу несли 19249 человек [5, С. 53]. В общем заключении сметы дается итоговое число почти всех категорий служилых людей, упомянутых в смете и одной из основных проблем здесь является выявление числа ратников в “полках нового строя”. Если брать итоговое число записанных в солдаты, а также иноземцев, то получается более

1200 человек, что много больше, чем было к началу 1630-х годов [4, С. 43-53]. Но кроме этого, часть служилых людей по отчеству из некоторых городов, была переведена на рейтарскую службу и в полевой армии их число составляло 256 человек [6, 45-47, 53]. В целом число служилых людей, входивших в “полки нового строя” в Понизовье соответствовало количеству во всей армии, где их, накануне новой Смоленской войны, должно было быть не менее 12 тысяч.

К началу 1680-х годов вооруженные силы приказа Казанского Дворца объединяет особая структура – Казанский разряд, причины появления которого являются темой для дискуссий в историографии еще с начала XX века. К этому времени количество людей в “полках нового строя” – солдаты, рейтары и копейщики составляют среди всего контингента вооруженных сил от Понизовья не менее 18 тысячи человек [7, С. 82-83]. При этом, наряду с иноземцами и переведенными на рейтарскую службу служилыми людьми, составлявшими, по-видимому, полевую армию, основой гарнизонов понизовых городов продолжают оставаться городское дворянство, стрельцы и казаки, хотя численность дворянской конницы к этому времени заметно сокращается.

Подводя итог рассмотрению динамики изменений в численности гарнизонов понизовых городов и изменений в составе служилых людей гарнизона, необходимо в первую очередь отметить, что эти изменения соответствовали процессам в постепенной трансформации русской армии, которые шли в других регионах Московского государства. Если к началу 1630-х годов основу гарнизонов и полевой армии Понизовья составляли городские дворяне и стрельцы, то к концу столетия основной военной силой региона становятся “полки нового строя” Казанского разряда, в которых сфокусировался процесс перевода дворянского ополчения в более регулярную формы организации войска.

Библиографический список

1. Епифанов П.П. Войско // Очерки русской культуры XVII в. – Ч. 1. – М., 1979.
2. Очерки истории СССР. XVII в. / Под ред. А. А. Новосельского. – М., 1955.
3. Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV-XVII в. – М., 1954.
4. Сметный список 139 году // Временник императорского Общества Истории и Древностей Российских. – Кн. 4. – 1849.
5. Сметы военных сил Московского государства 1661-1663 гг. // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. – Кн. 3. – 1911.

6. Сметный список 139 году // Временник императорского Общества Истории и Древностей Российских. – Кн. 4. – 1849.

7. Роспись перечневая ратным людем, которые во 189 году росписаны в полки по разрядам // Описание Государственного Разрядного Архива. – М., 1842.

К.В. Карманова

Самарский государственный университет

СВИДАНИЕ В БИРЖАХ

Борьба русского государства за выход в Балтийское море в начале XVIII в. происходила в сложной международной обстановке. В западной Европе шла война за испанское наследство между франко-испанской коалицией и Великим союзом, т. е. Англией, Голландией и Австрией. Франция и страны Великого союза постоянно вмешивались в развитие событий на севере и востоке Европы [1, С. 33].

Северная война началась не так и не тогда, когда и как ее планировали северные союзники [2, С. 81]. Сразу же начались осечки. В самом начале войны в 1700 г. капитулировала Дания, Первые неудачи саксонской армии в Прибалтике побудили короля Августа II искать мирного соглашения со шведами [3, С. 68]. Россия также начала войну с позорного проигрыша под Нарвой [4, С. 21].

Сражение под Нарвой – не только тяжелое военное поражение русской армии, но это еще более тяжелые для России политические последствия. Почти полная международная изоляция [5, С. 43]. Остался один, ненадежный, но необходимый союзник – саксонский курфюрст и польский король Август. События показывали, что на него положиться нельзя. Тем не менее, обстоятельства вынуждали его дорожить союзом с Петром, из-за желания удержать польскую корону в своих руках. Саксонский курфюрст чувствовал, насколько сильно русский царь заинтересован в сохранении единственного союзника, и манипулировал Петром, в своих интересах. В этих условиях происходит важная дипломатическая встреча Петра I и Августа II [6, С. 166]. Встреча была длительным этапом подготовки двух союзников [7, С. 168].

Основными вопросами состоявшегося в феврале 1701 г. в Биржах свидания союзных монархов явились вопросы об укреплении уже существовавшего русско-саксонского союзного договора и достижения союзного соглашения с Речью Посполитой об условиях вступления ее в войну против шведов [8, С. 44].

Инициатором встречи выступал польский король, поскольку именно для него возобновление поддержки Петра и польский вопрос представляли наибольшее значение. Сам Петр отмечал данный факт в письме от января 1701 г. “Возлюбленный брате! Вчерашнего дня получили мы [через нашего курьера] ваши два письма, в которых объявляете свое постоянное ваше к нам намерение, также и особою своею сам с нами видеться изволяешь в Динебурке, которое дело мы с немалым удовольствием прием(лем), [ибо через посылку так сделать невозможно] и путь свой немедленно отправить потщимся” [9, С. 421].

Встречи Петра с Августом приобрели обычный для них характер: дела решались за столом и в увеселениях. “И когда за столом были они уже веселы, то Петр Великий пил за здоровье короля Польского и, пожав при том ему руку, говорил: “Да будут мысли наши столь тверды, сколько сильны наши телеса!” На се отвечивал король: “Да здравствует сила, с силою соединенная, которая врагов разьет в прах”” [10, С. 25].

Но при этом Петр и Август, вели активные дипломатические переговоры на благо своих интересов. По отзыву лиц, видевших Петра в Биржах, он произвел на всех весьма выгодное впечатление. Удивлялись его рассуждениям о флоте и войске, его предприимчивости, его познаниям в географии и черчении [11, С. 401]. В течение двух недель Петр и Август договаривались о союзе, между собой и поляками. 26 февраля был заключен союз с Августом и предоставлены условия союзнического соглашения полякам, но из-за разногласий он не был заключен [12, С. 93].

Несмотря на тяжелое состояние экономики в стране и отсутствие казны, Петр, по возвращении в Россию, сдерживает обещания, принятые при заключении союза [13, С. 150]. Август же нуждавшийся в поддержке Петра I, не взял на себя ни каких новых обязательств, ограничившись лишь подтверждением союза.

Библиографический список

1. Санин Г.А. Традиционное и новое в политическом курсе // История внешней политики России XVIII век. – М., 1998.
2. Возгрин В.Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны (история дипломатических отношений в 1697-1710 гг.). – Л., 1986.
3. Тарле Е.В. Северная война. – М., 1958.
4. Кафенгауз Б.Б. Северная война и Ништадский мир. – М., 1944.
5. Корольюк В., Свидание в Биржах и первые переговоры о польско-русском союзе // Вопросы истории. – М., 1948. – № 4.
6. Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Первого – М., 1984.

7. Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год), ч. III. (Курляндия, Лифляндия, Эстляндия, Финляндия, Польша и Португалия). – М., 1897.

8. Королюк В. Свидание в Биржах и первые переговоры о польско-русском союзе // Вопросы истории. – М., 1948. – № 4.

9. Письма и бумаги императора Петра Великого (1688-1701). Т. 1. – СПб., 1887.

10. Брикнер А.Г. История Петра Великого – М., 2004.

11. Майков Л.Н. Рассказы Нартова о Петре Великом. – СПб., 1891.

12. Устрялов Н. История царствования Петра Великого. – Т. I. – Ч. I. Битва под Нарвою и начало побед. – СПб., 1863.

13. Павленко Н.И. Петр Великий. – М., 1990.

Я.А. Лазарев

Уральский государственный университет

**“...ДО ДЕЛ МАЛОРОССИЙСКИХ НЕ КАСАЕТСЯ”: К ВОПРОСУ
О СТАТУСЕ КИЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-
УКРАИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ (ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XVIII В.)**

Работа проводилась при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям по государственному контракту № 02.740.11.0348 на выполнение НИР “Социокультурные и институционально-политические механизмы исторической динамики переходных периодов”, шифр “2009–1.1–301–072–017”

Первая четверть XVIII в. была насыщена важными политическими событиями для отечественной истории. Не менее значимым этот период стал для Гетманщины. Сложившаяся в украинской и российской историографии традиция описывает это время как радикальный поворот в политике Петра I по ограничению политической автономии Гетманщины. Отличия внутри этой традиции сводятся лишь к тому, что одни историки считают, будто такие планы в голове царя созрели до измены гетмана Мазепы [1, С. 34; 2, С.119; 3, С. 115; 4, С. 26], другие – после [5, С. 276], а некоторые и вовсе включают Гетманщину в состав Киевской губернии [6, С. 74-75]. На насколько обосновано данное утверждение об “украинской” политике Петра I? Наверно, чтобы ответить на этот вопрос необходимо поставить его иначе: как затрагивали петровские преобразования территорию Гетманщины?

Рассуждать на эту тему невозможно без рассмотрения первой губернской реформы, точнее – истории становления Киевской губер-

нии и анализа прерогатив ее главы. Начнем мы с интересного казуса. В издании писем и бумаг Петра I опубликована память монарха от 31 марта 1707 г. В ней содержится указ об утверждении киевским губернатором Д.М. Голицына и передаче из Малороссийского приказа в Разряд “города Киева и прочих Малороссийских городов”. Решение этого вопроса откладывалось до приезда гетмана Мазепы на военный совет в Жолкву [7, С. 581-582]. Наличие этого документа позволило Т.Г. Таировой-Яковлевой заключить, что российский государь хотел распisać все города Гетманщины и тем самым ликвидировать самобытность края [8; 9, С. 177]. Допущение реализации подобных планов нашло свое отражение в отечественной историографии [10, С. 31, 194].

Опровергнуть утверждение Т.Г. Таировой – Яковлевой помогают наблюдения П.Н. Милюкова. Он показал, что с 29 января 1707 г. “Киев и прочие замки в черкасских городех, в которых наши воеводы” приписывались к Белгороду. Самому Д.М. Голицыну указывалось к весне быть в Киеве и оттуда управлять Белгородским разрядом, а также именоваться “воеводой киевским” [11, С. 260-261]. К тому же в “Полном собрании законов” мы встречаем указ от 10 февраля 1707 г., объявленный Т.Н. Стрешневым такого же содержания, в т.ч. по нему посылалась память в Малороссийский приказ. Дополнительно был издан указ 1 марта 1707 г., примечательный для нас тем, что в нем упоминаются уже только Киев и “черкасские замки” [12, т. 3, С. 374-375]. П.Н.Милюков, а затем Г.Ю. Гербильский под собирательным названием “черкасских городов” подразумевали Чернигов, Нежин, Переяслав и города по реке Самаре. Откуда взялись в ведомстве Малороссийского приказа эти города [11, С. 261; 13, С. 81]?

Для этого необходимо вспомнить “статьи”, заключенные с гетманами, начиная с Брюховецкого. Перечисленный перечень городов практически в неизменном составе вошел и в Каламакские статьи, подписанные с гетманом Мазепой в 1687 г. [14, отдел 2, С. 308]. Поэтому документы имеют совершенно иную логику, чему ту, что им была навязана. В этой связи уместно будет поставить вопрос об отношении Гетманщины и новообразованной Киевской губернии.

Как показывают документы в обязанности киевского губернатора входило совместно с гетманом: заниматься заготовкой фуража, готовиться к обороне края, создавать комиссии по поимке беглых крестьян и солдат (т.е. поданных Российского государства), либо уведомлять об этом ясновельможного [15, т. 4, С. 216; т. 6, С. 245-248; 16, С. 70; 17, С. 111-113]. К тому же апрельский указ Петра I 1722 г. предписывал киевскому губернатору “до судов и правления Малороссийского не вступаться и указов от себя до старшин <...> не засылать” [12, т. 6,

С. 669-670]. Не случайно известный ученый-географ XVIII в. И.К. Кириллов отмечал, что губернатор “до дел малороссийских не касается” [18, С. 160].

Единственным исключением можно считать раскольничьи слободы в Гетманщине, которые появляются в середине 1680-х гг. С конца 1714 по 1718 гг. Д.М. Голицын и гетман Скоропадский занимались их переписью. Результатом чего стало появление специфичной административной единицы в ведении киевской губернской канцелярии — “государевы описные малороссийские раскольничьи слободы”. Специфика новых единиц была в том, что они изымались из налоговой системы Гетманщины, находясь на ее территории. Таким образом, гетман и старшина лишались солидного дохода. Реакция не заставила себя долго ждать и уже 1722 г. гетман И. Скоропадский слал в Петербург прошения о выселении старообрядцев. Однако ситуация разрешилась только в 1728 г., когда они переданы в ведении того “кому при гетмане быть” [20, С. 57-66]. Возможно, имелась ввиду канцелярия министерского правления [21, С. 510; 20, С. 206-207].

Приведенные факты позволяют утверждать, что российский чиновник высшего ранга (киевский губернатор) не имел полномочий вмешиваться в дела “гетманского регимента”. Таким образом, в отношении Гетманщины создание Киевской губернии, как мы считаем, разграничила на административном и территориальном уровнях российские и гетманские прерогативы и не являлась мерой, направленной на ограничение автономного статуса края в период петровских реформ.

Библиографический список

1. Бантыш-Каменский Д.Н. История Малой России. От водворения славян в сей стране до уничтожения гетманства. — М., 1842. — Ч. 3.
2. Розенфельд И.Б. Присоединение Малороссии к России (1654-1793). — СПб., 1915.
3. Костомаров Н.И. Мазепа. — М., 2004.
4. Боршак І. Іван Мазепа — людина і історичний діяч. — Київ, 1992.
5. Горобець В. “Волимо царя східного...”. Український Гетьманат та російська династія до і після Переяслава. — Київ, 2007.
6. Манько А. Блюстители верховной власти: институт губернаторства в России. — М., 2004.
7. Письма и бумаги императора Петра Великого. — СПб., 1912. — Т. 6.
8. Яковлева Т.Г. Мазепа — гетман: в поисках исторической объективности // <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/HISTORY/MAZEPA.HTM#54>.

9. Таирова-Яковлева Т.Г. Мазепа. — М., 2007.
10. Артамонов В.А., Кочегаров К.А., Курукин И.В. Вторжение шведской армии на Гетманщину в 1708 г.: образы и трагедия гетмана Мазепы. — СПб., 2008.
11. Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого. — СПб., 1905.
12. Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года. — СПб., 1830.
13. Гербильский Г.Ю. Русско-польский союз и Жолковский стратегический план // Полтава: к 250-летию Полтавского сражения. — М., 1959.
14. Источники Малороссийской истории, собранные Д.Н. Бантыш-Каменским. // Чтения в императорском обществе древностей российских. — М., 1858. — Кн. 1.
15. Доклады и приговоры Правительствующего Сената. — СПб., 1888. — Т. 4. — Кн. 1; — СПб., 1901. — Т. 6. — Кн. 1.
16. Універсали Павла Полуботка (1722-1723). — Київ, 2008.
17. Павленко С. Оточення гетьмана Мазепи: соратники та прибіутники. — Київ, 2004.
18. Кирилов И.К. Цветущее состояние всероссийского государства. — М., 1977.
19. Волошин Ю. Государевы описные малороссийские раскольнические слободы (XVIII в.): историко-демографический аспект. — М., 2005.
20. Чернов А.В. Государственные учреждения в России XVIII века (справочное пособие). — М., 1960.
21. Государственность России: словарь-справочник (конец XV в. — февраль 1917 г.). — М., 1999. — Кн. 2 (Д-К).

О.Д. Столяров

Самарский государственный университет

ПОЗИЦИЯ А.И. ОСТЕРМАНА В РУССКО-ТУРЕЦКОМ ВОЕННОМ КОНФЛИКТЕ 1735-39 гг.

Вторая четверть XVIII в. была относительно спокойным периодом во внешней политике России. Единственным крупным военным конфликтом этого времени стала русско-турецкая война 1735-39 гг. Считается, что в период с 1725-1741 г. фактическим руководителем внешней политики России был вице-канцлер А.И.Остерман, который яв-

лялся сторонником примирительного направления. Известно, что в 1735 г. Остерман выступал против начала войны с Турцией.

Цель данной работы – выяснить, какова была роль и позиция Остермана на всем протяжении русско-турецкого военного конфликта. Конфликт между Россией и Турцией был во многом результатом активных действий французской дипломатии, стремившийся к ослаблению позиций России в Европе. Первоначально Остерман был противником войны с турками, считая, что Россия имеет мало шансов на победу на вражеской территории [4, С.61]. Миних придерживался противоположной точки зрения. Когда война уже началась, фельдмаршал послал Бирону письмо, где к 1739 г. обещал захватить Стамбул [1, С.125].

Точка же зрения Остермана отражена в “Рассуждении” Кабинета министров 23 марта 1736 г., в котором крымская экспедиция рассматривалась как весьма серьезная и опасная затея [2, С.159].

16 июля 1735 г. расширенное заседание Кабинета министров приняло постановление, состоявшее из двух частей: внезапно напасть на Крым и, если возможно, овладеть им; вторая часть постановления предусматривала оказание всемерной помощи Ирану, воевавшему с Османской империей [2]. 10 марта 1735 г. с ним был заключен Гянджинский договор. Русская дипломатия ошибочно тешила себя иллюзией, что обрела надежного союзника, на которого можно положиться. Время показало, что расчеты Остермана обернулись просчетами, ибо военное счастье отвернулось от Ирана, и он заключил мир с Османской империей, предоставив ей возможность сосредоточить свои усилия против России [3, С.137].

Весной 1737 г. в Немирово был собран конгресс, целью которого была выработка условий примирения. Многие авторы не без оснований полагают, что Остерман в своих инструкциях русским уполномоченным выдвинул такие требования, на которые турки никак не могли бы согласиться, и на основании этого делают вывод, что Остерман намеренно хотел сорвать переговоры. Некоторые авторы считают, что такие требования были выдвинуты затем, чтобы турки согласились на более умеренные [5, С.38], однако таковые выдвинуты не были, хотя русские уполномоченные имели такую возможность.

Возможно, Остерман действительно намеренно срывал переговоры, полагая, что данная война, являясь сама по себе злом, не должна закончиться, не принеся никаких плодов, в то время как успехи России на поле брани едва ли давали шансы на большие выгоды в случае немедленного заключения мира. Тем не менее в Петербурге склонялись к миру. Еще в июне 1738 г. именным указом императрица уполномочивала Миниха заключить прелиминарный мир с Портой. Види-

мо, не надеясь на дипломатические способности фельдмаршала, в Петербурге решили использовать посредничество французского посла в Стамбуле маркиза Вильнева, благосклонно относившегося к туркам и слывшего за врага России.

Победы русских войск над турками при Ставучанах, овладение Хотинном и Яссами обозначили коренной перелом в ходе войны. Турки склонились к примирению. 18 сентября 1739 г. был подписан русско-турецкий мирный трактат. По нему Россия возвратила себе Азов (без права вооружения его) и получила право построить крепость на донском острове Черкасе, а Турция — в устье Кубани. Большая и Малая Кабарда объявлялись независимыми. России запрещалось держать флот на Азовском и Черном морях [3, С.137].

Белградский мир явился несомненным дипломатическим провалом Остермана, который не сумел организовать полноценные переговоры с турками и, подчиняясь давлению двора, дал согласие на заключение невыгодного для России мира. Думается, не последнюю роль здесь сыграл Бирон, который в 1736 г. вступил в борьбу за обладание короной герцогства Курляндского, и которому, вследствие этого, было крайне невыгодно продолжение войны с турками. На первом этапе войны Бирон, по всей видимости, поддерживал замыслы Миниха. Затем же, после начала “Курляндского дела”, Бирон стал выступать против войны. В 1737 г. он стал герцогом, но это мало что изменило: двор уже негативно относился к войне, да и утопичность грандиозного плана Миниха стала всем очевидной.

Библиографический список

1. Анисимов Е.В. Россия без Петра. — СПб., 1994.
2. Бумаги Кабинета министров Анны Иоанновны // Сборник Императорского русского исторического общества. — Т.117. — Юрьев, 1904.
3. Некрасов Г.А. Роль России в Европейской международной политике 1725 — 39 гг. — М., 1973.
4. Павленко Н.И. Анна Иоанновна. Немцы при дворе. — М., 2002.
5. Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота 1730-1735 г. СПб., 2001.

**ЦЕРКОВЬ И ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ
В ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ 20-х гг. XVIII в.**

Во внутренней политике Петра I еще с 1715 г. все большее значение стали приобретать элементы меркантилизма. Полноценный переход к правовой системе регулирования промышленности, основанной на меркантилистских воззрениях на экономику, начался с 1717 г., и к 1725 г. в целом было завершено формирование новой системы промышленного законодательства.

Подобный переход получил свое отражение и в нормативных документах, регулировавших деятельность православной церкви. Прежде всего, это отразилось на регулировании монастырской жизни. В проекте “Прибавлений” к Духовному регламенту 1722 г. в разделе “О житии монахов” в п. 18 было предложено следующее: “Весма монахом праздным быти да не допускают настоятели, избирая всегда дело некое. А добре бы в монастырях завести художества, на пример, дело столярное и иконное”. Рядом с этим пунктом Петр I поставил “+” и написал: “И протчее, что непротивно монашеству, а монахином пряжу, шитие и плетения кружев и протчего” [1, С. 97]. Данный пункт с петровским дополнением полностью вошел в окончательный проект, который был утвержден монархом в мае 1722 г. [2, С. 95].

В связи с этим 10 мая 1722 г. “тайным кабинет-секретарем” А.В. Макаровым на заседании Синода было предложено “обретающихся в Покровском на прядильном дворе баб, к надлежащему монахинь обучению, требовать в монастыри, и прислать о том в Кабинет письмо” [2, С. 278-279]. 31 августа 1722 г. Синод принял решение по этому предложению. Его члены “согласно приговорили”, что “не обучившимся никакого честного рукоделия обучаться от присланных из села Покровского мастериц прядения”. Такому прядению следовало обучать монахинь и живущих для пострижения “девок и вдов, которые не от благородных и честных родителей суть”. При этом обучение должно было вестись по новому “обыкновению”, в связи с чем умеющих прясть “по прежнему обыкновению” следовало переучить. Монахиням из “благородных и честных” предлагалось “употреблять иное честное рукоделие, а имянно: шитье, низанье и тому подобное”. Те же из них, которые не выберут себе такое “честное рукоделие”, должны были быть определены “ко оному прядению, да не будут праздны” [2, С. 469].

Под влиянием новой промышленной политики произошли изменения в отношении православной церкви к бракам православных с “иноверцами”. В 1721 г. В.Н. Татищев и И.Ф. Блиер, направленные в Сибирскую губернию для строительства медеплавильных заводов, сообщали в Берг-коллегию, что некоторые шведские военнопленные “имеют охоту селиться для торгов, где б особое место им дано было и позволено б было жениться им на русских девках без пренемения их веры”. В связи с этим Берг-коллегия выразила мнение, что шведским военнопленным, “которые имеют искусство в рудных делах и в торгах и в службу государеву идти пожелают”, следовало давать позволение “в женитьбе оной на русских девках без перемены их закону”. Берг-коллегия, испытывавшая кадровый голод в горных специалистах, обосновывала необходимость разрешения тем, что “в чужих краях в рудных делах гораздо искусных людей достать трудно и мало таких сыскать можно, дабы кто, тамо оставя свои дома и промыслы, и в Россию пошли в службы”.

В Синоде с пониманием приняли данное обращение Берг-коллегии, в связи с чем его члены “приговорили”, что в Сибирской губернии шведским военнопленным, которые “имеют искусство в рудных делах и в торгах и в службе Е.Ц.В. присягою обязалися вечно” или “со обязанием вечной присяги идти пожелают”, разрешается жениться на “русских девках”, но под условием, что ни своих жен, ни детей они не будут “в веру своего исповедания” приводить [3, С. 129]. Данное решение привело к появлению 5 августа 1721 г. довольно большого синодского послания с богословским обоснованием разрешения на брак между православными и “иноверцами” [3, С. 167].

Кроме того, православная церковь была привлечена к своеобразной пропаганде горного производства среди простого народа. 8 января 1723 г. Берг-коллегия направила в Синод доношение, в котором указывала, что в России “к произвождению минералов и металлов надежда великая явилась, и из Берг-коллегии начинаются строить серебряные, медные и протчие заводы, которого дела прежде сего в народе в обыкновении не было; отчего ныне некоторая упорность в народе является, опасаяся, чтоб им оттого излишней тягости и утраты в их недвижимых имениях не было”. В связи с этим Берг-коллегия просила о горном деле “в службе Божией, во ектениях, или в молитвах прошение ввесть”. По мнению коллегии, после этого “может, народ, услыша оное, принять за великое и государству полезное дело и оною молитвою мнится, что в произвождении рудных дел из народа противность может искорениться”. В Синоде, сделав выписки из “Требника” Петра Могилы (“Чин благословения нового Кладезя”), дали поручение епископу Тверскому и Кашинскому Феофилакту создать соответствующую молитву [4, С. 65-66].

Таким образом, в контексте меркантилистской промышленной политики Петра I православная церковь сама должна была трудиться на ниве мануфактурного производства, благословлять его, а также терпимее относиться к “иноверцам” — техническим специалистам в интересах развития производства. Подобное вовлечение церкви было одним из свидетельств системности петровского подхода к развитию промышленности в 20-е гг. XVIII в.

Библиографический список

1. Верховской П.В. Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент. К вопросу об отношении церкви и государства в России. — Т. II. Материалы. — Ростов н/Д., 1916.

2. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. — Т. II. — 1722. — СПб., 1872.

3. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. — Т. I. — 1721. — СПб., 1869.

4. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. — Т. III. — 1723. — СПб., 1875.

А.Ю. Шепелева

*Поволжская государственная
социально-гуманитарная академия*

ВОЛОНТЕРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ИЗ ГУБЕРНИЙ ПОВОЛЖЬЯ В СЕРБСКО-ЧЕРНОГОРСКО-ТУРЕЦКУЮ ВОЙНУ 1876 г.

В июне 1876 г. Сербия и Черногория объявили войну Турции. В русском обществе незамедлительно активизировалась кампания по поддержке южных славян. На конец 1876 г. в фонд помощи южным славянам по всей России было собрано более 4,5 млн. рублей [1, С. 74]. Высшим проявлением братской помощи русского народа южным славянам стало волонтерское (добровольческое) движение в Сербию, которое характеризуется следующими чертами: во-первых, движение для помощи раненым как участники санитарных отрядов; во-вторых, для борьбы в рядах сербской армии [2, С. 306].

Добровольческое движение не санкционировалось правительством и не организовывалось славянофилами. По словам лидера славяно-

филов И.С. Аксакова это движение не могло быть организовано правительством, оно носило всенародный характер [3, С. 218]. Численность русских офицеров специально выходявших в отставку, чтобы отправиться в Сербию была настолько велика, что Александр II 27 июля (8 августа) 1876 г. официально разрешил офицерам временно выходить в отставку.

В основном вербовкой добровольцев занимались славянские комитеты, но скоро они исчерпали свои средства и прекратили набор. Немалую роль в отправке добровольцев сыграли частные сборы и личные средства отправляющихся на Балканы. Немало трудностей встретили русские добровольцы, приехавшие в Сербию. Впервые месяцы войны волонтеры были неорганизованны и зачастую находились без средств. "...без толку шлялись по "кафанам", проедаая все свои деньги в ожидании. Но никому не было до них дела" [4, С. 249].

Определить социальный состав добровольцев достаточно трудно. Однако исследователи отмечают, что в рядах добровольцев преобладали революционно настроенные студенты и врачи, корреспонденты газет и журналов, крестьяне и рабочее [5, С. 21]. Многие участники волонтерского движения замечают, что представлены были все сословия, никто не остался равнодушным к происходящим на Балканах [6, С. 297].

Мотивы же добровольцев были весьма возвышенными, но нередко весьма аморфными: "Какое чувство наполняло душу в эти минуты?...Цель поездки, разлука с близкими, может быть, навсегда, — все это производило в голове такой хаос, что я не в состоянии дать себе отчет о волновавших меня ощущениях" [4, С. 236]. Отсутствовали также достоверные сведения о количестве добровольцев и о том, куда они направлялись. Всего же количество добровольцев составило, с учетом всех огрехов, 4303 чел. [2, С. 306], по другим данным около 6 тысяч человек [7, С. 22].

Сербские власти и население приветствовало добровольцев. В пример положительного отношения сербов к русским можно привести случай из воспоминаний В.В. Ящерова, добровольца из Нижнего Новгорода. К сожалению, бывали случаи воровства некоторыми русскими добровольцами. "... Двое наших хапнули что-то...Сербские власти не преследовали русских по простой причине: зная, как русские умирали за них, они снисходительно смотрели на исключения" [4, С. 283]. Из губерний Поволжья было отправлено в Сербию около 400 добровольцев, хотя желающих было в десятки раз больше, были отправлены санитарные отряды [7, С. 22].

При анализе добровольческого движения в Поволжье важно разобратить особенности волонтерского движения по губерниям. Для ана-

лиза и сопоставления добровольческого движения были выбраны Нижегородская, Казанская, Симбирская, Пензенская, Самарская и Саратовская губернии. Критериями анализа волонтерского движения из поволжских губерний стали: количественный и социальный состав добровольцев, цель поездки добровольцев (для участия в сражениях или для работы в медико-санитарных отрядах), количество денежных средств, собранных на нужды добровольцев.

Всего же, опираясь на данные приведенные историком И.М. Григорьевым, общее число добровольцев отправленных в Сербию из губернии Поволжья составило 261 человек, не учитывая тех, кто ехал самостоятельно. По последним данным, как уже отмечалось выше, из Поволжья уехало около 400 человек [7, С. 22].

Таким образом, можно сделать следующий вывод, что население губернии Поволжья активно участвовали в волонтерском движении в Сербию.

Библиографический список

1. Виноградов В.И. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. и освобождение Болгарии. – М.: Мысль, 1978.
2. Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858-1876 гг. – М.: МГУ, 1960.
3. Аксаков И.С. Сочинения. – М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1886. Ящеров В.В. В Сербии 1876-1877 гг. Записки добровольца // Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение 1875-1878 гг.: Сборник документов и материалов. – Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2009.
4. Григорьев И.М. Участие добровольцев Среднего Поволжья в национально-освободительном движении южных славян (1876 год) // Революционное движение в Среднем Поволжье и Приуралье. Научные труды. – Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1877. – Вып. 1. – Т.183.
5. Студенский Н.И. Организация казанского санитарного отряда, бывшего в Сербии, и его деятельность в г. Краеговце // Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение 1875-1878 гг.: Сборник документов и материалов. – Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2009.
6. Аншаков Ю.П., Чернов О.А. Помощь народов Поволжья в освободительной борьбе южных славян. 1875-1878 гг. // Вестник Самарского государственного педагогического университета: исторический факультет. – Самара: издательство СГПУ, 2006.

**ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ
МЕЖДУ САМАРСКОЙ И УФИМСКОЙ ГУБЕРНИЯМИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ САМАРСКОЙ ТОВАРНОЙ БИРЖИ)**

История появления биржи насчитывает несколько сот лет, первые биржи появляются при Петре I. Биржа – это одна из самых многочисленных групп предпринимательских представительных организаций в России [1, С. 265]. Цель работы – рассмотреть торговые отношения между губерниями через деятельность самарской товарной биржи. Временные рамки конец XIX – начало XX вв.

В работе используются следующие источники: материалы Центрального Государственного Архива Самарской Области (ЦГАСО), статистические сборники и должностные инструкции. С помощью которых можно проанализировать динамику совершаемых сделок.

Биржевая деятельность в России регулировалась статьями Торгового устава, “Инструкцией о порядке определения и увольнение, и о правах, и обязанностях маклеров” и уставами конкретных бирж. В этот период происходит внедрение механизации и совершенствование технологий производства. Совершающиеся акты купли-продажи проходили без предъявления продукции, а уже по выработанным стандартам. Здесь, как правило, торговали не наличными товарами, а обезличенными, то есть определенного стандарта или образца [2, С. 134-135]. Объектами биржевой торговли служили сельскохозяйственные продукты, особенно зерно и мука, а также сахар, чай, кофе, нефть, уголь, цемент и некоторые строительные материалы [2, С. 132-133]. Система срочных сделок в биржевой торговле готовым товаром стала возможной при формировании следующих принципов: торговля отсутствующим товаром, который сдавался во время сделки; этот товар был однородным; на этот товар был учтен будущей спрос или предложение.

В Уфе биржевая торговля начала функционировать в декабре 1905 года. Открытие состоялось в доме наследников Видинеевых на Александровской улице (сейчас ул. К. Маркса). На открытии присутствовали: управляющий губернией вице-губернатор А.И. Келеповский, Н.Н. Степанов, директор Государственного банка – А.К. Блохин, городской голова [3, С. 149]. На уфимской бирже, в основном, заключались сделки по оптовой продаже сельскохозяйственной продукции. В состав биржи входил Биржевой комитет. В уфимский Биржевой комитет Н.Н. Степанов, Д.К. Юдаев, В.И. Сорокин, В.П. Арцыбушев [3, С.149]. В состав Самарского Биржевого комитета входили:

сначала Ф.Г. Углов, далее — А.Г. Курлин (1895-1908), В.И. Ромашев (1908-1911) и В.Н. Башкиров (1911-1917), Н.Д. Батюшков, А.Н. Шадрин и Я.И. Гужев [4, С. 370; 8].

Договор о купле-продажи или доставки различной продукции, это юридический документ, где прописывались заказчик и исполнитель. Количество груза, его название, сроки и способ переправки. Чаще всего исполнители использовали водные пути, как это видно из договора: "... на доставку в Вашей барже и за собственным Вашим или арендованными Вами буксирными пароходами с ... пристани на реке Волге до Челны на реке Белой" [5, Д.26. Л. 7].

Источниками по изучению биржевых сделок служат маклеровские книги. По инструкции каждый маклер должен вести книгу и предоставлять ее в казенную палату губернии не позднее 30 января следующего года. Оплата работы маклеров производилась согласно 664 статьи XI т. Устава торгового, при заключении торговой сделки и составляла ? от процентов [6, С.2-7]. В Самарской бирже между самарскими и уфимскими купцами или между уфимскими купцами было заключено несколько десятков договоров. О динамике периодичности заключения сделок говорят записи маклеров Самарской биржи. В 1896-1898 году были зафиксированы 2-е первые сделки, 1900-1901 годы заключено 6 сделок, 1906 и 1908 годы по 1 сделке соответственно [5, Д. 5,8, 13, 16, 45, 47].

И.Н. Першин в 1896 году по договору № 13, сдал в аренду баржи и свой товар на доставку его в Рыбинск уфимским купцом М.Е. Коровкиным. Сделка была совершена через самарскую биржу и договор записан в актовой книге маклера Г.И. Анисимова. На уфимских и бирских пристанях, на баржах И.Н. Першина находился разный хлебный груз который господин Першин хотел, в навигацию 1896 года переправить в Рыбинск. За всеми погрузочными работами и состоянием хлеба в пути должен был следить М.Е. Коровкин [5, Д.13. Л. 4].

В 1898 году самарский купец 2 гильдии Д.К. Мясников у бирского купца 2 гильдии И.М. Шилова взял в арендное содержание [5, Д.5. Л. 9 об.].

В сентябре 1908 года И.А. Иоффе через самарского маклера И.Г. Немцева купил у стерлитамакского I гильдии купца С.А. Аверьянова 30 вагонов сухой, чистопросеянной ржи натурою, цена за пуд — 80 копеек. По условиям договора С.А. Аверьянов должен был сдать И.А. Иоффе до 10 октября 1908 года на станциях Приютово ... Самаро-Златоустовской железной дороги. Платеж за товар мог производиться в несколько этапов. Первый этап — задаток, при подписании договора в размере 1 тысячи 500 рублей. Второй этап — остальная сумма, по предъявлении товара [5, Д. 47. Л.2].

По договору за 1901 год Товарищество “Братья Нобель” продали И.Н. Першину 100 тыс. пудов нефтяных остатков (мазута), с целью торговли этим товаром с пристаней товарищества на реках Волги, Камы и Белой. По мере продажи господин Першин мог увеличивать или уменьшать это количество. “Товарищество Братья Нобель. По приказу Вашему продано от Вас господину И.Н. Першину почетному гражданину нефтяных остатков (мазута) со сдачею, в течении навигации 1901 года с принадлежащих ему (товариществу) пристаней на р.р. Волге, Каме, Белой...по мере надобности количеством 100 тыс. пудов с правом для господина И.Н. Першина увеличивать или уменьшать это количество...” [5, Д. 8. Л. 8, 8 об.; Д. 16. Л.2, 8-9].

Несколько сделок зафиксировано между компанией “Луи Дрейфус и Ко” и рядом частных лиц. В 1900 году “Луи Дрейфус” и И.Н. Першин заключили договор на доставку 100 тыс. пудов из Уфы. В декабре этого года по договору № 25 доверенный товарищества “Луи Дрейфус”, господин Молло, И.Н. Першину отдал на доставку в навигацию 1901 года разного хлебного груза, хранившегося на мельнице уфимского купца И.Т. Збитнева (Сбитнев). Уфимский купец И.Т. Сбитнев арендовал пристань Аскинская на реке Тьюй, у общины Старая Бурмы, площадью 2,91 десятин, с арендной платой 10 рублей. Общее количество груза составляло 600 тыс. пудов. В договоре обговаривалось, количество погруженного груза на каждую баржу, и место, куда должны были причалить баржи [7, С.841; 9, Л. 15].

Еще одной компанией активно заключавшей договора через Самарскую биржу являлось Русское общество вывозной торговли. В 1900 году через самарского маклера Г.И. Анисимова был заключен договор №4 между З.С. Халфиным и Русским обществом вывозной торговли. Господин Халфин продал обществу 100 тыс. пудов ржи с челнинской пристани, стоимостью 47 копеек за пуд. В этом же году Русское общество вывозной торговли покупает у купца мензелинского 1 гильдии З.С. Халфина гречихи сухой объемом 30 тыс. пудов на сумму 17 тыс. 400 рублей [5, Д. 8. Л.17, 17об.; Д.16.Л.1].

В 1908 году общий товарооборот самарской биржи составлял 647,7 тыс. рублей, в 1910 году – 972,9 тыс. рублей, в 1911 году – 1,1 млн. рублей.

Судя по маклеровским книжкам, активным игроком на биржевом рынке являлись: Русское общество вывозной торговли, “Луи Дрейфус”, И.Н. Першин. Биржа сыграла важную роль в установлении долгосрочных экономических связей. Но биржевой тип экономических отношений имел как положительные, так и отрицательные черты. В организационном плане положительным моментом являлось самоуправление и регулирование деятельности отдельными уставами. От-

рицательными чертами являлись замкнутость и недостаточная правовая широта. Стоит отметить, что Самарская и Уфимская биржи были заинтересованы в активном торговом взаимодействии.

Библиографический список

1. История предпринимательства в России. Кн. 2: Вторая половина XIX – начало XX века. / Под. ред.: В.И. Бовыкин. – М.: “РОС-СПЭН”, 1999.
2. Дихтяр Г.А. Внутренняя торговля в дореволюционной России. – М.: “Академия наук СССР”, 1960.
3. Нигматуллина И.В. Старая Уфа. Историко-краеведческий очерк. – Уфа: Белая река, 2007.
4. Клейн Н.Л. Предприниматели и предпринимательство в России: Исторические очерки. Самара, 1994.
5. Центральный государственный архив Самарской области. – Ф. 391. Самарская товарная биржа. – Оп. 1.
6. Инструкция о порядке определения и увольнения, и о правах, и обязанностях маклеров при Самарской бирже. – Самара: Губернская типография, 1900.
7. Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Том V. Бирский уезд. / Под. ред. Велецкого С.Н. – Уфа: Уфимская Губернская Земская Управа, 1898.
8. Самарское купечество: вехи истории / Под. ред. Е.П. Бариновой. – Самара: “Самарский университет”, 2006.
9. ЦГАСО. – Ф. 391. Самарская товарная биржа. – Оп. 1. – Д. 8.

И.В. Кокуркин

*Татарский государственный
гуманитарно-педагогический университет*

КУЛАЦКИЕ ХОЗЯЙСТВА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ КУЛАКА

“Мне скоро 70 лет, а вам тридцать, поэтому не я, а вы доживете до того дня, когда кулак свернет вам шею” – эти слова историка С.В. Платонова, обращенные к следователю, были произнесены в первой половине 1930-х гг.

Компромисса между властью и зажиточным крестьянином не случилось: “шею свернули” крестьянину. Процесс раскулачивания на-

бирал обороты. В ответ на партийно-советские постановления на местах заполнялось огромное количество документов, которые должны были свидетельствовать об обоснованности проводимой политики. К настоящему времени, в архивах РТ отложился комплекс документов под названием “Кулацкие хозяйства за 1929-1937” ТатЦИКа [1].

Основную смысловую нагрузку несут тексты “Протоколов заседаний” так называемых “троек” в составе первого секретаря райкома партии, председателя райисполкома и начальника районного управления ОГПУ, которые выносили постановления о раскулачивании. Но это — заключительная часть всей “бумажной” процедуры. А начиналась она с оформления документов на каждого крестьянина, фамилия которого была внесена в список подлежащих раскулачиванию.

Условно все документы можно объединить под общим названием “Политэкономическая характеристика кулацкого хозяйства”. К этой группе относятся “Личная карточка на кулацкое семейство, утвержденное к высылке из пределов республики”, “Характеристика” на кулацкое хозяйство и на самого кулака. Несмотря на различные наименования, они объединены содержательной частью, которая включала как экономическую (наличие движимого и недвижимого имущества, наемных рабочих) так и социально-политическую характеристику.

Обратимся к источникам. Во-первых, во всех характеристиках социально-политического портрета кулака присутствует негативно-презрительный оттенок в описании таких сфер деятельности как торговля, церковная служба, служба в Белой и царской армии в каком-либо звании выше рядового и др. Тем самым изначально формировался отрицательный образ статуса “подсудимого”: “кулак и торговец”; “фельдфебель царской армии и церковник”; “ярый церковник”, “церковный староста”. Крестьянин в данном случае ничего уже не мог поделать с этим “клеймом”, которое не давало ему ни права голоса на собраниях, ни права оправдаться в суде.

Во-вторых, такая экономическая составляющая как использование наемной рабочей силы расценивалась как эксплуатация, классовое неравенство между сельчанами и считалась, прежде всего, политическим преступлением. Иногда формулировки доходили до абсурда: “закабалал бедноту как рабочую силу сложными с/х машинами”; “имел сложные с.х. машины, которыми на кабальных условиях эксплуатировал бедноту”[1, Ед.хр. 342. Л.9 об; Л.15].

В-третьих, создавался образ противника Советской власти. Источники сопротивления составители “Характеристик” могли найти за весь период существования Советской государственности: в период гражданской войны в целом, чехословацкого или вилочного восстания в частности.

Суть была не в этом, нужно было найти повод. И если на момент раскулачивания глава хозяйства не вел активную антисоветскую деятельность, то ее “искали” в его прошлом и в прошлом его родственников. И находили: “бешено вел агитацию против колхозов”; “в настоящее время ... живет дома и ведет не только агитацию против колхоза, но и против советской власти”: “выявлялся активным тормозителем всех хозяйственно политических компаний” [1, Ед.хр.675, Л.183].

Формы протеста крестьян против раскулачивания изучены достаточно полно. Комплекс исследуемых документов подтверждает общие тенденции: бегство; распродажа собственного имущества, чего делать было категорически нельзя и считалось “разбазариванием”; вредительство (поджог колхозной соломы, продажа зараженного сибирской язвой мяса и т.д.). Факт обвинения кулаков в организации покушений на жизнь односельчан также освещен в источниках: “будучи жандармом избивал крестьян, одну татарку застегал до смерти”; “во время вилочного восстания агитируя массу, он с вилочниками вместе избивал семьи красноармейцев” [1, Ед.хр. 531, Л. 9]. Покушений на свидетелей, присутствовавших при рассмотрении личного дела крестьянина, не зафиксировано, если они, конечно, были. Например, в “Характеристиках” по Бавлинскому району РТ при заполнении формуляров фамилии свидетелей вписаны одним цветом чернил, одним почерком, но подписи свидетелей отсутствуют. Но правдивы ли эти данные, достоверны ли эти обвинения? Ведь “вилочное восстание” было в 1920 году, а обвинение предъявлено в 1932(33) г.? Почему “преступников” сразу не судили по факту совершения убийств или покушений на жизнь? Тем более, что данная процедура раскулачивания проходила как внесудебная мера репрессий. Получается, что обвинение в том, что крестьянин – “кулак” было не более чем фальсификацией.

В характеристиках встречается информация о том, что родственники “кулака” служили в Красной армии, но даже эти обстоятельства не спасали его от опалы.

По вынесении приговора составлялась “подписка” соседа, который обязывался под страхом уголовной ответственности охранять “подсудимого” и следить за его деятельностью. Такая же “подписка” составлялась кулаком, который давал письменное обязательство не выезжать за пределы села до вынесения приговора.

Этот перечень документов, отложившихся в архиве, позволяет реконструировать механизм обоснования необходимости раскулачивания. По всей вероятности, часть характеристик могла быть написана “задним числом”, так как многие “раскулаченные” на тот момент были уже либо репрессированы органами ГПУ, либо, распродав свое

имущество, находились в бегах. Клеймо “кулака” оставалось за крестьянином вечно, потому что он “когда-то что-то имел”.

Библиографический список

1. Кулацкие хозяйства за 1929-1937 // НАРТ (Национальный архив Республики Татарстан). — Ф.732. — Оп.4.

Г.Н. Федорова

Самарский государственный университет

КАРТОЧНАЯ СИСТЕМА СНАБЖЕНИЯ ХЛЕБОМ

В г. КУЙБЫШЕВЕ 1945-1947 гг.

Карточная система снабжения основными продуктами питания, прежде всего хлебом, сложилась в ходе Великой Отечественной войны. Условия ее функционирования и причины отмены в первые послевоенные годы рельефно проявились в г.Куйбышеве, где был сформирован крупный военно-промышленный комплекс. Карточная система в Куйбышевской области была введена 1 ноября 1941 года [1, С. 55].

В послевоенные годы нормы снабжения основными продуктами по карточкам сохранились. Главным было снабжение хлебом, имевшее по сравнению с другими продуктами первостепенное значение и существенные особенности. Во-первых, хлебом по карточкам снабжалось все население городов, рабочих поселков и районных административных центров, тогда как на мясо, рыбу, крупу и макаронные изделия карточная система была введена не везде. Во-вторых, в отличие от всех остальных продуктов, хлебная норма была не месячной, а дневной. В-третьих, хлеб не заменялся другими продуктами, другими продуктами питания, которые нередко выдавались некоторым категориям городского населения в виде заменителей. Наконец, карточные нормы хлеба были дифференцированы меньше, чем других продуктов питания, и в дополнительных видах снабжения хлеб также занимал меньшее место.

В условиях послевоенного голода началось ускоренное сокращение контингента, находившегося на карточном снабжении. Численность снабжаемых хлебом в целом по стране к концу III квартала 1946 г. достигла 77,1 млн. чел. против 87,8 млн. на январь 1945 г [2, Л. 222]. В связи с неурожаем было принято решение с 1 октября 1946 г. сократить контингенты снабжаемого населения, проживающего в сельской местности, снять с пайкового снабжения хлебом в городах и рабочих

поселках часть неработающих взрослых иждивенцев; несколько уменьшились нормы выдачи хлеба по карточкам остальным иждивенцам. Одновременно были сокращены фонды коммерческой торговли хлебом, запрещен отпуск хлеба и круп по всем видам дополнительного питания, уменьшен расход зерна на промышленную переработку, расход хлеба для внерыночных потребителей и т.п. В октябре 1946 г. были приняты дополнительные меры по экономии хлеба: дополнительно сокращен фонд коммерческой торговли хлебом и крупой, уменьшена выработка сортовой муки, сокращены нормы хлеба по отовариванию хлопка и сельхозсырья. Только в конце 1946 г. по решению правительства контингенты населения, снабжаемого хлебом, были увеличены на 2 млн. чел., главным образом по районам, пострадавшим от засухи [3, С. 202-204; 4, С. 167.].

В связи с засухой 1946 г. постановлением Совмина СССР и ЦК ВКП(б) во всех городах норма хлеба иждивенцам была снижена до 250 г.[5, Л.185] Гарантированное снабжение главным образом касалось нетрудоспособных иждивенцев – престарелых, женщин, имеющих маленьких детей, инвалидов и т.п.

Еще во время войны сложилась разветвленная система обеспечения населения нормированными продуктами. Это были Отделы Рабочего Снабжения (ОРСы), они функционировали на предприятиях и транспорте. На 1 августа 1945 г. численность ОРСов достигла 7,6 тысяч, через которые снабжалось 48% всех лиц, находившихся на централизованном снабжении. В Куйбышеве ОРСы были у заводов, лесников, речников, железнодорожников. В одном только ОРСе строительного треста №11 работало около 1500 человек [6, Л. 26].

Все функции по выдаче карточек, учету снабжаемых контингентов, контролю за отовариванием карточек и расходом нормированных товаров были сосредоточены в Наркомторге СССР и его местных органах. Хлебные карточки выдавались населению ежемесячно, а продажа хлеба по ним производилась по соответствующим талонам на каждый день в пределах установленной нормы.

Для строжайшего контроля за контингентами, принимаемыми на снабжение, за правильностью выдачи карточек и их отовариванием, при наркоматах республик, краевых, областных, городских и районных отделах торговли, кроме бюро по выдаче карточек, в июле 1942 г. были организованы контрольно-учетные бюро (КУБы). В 1946 г. в КУБах разных уровней работало около 12 тыс. человек. На городские и районные КУБы был возложен прием талонов и купонов продовольственных и промтоварных карточек от торговых предприятий [7, С. 460 – 470].

Несмотря на строгий контроль, система хищения в магазинах была довольно распространена. Сотрудники составляли фиктивный акт на

уничтожение талонов на хлеб и другие продукты. Затем вносились деньги по государственной цене, и по количеству якобы уничтоженных талонов выбирались продукты, а затем перепродавались по спекулятивным ценам.

Показателен проходивший в октябре 1945 года в Куйбышевском областном суде процесс "по уголовному делу сотрудницы типографии Шигонской районной газеты, которые в период с февраля по июлю напечатали фальшивые карточки на получение 500 граммов хлеба у себя в типографии" [8, Л. 2]. Следствие установило, что 32-летняя наборщица Матрена Мамакина сделала для этого типографскую форму, а ее подруга 43-летняя печатница Александра Бабошина втайне от руководства печатала талоны на типографском оборудовании. Затем мошенницы сбывали подделки в магазины и ларьки Шигонского сельпо и в буфет местного ресторана. При этом было установлено, что работницы этих торговых точек Зайцева, Лаптева, Ушакова и Шишканова были в курсе того, что им передают фальшивки. В итоге Мамакина и Бабошина были приговорены к 10 годам лишения свободы, а продавцы получили от 3 до 4 лет.

В целом по стране за 1947 г. в результате проверки было установлено 81359 случаев неправильной выдачи карточек по категориям, 13263 случая хищения карточек, 32720 случаев неправильного хранения, 4620 случаев выдачи карточек не проживающим и 59458 других нарушений [9, Л. 4].

В сентябре 1946 г. были повышены цены на товары, распределявшиеся по карточкам. Одновременно сократился контингент населения, охваченного карточной системой. Расход хлеба такому контингенту был сокращен на 30 % [10, Л. 22 об.]. Обосновывая необходимость отмены карточной системы, председатель Госплана СССР Н.А.Вознесенский обратил внимание на изменение форм товарооборота и организации снабжения населения в период военной экономики, выражавшиеся, в нормировании продажи продовольствия и предметов широкого потребления, дифференциации норм и условий снабжения продовольствием трудящимся различных отраслей, организаций, специальных отделов рабочего снабжения на предприятиях [11, С. 123]. В мирное время такая система была признана не эффективной.

Согласно Постановлению Совмина СССР и ЦК ВКП(б) "Об отмене карточек на продовольственные и промышленные товары" от 14 декабря 1947 года [12, С. 460- 467], 16 декабря 1947 года все магазины г. Куйбышева начали продажу товаров без карточек [13, Л. 34]. В целях пресечения спекуляции были разработаны предельные нормы отпуска ряда продовольственных и промышленных товаров одно-

му покупателю. Несмотря на все эти меры во многих городах России наблюдались перебои в снабжении хлебом.

Таким образом, несмотря на победоносное завершение войны, советское правительство, ссылаясь на внешние и внутренние трудности, наращивало режим экономии продуктов питания и в первую очередь, хлеба. Отмена карточной системы сопровождалась повышением цен на продукты питания. Результатом было резкое снижение и без того низкого прожиточного минимума людей с последующим голодом в СССР.

Библиографический список

1. Сборник важнейших приказов и инструкций по вопросам карточной системы и нормирования снабжения, изд. 2-е, исп. и доп. – М., 1944.
2. Российский Государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 1562. – Оп. 41. – Д. 239.
3. Любимов А.В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. – М., 1968.
4. Шалак А.В. Автохтонные источники продовольствия Восточной Сибири.
5. Государственное учреждение Самарской области "Самарский областной государственный архив социально-политической истории" (ГУСО "СОГАСПИ"). – Ф. 656. – Оп.25. – Д. 6.
6. ГУСО СОГАСПИ. – Ф.656. – Оп.37. – Д. 533.
7. История социалистической экономики СССР. В семи томах. – Т. 6 / Отв. редактор И.А. Гладков. – М., 1978.
8. Государственное учреждение Самарской области "Центральный государственный архив Самарской области" (ГУСО "ЦГАСО"). – Ф.Р- 4958. – Оп.2. – Д.38.
9. РГАЭ. – Ф. 7971. – Оп. 5. – Д. 298.
10. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 41. – Д. 239.
11. Вознесенский Н.А., Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. – М.: Госполитиздат, 1948.
12. Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов. В четырех томах. – Т.3. – 1946-1952 гг. – М., 1958.
13. ГУСО "СОГАСПИ". – Ф.714. – Оп.1. – Д. 1258.

ОТНОШЕНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ И РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1990-х ГОДОВ НА ПРИМЕРЕ ДВУСТОРОННИХ ВСТРЕЧ

Отношения Московского Патриархата и Святого Престола во второй половине 90-х гг. продолжали линию, начатую в предыдущие годы. Неотъемлемой частью межцерковного взаимодействия в этот период стали двусторонние встречи представителей церквей. На этих встречах затрагивались такие вопросы как проблема униатства и прозелитизма, противодействие деятельности религиозных сект и подготовка к 2000-летию христианства.

Проблема униатства в этот период наиболее остро встала на территории Украины, где наблюдались сложные отношения между Украинской Православной и Греко-Католической церквями. На ряде двусторонних встреч, проходивших в 1995 – 1998 гг., делегации Московской патриархии и Святого престола рассматривали положение на Западной Украине и в Закарпатье. Участники встреч отмечали, что в этом регионе в отношениях между католиками и православными проявляется религиозная нетерпимость, несовместимая с общехристианскими нравственными нормами и ведущая к дальнейшей эскалации межконфессиональной вражды. Они призвали церкви Украины строго придерживаться принципов, положенных в основу Баламандского документа 1993 г., который требовал “избегать насилия, каким бы оно ни было – физическим, словесным или моральным” [1, С. 314]. Кроме того, участниками встреч было высказано пожелание невмешательства светских властей Западной Украины во внутрицерковные проблемы.

На двусторонних встречах второй половины 90-х гг. также поднималась проблема прозелитических действий Римско-Католической церкви на канонической территории Московской патриархии. Позиция русской делегации в этом вопросе сводилась к тому, что миссия Святого престола должна быть направлена только на тех, кто в силу своих национально-культурных корней принадлежит традиционно к католической пастве, а не на людей, имеющих православные корни и тем более крещенных в Православной Церкви [2].

Несмотря на то, что отношения между Русской Православной и Римско-Католической церквями осложнялись уже названными проблемами, по некоторым вопросам представители церквей все же пришли к единому мнению. Так, в связи с активизацией многочислен-

ных религиозных движений и сект были выдвинуты предложения о необходимости проведения совместных конференций, посвященных предотвращению этой серьезной угрозы [3].

Кроме того, в рассматриваемый период все больший объем в диалоге двух церквей принимает совместная подготовка к 2000-летию христианства. В связи с этим каждой из церквей были образованы юбилейные комиссии. Состояние межхристианского диалога накануне Великого Юбилея Пришествия в мир Христа обсуждалось на прошедшей 15 сентября 1999 г. встрече председателя отдела внешних сношений митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла с архиепископом Миланским кардиналом Карло Мария Мартини [4].

Исходя из всего перечисленного, следует сделать ряд выводов. За рассмотренный период увеличилось количество двусторонних встреч представителей Русской Православной и Римско-Католической церквей, по сравнению с предыдущим периодом. Однако этот факт не говорит о потеплении отношений между церквями, так как ряд ключевых вопросов, обсуждаемых на встречах, не был решен. Это касается, прежде всего, межрелигиозной ситуации на Западной Украине и в Закарпатье, где за наблюдаемый период не произошло серьезных сдвигов. Острым остался и вопрос присутствия Католической церкви на канонической территории Московского Патриархата.

Библиографический список

1. Православие и католичество. От конфронтации к диалогу: Хрестоматия / Под ред. А. Юдина. – М.: ББИ, 2001–2005.
2. Из доклада Патриарха Московского и всея Руси Алексия Второго на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 18–23.2.1997 // Русская православная церковь [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.mospat.ru/archive/sobor_01.htm.
3. Коммюнике двусторонней встречи между делегациями Московского Патриархата и Святого Престола 17–18.12.1996 // Русская православная церковь [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.mospat.ru/archive/ecr_ru97.htm.
4. Визит митрополита Кирилла в Италию // Русская православная церковь [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.mospat.ru/archive/nr909241.htm>.

**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ОТНОШЕНИИ
ПОСТЮГОСЛАВСКИХ ГОСУДАРСТВ В 1990-2000-е гг.**

Интерес России к Балканам сложился исторически и традиционно связан с обеспечением ее национальной безопасности. В начале 1990-х годов потеря мирового лидерства и внутренняя слабость сказались на внешнеполитическом положении страны. Пространство, где Россия могла проявить себя, сузилось, и было ограничено Балканами, и прежде всего, странами бывшей Югославии. Вовлеченная в урегулирование Югославского кризиса западными странами, российская дипломатия стремилась получить выгоды от этого сотрудничества, но после обострения кризиса в 1999 г. и поражения ее линии, главной задачей становится не потерять “лицо” на международной арене и ослабить возросшее недовольство в стране.

Российская политика в отношении стран бывшей Югославии прошла несколько этапов, три из которых связаны с преодолением Югославского кризиса. Первый этап (1991-1992 г.) характеризуется внутренним кризисом в РФ и добровольным отказом от активной внешней политики, Россия самоустраняется от происходящего на Балканах.

На втором этапе (1992-1995 г.) Балканы выступают не в роли самостоятельного субъекта российского национального интереса, а как вспомогательная часть российско-западных отношений [4, С. 311]. В этой связи, возможности России были ограничены тем местом и ролью, которые для нее определил Запад – то есть оказанием давления на сербскую сторону.

К концу данного этапа становится очевидным, что проамериканский курс не открывает ясной перспективы для интеграции России в западное сообщество в качестве великой державы. США обращается к российской дипломатии лишь, чтобы выбраться из тупиков, созданных в результате односторонних действий НАТО. С 1994 г. начинается последовательное отстранение РФ от урегулирования кризиса. Чтобы не быть окончательно вытесненной с Балкан и не лишиться экономической поддержки Запада, Россия вынуждена соглашаться со всеми резолюциями ООН, носившими однобокий и антисербский характер.

Третий этап (1996-1999) относится к фазе активизации самостоятельной российской политики в духе неотрадиционализма, апеллирующего к традиционности российского присутствия на Балканах, этноконфессиональной близости народов, покровительству со стороны России [4, С. 315]. Министр иностранных дел Е.Примаков высказал-

ся за отстаивание национальных интересов РФ, даже если это приведет к разногласиям с США. Однако, в отсутствие у России рычагов давления на Запад, поддержки ведущих мировых держав ей не удалось отстоять свою позицию по мирному решению кризиса, и пришлось негласно согласиться с линией запада [1]. Результатом стало соглашение В.Черномырдина и М. Ахтисаари по урегулированию югославского кризиса в апреле 1999 г. Формулировки, использованные в нем, фактически обвиняли Югославию в репрессиях и одновременно придавали действиям НАТО законную силу [3].

В целом поражение российской дипломатии было связано с комплексом причин, среди которых: невозможность совместить имперские амбиции и новые концепции национальных интересов; отсутствие четкой внешнеполитической стратегии; наличие определенных стереотипов восприятия конфликта (угнетенный православный сербский народ и жестокие боснийцы мусульмане); позиция запада, не дававшего России активно действовать в регионе; внутривнутриполитическая оппозиция в стране, принимавшая совершенно мифические проекты лишь бы показать свое несогласие с линией Б.Ельцина (присоединение Югославии к России) [2]. Таким образом, Россия не имела возможности участвовать на равных правах в решении судьбы бывшей Югославии и в 1990-ые гг. ее влияние в регионе было потеряно.

Содержание четвертого этапа (1999-2000-ые) характеризует прагматизм, который выражается в стремлении отойти от сентиментальных привязанностей и наполнить отношения взаимовыгодным сотрудничеством, в первую очередь в экономической сфере. Со всеми бывшими республиками заключены договоры о взаимном сотрудничестве. Однако страны бывшей Югославии сейчас больше ориентированы на Запад, на включение в ЕС и НАТО, поэтому взаимоотношения РФ с ними носят экономический, а не военно-стратегический характер. Отношение к России в этих странах зависит от желания правительств больше или меньше понравится Западу.

И в наши дни Балканы продолжают оставаться объектом напряженности. Наиболее остро стоит вопрос о независимости Косово. Россия попыталась использовать этот прецедент для признания Южной Осетии и Абхазии на тех же условиях и потребовала выработать общие принципы по признанию государств независимыми [5].

На сегодняшний день основным торговым и деловым партнером России среди постъюгославских государств стала Сербия, являющаяся транзитным мостом для поставок российского газа в Европу. В рамках реализации проекта “Южный поток” Д. Медведев заявил о предоставлении Сербии кредита в 1 млрд. евро на восстановление ее инфраструктуры при участии российских компаний [6]. Это свиде-

тельствует о возросшем интересе России к Балканам, ее активная политика в этом регионе не может не волновать НАТО. В этой связи РФ необходимо учитывать прошлые ошибки и недочеты, для того чтобы проводить сбалансированную, ориентированную на национальные интересы политику и не вступать в открытую конфронтацию со странами НАТО.

Библиографический список

1. Богатуров А. Три поколения внешнеполитических доктрин России // Международные процессы. – № 1 (Январь–апрель). – 2007.
2. О проекте постановления Государственной Думы “О присоединении Союзной Республики Югославии к Союзу Беларуси и России” [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://uisrussia.msu.ru/docs/db/302/397685?QueryID=2877025&HighlightQuery=2877025>.
3. Соглашение о принципах для содействия урегулированию кризиса в Косово, представленное М. Ахтисаари и В. Черномырдиным [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.un.org/russian/document/kosovo/99-649.htm>.
4. Юго-восточная Европа в эпоху кардинальных перемен. – Москва, 2007.
5. ООН не понимает, зачем Косово независимость [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.km.ru/magazin/view.asp?id=1AAA90124FF94FF7804439EF1F5BB369>.
6. Миллиард евро для старого друга // Газета. – №198. – 21 октября 2009.

Л.А. Воронина

Тольяттинский государственный университет

“КАЗУС КОСОВО” ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

На протяжении почти двух десятилетий конфликт в Косово занимает важное место в российской политике. За это время многое изменилось: после длительного процесса распада Югославия окончательно прекратила свое существование, значительные изменения претерпели политические режимы в России и Сербии. Однако неизменной осталась российская позиция: Косово – это часть Сербии; т.к. Сербия – суверенное государство, сербское руководство в праве самостоятельно решать свои внутренние проблемы, и ни одно госу-

дарство не должно вмешиваться во внутренние дела другого государства.

После подписания Дейтонского соглашения (1995 г.) и урегулирования ситуации в Боснии и Герцеговине, произошло обострение конфликта в Косово, и внимание политиков всего мира, в том числе российских, было приковано к ситуации в этом крае.

Участие РФ в урегулировании косовского конфликта условно можно разделить на два периода. Первый (1995 – 2000 г.) связан с президентством Б.Н.Ельцина. Именно в этот период и формируется российская позиция в отношении косовской проблемы, что конфликт в Косово – это внутренне дело югославского государства (а в дальнейшем Сербии). Несмотря на критику политики С.Милошевича по ряду вопросов, Москва во многом рассматривала СРЮ как своего стратегического союзника и поддерживала ее в попытках не допустить интернационализации косовской проблемы [1, С. 304]. Данная позиция объясняется стратегическими интересами России на Балканах, курсом правительства на сохранение за РФ статуса мировой державы и противостоянием с НАТО, схожестью складывания отношений с бывшими союзными республиками, а также с ситуацией в Чечне. Помимо этого косовский конфликт являлся не только инструментом укрепления позиций России на международной арене, но и рычагом урегулирования внутренних проблем. Правительство РФ активно стремилось переключить внимание граждан с тяжелых событий внутри страны (болезненные реформы, война в Чечне) на внешнеполитическую ситуацию, пытаясь таким образом уменьшить недовольство процессами, происходившими в России.

Второй период (2000 г. – настоящее время) ознаменован руководством страной президентами В.В.Путина и Д.А.Медведева. В связи с продолжением противостояния НАТО и РФ, в том числе и на Балканах, и катастрофическим ухудшением отношений России и Грузии, приведшем к новому витку обострения проблемы независимости Абхазии и Южной Осетии, конфликт в Косово стал для российского руководства еще более актуальным. И главным отличием “казуса Косово” в политике России в данный период по сравнению с первым является то, что косовский конфликт перестал быть разменной монетой во внутренней политике России.

В связи с обострением ситуации вокруг Косово руководство РФ активно призывает мировое сообщество к выработке единых критериев и принципов решения проблем непризнанных республик, которые исключали бы в дальнейшем политику двойных стандартов. При этом президент РФ В.В.Путин отмечал, что Россия не согласна с позицией США, что Косово это особый случай и что поддержка одностороннего объявления независимости Косово является неморальной

и неправовой [2] Однако призыв России к созданию единых критериев не был услышан. 17 февраля 2008 г. парламент Косова в одностороннем порядке провозгласил независимость края [3]; этот шаг косоваров правительство РФ сочло нарушением норм международного права [4] и заявило, что Россия будет добиваться возвращения проблемы Косово в правовое русло [5]. Однако провозглашение независимости Косово развязало России руки в вопросе признания независимости Абхазии и Южной Осетии, и 26 августа 2008 г. Д.А.Медведев признал независимость двух бывших грузинских республик [6]. На сегодняшний момент Россия продолжает настаивать на территориальной целостности Сербии и не признает легитимности Республики Косово.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что несмотря на то, что “казус Косово” занимает значимое положение во внешнеполитическом курсе РФ, большим успехом действия руководства России в отношении урегулирования конфликта в Косово не увенчались: войну НАТО против Югославии и, как результат военной операции, фактическую сецессию Косово предотвратить не удалось, а после ухода С.Милошевича с политической арены Россия не получила в союзники руководителя страны, который в такой же степени, как и Милошевич, был бы ориентирован на Россию. Также потерпело фиаско предложение российского правительства о создании единых принципов определения независимости самопровозглашенных республик, и, несмотря на протесты России, 71 государство признало независимость Республики Косово. Безусловно, воспользовавшись косовским прецедентом, Россия признала Абхазию и Южную Осетию независимыми республиками, однако реакция мирового сообщества на эти действия была крайне негативной и в этом вопросе нашу страну поддержали только Никарагуа, Венесуэла и Науру, что свидетельствует о недостаточной силе позиций России в решении международных вопросов.

Библиографический список

1. Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен // Весь мир. 2007.
2. Путин о проблеме Косова: Зачем же поощрять сепаратизм? [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://korrespondent.net/russia/375480>
3. Парламент Косова объявил о независимости края [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=164128&cid=1>.

4. Признание независимости Косово рядом стран стимулирует сепаратизм [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.rian.ru/world/20080229/100328138.html>.

5. Россия будет добиваться возвращения проблемы Косово в правовое русло [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.rian.ru/world/20080402/102790350.html>.

6. Указ Президента РФ от 26.08.2008 № 1260 “О признании Республики Абхазия” [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://document.kremlin.ru/doc.asp?ID=47559>; Указ Президента РФ от 26.08.2008 № 1261 “О признании Республики Южная Осетия” [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://document.kremlin.ru/doc.asp?ID=47560>.

Д.В. Голик

Самарский государственный университет

СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКО–БЕЛОРУССКИЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ (1999-2010 гг.)

Недавно в поле моего внимания попала статья, начинавшаяся с фразы: “Россия и Белоруссия отмечают 8 декабря 11-летие Договора о создании Союзного государства”. Статья была опубликована на информационном портале русской службы новостей ВВС в начале осени этого года. Предполагалось, что общим будет все: парламент и валюта, армия и границы. Сегодня, к сожалению, вопрос о жизнеспособности этого образования не стоит. Что способствовало этому? Какие факторы влияли на ухудшение климата российско-белорусских отношений? Проанализируем основные периоды охлаждения отношений и дружбы между Россией и Белоруссией. Посмотрим на интерпретацию их в СМИ.

Для получения объективной оценки освещения российско-белорусских отношений в СМИ мною были проанализирован широкий спектр периодики и новостных сайтов, признанных по опросам ФОМ самыми популярными и читаемыми у граждан Российской Федерации и Белоруссии. Были выбраны такие источники, как “Коммерсантъ”, “Российская газета”, “Независимая газета”, “Правда” “Советская Белоруссия”, “БелГазета”, “Народная газета”, информационные порталы: inosmi.ru, lenta.ru, Regnum.ru. Основные этапы развития российско–белорусских отношений и их освещение в СМИ:

1. Договор о создании Союзного государства. Период особо теплых отношений – период подписания Договора о создании Союзного

государства, подписанный Президентом Российской Федерации Б.Н.Ельциным и Президентом Республики Белоруссии А.Г.Лукашенко 8 декабря 1999 года.

2. 2000 год – смена высшей власти в РФ, приход В.В. Путина. Отношения между Москвой и Минском изменились с приходом в Кремль Путина, Россия не отказывается оказывать помощь Лукашенко, но в таких размерах, как раньше, она осуществляться больше не будет. Если раньше это называлось братскими отношениями, то теперь это братские отношения на рыночной основе. Заметные противоречия в сфере урегулирования вопроса о единой денежной валюте. В то же время, стоит отметить заинтересованность российской стороны в конкретных действиях Минска в вопросах таможенного союза, ОДКБ доступа к приватизации белорусских предприятий, с одной стороны и охлаждение темпа интеграции со стороны Белоруссии, с другой. Однако структура белорусской экономики оставалась прежней. Именно данное обстоятельство большинство экспертов считает основным фактором, препятствующим реальной интеграции между Москвой и Минском [1].

3. Газовая война. Газовые конфликты или войны между Беларусью и Россией возникают с заметной периодичностью. Начиная с первой газовой войны (1995–1996 гг.) задолженность Беларуси перед Москвой (Газпромом) неумолимо растет, и на сегодня составляет около 192 млн. долларов, в связи, с чем появление в российских и белорусских СМИ негативной оценки политики друг друга.

4. Президентская кампания в Белоруссии (2001 год). В ходе президентских выборов 2001 г., Лукашенко сделал упор на успехи в укреплении суверенного государства белорусов за прошедшие 10 лет, а не на интеграционные достижения и перспективы Союзного государства. Однако президентские выборы в Белоруссии еще раз подтвердили стремление руководства республики утвердить в социуме идею отдельного, самостоятельного государства во главе со своим "хозяином", со своей особой политикой, экономикой и государственным строем. Следовательно, Союзное государство, как и сама идея интеграции, употребляется политиками для определенных манипуляций исключительно "для народа".

5. Президентская кампания в Белоруссии (2006 год). Россия остается единственным из региональных игроков, который не поддерживает информационную войну Запада против Белоруссии. Причины особой, хотя и не слишком активной позиции Москвы очевидны: в сознании формула: "Россия и Белоруссия – не просто соседи", именно на укреплении оси "Москва–Минск" завязано большинство интеграционных проектов и постсоветских межгосударственных структур.

тур: СНГ, Организация договора коллективной безопасности (ОДКБ), ЕврАзЭС, Единое экономическое пространство (ЕЭП). Стоит отметить, что президентские кампании в Белоруссии 2001 и 2006 годов имели четкий геополитический смысл: Лукашенко ассоциировался с Россией, его оппоненты с Западом.

6. 08.08.08 – начало грузино-осетинского конфликта. Отмечу, что накануне событий грузино-осетинской войны, отношения по оси Россия-Белоруссия носили преимущественно дружественный характер. Признав Абхазию и Осетию независимыми государствами, Россия продемонстрировала свои претензии на мировой полис. Осознав всю опасность ситуации, Лукашенко решил застраховать себя, воспользоваться ситуацией и уйти на Запад, проведя тайные переговоры с ЕС и США о переходе на их сторону. По мере того, как белорусский лидер вставал на шпагат Восток–Запад, отношения Россия–Белоруссия не демонстрировали пример искренней дружбы.

7. Президентство Медведева ознаменовало собой разгар информационных войн. Обмен информационными “любезностями” между Россией и Белоруссией: со стороны России – демонстрация четырех серий “Крестного Батъки” и сюжет на Russia Today; видеообращение Дмитрия Медведева; анонсирование подозрительных обстоятельств смерти одного из оппозиционных журналистов – Олега Бебенина. Со стороны Белоруссии: сегодня Россия в государственных СМИ Белоруссии предстает в образе врага. В марте 2010 г. в выступлении перед парламентом президент Лукашенко обвинил Москву в “преднамеренных шагах, которые угрожают престижу страны”; интервью Саакашвили на белорусском телевидении, носящее негативные настроения по отношению к России; вирусное видео или обвинение в межгосударственном покушении (интервью “бывшего сотрудника российских спецслужб”).

8. Предвыборная кампания 2011 года. Сегодня можно наблюдать тенденцию мобилизации белорусского электората под антироссийскими лозунгами. Напомню, президентские выборы должны состояться в феврале 2011 года. В прошлом любые фальсификации на выборах получали поддержку России. Сейчас все обещает оказаться совсем иначе – политика со стороны России кардинально изменилась, российские власти внимательно присматриваются к потенциальным противникам Лукашенко.

Итак, рассмотрев развитие российско-белорусских отношений за последние 11 лет можно сделать вывод о том, что каждый раз, разворот в сторону друг друга носил вынужденный характер. И сопровождался резким неприятием на Западе. Каждый раз, как только ЕС считал возможным пересматривать отношения с Белоруссией, а запад

не проявлял, открыто враждебной политики по отношению к Белоруссии, “дружба” между Россией и Белоруссией приобретала негативную коннотацию. Российско-белорусские отношения переживают сегодня серьезный кризис своего развития. Сейчас реально даже не встает вопрос политической интеграции. Единственная заинтересованность друг другом — экономическая. Для Кремля главное — максимально интегрировать белорусскую экономику в российскую. Таким образом, перспективы Союзного государства России и Белоруссии выглядят весьма туманными.

Библиографический список

1. Беларусь — Россия: несоветский феномен интеграции / Л. Заико, В. Карбалевич, С. Левшунов и др. — М.: Парадокс, 2004.

А.В. Дорофеева

Самарский государственный университет

КАТЫНСКАЯ ТРАГЕДИЯ В ВОСПРИЯТИИ РОССИЙСКОГО ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВА

События, связанные с мемориальными мероприятиями по поводу 70-летия Катынской трагедии, придали новый импульс обсуждению Катынской проблемы в России и в Польше. 7 апреля 2010 г. Премьер-министр РФ Владимир Путин и его польский коллега Дональд Туск посетили Катынь [1]. 10 апреля 2010 г. правительственный самолет Польши Ту-154 разбился под Смоленском. На борту находились 96 человек, среди пассажиров был президент Польши Лех Качиньский с супругой, многие польские политические, общественные, военные и религиозные деятели, которые летели в Катынь для участия в мемориальных мероприятиях [2]. После катастрофы реакция Москвы была беспрецедентной, и это вызвало признательность поляков — как руководства страны, так и рядовых граждан. Однако оценки причин трагедии сильно различаются. В опубликованных выдержках из польских интернет-дискуссий приводятся противоположные мнения поляков от: “авиакатастрофа — происки русских спецслужб, все говорит в пользу покушения”; до: “теперь весь мир узнает о Катыни; русские делают больше, чем диктуют правила хорошего тона”, многие отмечают, что тема стала медийной [3]. Трагедия под Смоленском вызвала всплеск дискуссий о Катынской проблеме в российском Ин-

тернет-сообществе. Мнения, которые высказывались в сети Интернет по этому поводу, чрезвычайно разнообразны. При исследовании темы были проанализированы материалы пяти Интернет-форумов [4]. Споры, как правило, ведутся о катынском расстреле и о русско-польских отношениях вообще, причем спектр мнений чрезвычайно широк: от воспроизводства советской версии, появившейся еще в 1943-1944 гг., согласно которой расстрел — дело рук немцев, до призывов к России и русским покаяться перед всей Восточной Европой [5]. Причин для такого разнообразия в оценках немало:

— отсутствие единой сформированной позиции по проблеме в образовательном пространстве, о чем свидетельствует внимательный анализ позиций авторов современных школьных российских учебников истории;

— непростая историографическая традиция оценки развития русско-польских отношений, сложившаяся еще в российской империи, при этом Разделы Речи Посполитой 1772, 1793 и 1795 гг. стали одной из “болевых точек” как европейской истории, так и русско-польских отношений;

— сложность этих взаимоотношений в новейшей истории. Во всех польских учебниках обсуждается Катынское преступление. Польские школьники узнают из учебников, что на восточных польских землях советские оккупанты установили террор [6]. По результатам социологического опроса у каждого восьмого поляка Россия ассоциируется с коммунизмом, СССР и тоталитаризмом. Больше половины респондентов уверены, что России следует ощущать свою вину перед Польшей за историческое прошлое [7].

Таким образом, история стала пространством для сведения счетов и возведения идеологических и политических конструкций, далеких от реальной жизни, но привлекательных своей простотой и эмоциональной заряженностью. Авиакатастрофа под Смоленском, наглядно показала, что исторические споры неплохо бы держать подальше от актуальной политики. После Смоленска Россия и Польша должны найти пути к историческому примирению.

Библиографический список

1. Политика. 07.04.2010 [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://top.rbc.ru/politics/07/04/2010/390383.shtml>.

2. Макаркин А. Варшава — Катынь: Полет в один конец. Полит.ру 12.04.2010 [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.politcom.ru/9923.html>.

3. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.expert.ru/printissues/russian_reporter/2010/14/golos_polshi/; http://forum.gazeta.pl/forum/w,1157,109906537,109907509,Re_sens_katastrofy_.html.

4. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://forum-msk.org/material/kompromat/2980525.html?pf=3#clist>; <http://forum.smolensk.ws/viewtopic.php?f=2&t=5511&start=1320>; <http://visa.ucoz.ru/forum/25-222-1>; <http://katyn.ru/index.php?go=Page&id=10>; <http://www.umuhin.ru/node/4>.

5. Максим Соколов. Утраченная отзывчивость // Эксперт. – №28. – (617). – 14 июля 2008 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.expert.ru/columns/2008/07/14/naulitsepravdy>.

6. Ежи Урбан. Гитлер был прав (“Nie”, Польша) // InoСМИ.ru [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/world/20050210/217116.html>.

7. Поповский С. Польский гонор и русская душа // Новая Польша. № 3. 2003 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.novpol.ru/index.php?id=176>.

Н.А. Тямкова

*Самарский государственный
аэрокосмический университет*

ПРОБЛЕМЫ ИММИГРАЦИИ КАК СРЕДСТВА ПРЕОДОЛЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО КРИЗИСА В РОССИИ

Совершенно очевидно, что сегодня Россия переживает демографический кризис. Спад рождаемости, подъем смертности, высокий уровень самоубийств, алкоголизм, наркомания, высокое количество аборт, пропаганда в СМИ разврата, – все это в целом ведет к тому, что коренное население России вымирает. Согласно прогнозам ООН, к середине настоящего столетия численность населения России может оказаться меньше 100 миллионов человек. На 1 января 2002 года в России проживало 143 млн. 954 тыс. человек, что на 3 млн. человек меньше, чем по итогам предыдущей переписи. Однако реальная численность населения России за последние 10 лет уменьшилась почти на 10 млн. человек [3]. Одним из решений демографической проблемы видится стимулирование иммиграции.

Вопрос состоит в том, готова ли Россия к принятию человеческих ресурсов извне без потерь для себя (экономических, духовных, социальных, даже политических). В данной работе мы не будем рассматривать политические и экономические проблемы, связанные с иммиграцией, но уделим особое внимание тому, как адаптируются в российской среде иммигранты.

Нами было проведено социологическое исследование адаптации иностранных студентов в учебных заведениях Самары, Сызрани и Тольятти [2], результаты показали низкий уровень адаптированности, длительное состояние маргинальности у иностранных студентов. Таким образом, 12% опрошенных иностранных студентов чувствуют себя уютно только там, где есть другие иностранцы, 2% иностранных студентов готовы при затруднениях обратиться за помощью к российским студентам, для 3,6% опрошенных россиян общение с иностранными студентами не представляет интереса, но среди остальных 76,4% многие отмечают, что иностранные студенты сами не хотят идти на контакт с ними. Кроме того, компактное проживание иностранных студентов в общежитиях значительно замедляет процесс интеграции.

Данные, полученные нами при опросе иностранных студентов, частично отражают ситуацию адаптации иммигрантов в более широких масштабах (в частности, и трудовых иммигрантов в Самарской области): на практике мы видим также компактное проживание, нежелание идти на контакт с россиянами без личной необходимости. Плохое знание русского языка иммигрантами также усугубляет ситуацию. Кроме того, иммигранты по приезду в Россию сами выбирают район проживания, отдавая предпочтения экономически стабильным регионам, таким как Самарская область. Это обстоятельство ведет к тому, что на ограниченных территориях концентрируется большое количество иммигрантов, что имеет явно отрицательные последствия: создание этнократической клановости, появление больших закрытых маргинальных групп. Приведем цитату, принадлежащую Л.Н.Гумилеву: “Переизбыток этнической пестроты столь же опасен, как и ее отсутствие: оптимальная мера внутри суперэтноса в границах ландшафтного региона, в нашем случае совпадающая с границами нашего государства” [1, С.53].

Причем, примечательно, что такого проблемы существуют не только у представителей взрослого населения. Например, в ходе общения с учительницей младших классов одной из средних школ г. Самары [4] мы узнали, что в ее классе примерно 30% детей, этнически не принадлежащих к коренному населению России. И в данном коллективе нередки ситуации, когда данная группа детей пытается оказывать подавляющее воздействие на остальных ребят. Не будь перед нами этого примера, мы могли бы предположить, что трудности адаптации у иммигрантов лишь временные на первый период пребывания в России. Но данный пример ярко показывает, что проблема более глубока.

По-нашему мнению, объяснение данной проблемы можно найти в том, что российский народ духовно слаб, и внутренние ресурсы,

необходимые для того, чтобы сохранить свои ценности, традиции, свой уклад жизни, создать нормальное воспроизводство населения находятся в пассивном состоянии. И вместо того, чтобы активизировать данные ресурсы, у нас стимулируется иммиграция. Можно сказать, что вместо интенсивного метода преодоления проблемы мы применяем экстенсивный, который уже себя не оправдывает, и может нести лишь угрозу.

В качестве решения проблемы мы видим, во-первых, грамотную миграционную политику: возвращение в Россию эмигрантов 1990-х гг., расселение иммигрантов в северные и восточные территории страны с недопущением этнократической клановости. И, во-вторых, необходимы меры для духовного усиления российского народа. Мы считаем, что меры необходимо применять применительно ко всем гражданам, начиная со школьной скамьи. Это должно быть введение основ православной культуры в школах для того, чтобы дети обладали знанием о своей культуре и культуре предков, о духовном становлении своей страны. Почему так сильны духовно сейчас тюркские этносы, иммигранты из стран Центральной и Юго-Восточной Азии? Потому что у них есть четкая система ценностей с опорой на религию. И мы должны также держать нить, скрепляющую нас как с нашим прошлым, так и друг с другом. Принятие данных мер поможет нам спасти ситуацию.

Библиографический список

1. Гумилев Л.Н. Черная легенда Друзья и недруги Великой степи. — М.: Айрис-пресс, 2007.
2. Данные социологического исследования Межвузовской ассоциации иностранных студентов Самары, проведенного с участием автора в январе 2010года. Опрошено 1114 российских и 59 иностранных студентов высших и средних учебных заведений Самары, Тольятти и Сызрани.
3. Демографическая доктрина России. Проект для обсуждения. — Москва: Институт мирового развития. — 2005.
4. Общение проходило в рамках встречи с кинорежиссером Василием Яцкиным 25 сентября, в г.Самара.

ПРОБЛЕМА РАЗМЕЩЕНИЯ ПРО В РОССИЙСКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В 2000-2010 гг.

Развертывание систем противоракетной обороны началось еще в годы “холодной войны”. В 1972 г. США и СССР заключили “Договор о противоракетной обороне”. Он ограничивал количество объектов, которые могли быть прикрыты “противоракетным зонтиком”. В 1983 г. президент США Рональд Рейган призвал к проведению научных исследований в сфере противоракетной обороны. Год спустя была создана Стратегическая Оборонная Инициатива – программа “звездных войн”.

Спустя четырнадцать лет, в 2001 г., несмотря на то, что Россия перестала быть врагом, американская сторона по-прежнему стремится развернуть систему противоракетной обороны. Россия предложила США строить противоракетную оборону совместно. Однако президент США Джордж Буш младший в 2002 г. объявил о своем намерении начать с 2004 г. развертывание рудиментарной системы противоракетной обороны (ПРО). Это заявление было воспринято в Москве “с сожалением” [1]. 22 июля 2004 г. в подземной шахте у подножья Аляскинской гряды была размещена первая противоракета длиной в 55 футов [2]. А в мае 2003г. Джордж Буш младший объявил, что отныне ПРО будет не только национальной, но и международной.

В это же время Польша объявила, что ее государственная оборонная компания намерена сотрудничать с американской компанией “Boeing” [3]. С конца 2003 г. велись переговоры между США и Польшей по размещению на территории Польши радарных станций, а также базы для перехвата ракет. Планируемая база, должна обеспечить прикрытие от ракет, запущенных из стран Ближнего Востока, прежде всего Сирии или Ирана. Однако многие убеждены, что объект, нацелен на Россию.

Российская сторона расценила ПРО как военную угрозу. Начальник российского Генштаба генерал Ю.Н.Балуевский заявил, что ПРО США в Европе создается для борьбы с баллистическими ракетами, оснащенными ядерными боеголовками. Таких ракет ни у Ирана, ни у КНДР нет. Этому же мнения придерживается и глава МИД России С.В.Лавров [4]. Пуск американской противоракеты, которые планируется разместить в Польше, может спровоцировать ответный удар межконтинентальных баллистических ракет. Осенью 2006 г. С.Лавров встретился в Варшаве с главой МИДа Польши Анной Фотыгой. Обе

стороны выразили желание развивать российско-польские отношения, а на вопрос о ПРО А. Фотыга ответила, что опасения России слишком преждевременны.

В 2008г. московское руководство сделало предупреждение, что в ответ на размещение ПРО в Польше, будут установлены в Калининградской области ракеты малой дальности “Искандер”. На это Варшава в лице председателя сената Б. Борусевича заявила журналистам в Санкт-Петербурге что не откажется от своих договоренностей с Белым домом. Летом 2009 г. В. Путин призвал избавиться в отношениях двух стран от груза недоверия и предубежденности, но не был услышан. В ответ на проведение в сентябре вблизи польской границы совместных военных учений России и Белоруссии, а также на празднование Москвой 4 ноября “Дня народного единства” глава МИДа Р. Сикорский призвал США разместить подразделения американских вооруженных сил на территории Польши в качестве щита против русской агрессии. Все это лишь обострило без того сложные российско-польские отношения.

11 декабря 2009 г. было подписано соглашение о размещении в Польше ракет малой дальности и воинского контингента без радаров и противоракетных установок в Восточной Европе. Такой шаг был воспринят как уступка России [5]. Но несмотря на это реакция российской стороны носила сдержанно отрицательный характер.

“Польша со щитом”, “Щит защитит Польшу”, “Щит на трудное время. Он будет защищать также Европу” – эти заголовки появились на первых полосах польских центральных газет после подписания договора с США. Польские газеты, такие как: “Газета wyborчей”, “Дзенник”, “Жечпосполита” считают этот шаг своего правительства оправданным и разумным, т.к. это еще одна гарантия для Польши сохранить свою суверенность и самостоятельность. К тому же ПРО придает стране серьезное значение в европейской политике и в этом случае поляки могут надеяться на материальную поддержку от западных стран. В самом правительстве Польши по вопросу размещения ПРО были разногласия между президентом Лехом Качиньским и премьер-министром Дональдом Туском. Заключались они в стилистических различиях в позициях лидеров страны (Д. Туск инициировал консультации с Россией по вопросам ПРО, которых избегал Л. Качиньский), так и в различных методах ведения переговоров с США по данному вопросу. Фактически Д. Туск принял тактику политического торга с США, тогда как Л. Качиньский был ориентирован на скорейшее подписание соглашений [6].

После трагической гибели Л. Качиньского и избранием президентом Польши Б. Коморовского (4 июля 2010 г.) внешняя политика

страны начинает меняться в положительную для России сторону. “Польша прилагает все усилия для улучшения отношений с Россией... Польша охотно идет на сближение. Мы выступаем за отмену виз для жителей российского анклава – Калининграда” [7].

Размещение американских ПРО на территории Польши было расценено Россией как прямая военная угроза. Призывы развивать добрососедские отношения ни к чему не привели, и с каждым шагом Польши в стремлении установить у себя в стране ПРО портились отношения между Москвой и Варшавой. Пик был достигнут в 2009 г. С приходом к власти Б. Коморовского стороны пошли на сближение и разрешение конфликта.

Библиографический список

1. Опасения и предложения России в связи с развертыванием противоракетной обороны США [Электронный ресурс] // ИноСМИ : [сайт] – Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/> (19.12.02).

2. Уильям, М. “Звездные войны” – журавль в небе [Электронный ресурс] // ИноСМИ : [сайт] – Режим доступа : <http://www.inosmi.ru/> (16.08.04).

3. Глобальная противоракетная оборона [Электронный ресурс] // ИноСМИ : [сайт] – Режим доступа : <http://www.inosmi.ru/> (23.05.03)

4. Стенограмма выступления Министра иностранных дел России С.В.Лаврова по проблематике ПРО на встрече со СМИ, Москва, 9 июня 2007 года [Электронный ресурс] // МИД РФ : [сайт] – Режим доступа : <http://www.mid.ru/> (09.06.07).

5. Первая батарея “Пэтриот” прибыла в Польшу почти на границу с Россией [Электронный ресурс] // Око планеты : [сайт] – Режим доступа: <http://oko-planet.su/> (24.05.10).

6. Макаркин, А. Россия и Польша в XXI веке: политический аспект отношений [Электронный ресурс] // Информационный сайт политических комментариев Политком.ru : [сайт] / Алексей Макаркин. – Режим доступа: <http://www.politcom.ru/> (10.11.08).

7. Смолар, П. Коморовский: Политика жестов приносит свои плоды в отношении с Россией [Электронный ресурс] // ИноСМИ : [сайт] / Петр Смолар. – Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/> (02.09.10).

РОССИЙСКИЕ ИНТЕРЕСЫ В АРКТИКЕ В XX-XXI вв.

Ни для кого не секрет, Российская экономика — сырьевая. Она нуждается в большом количестве топливно-энергетических полезных ископаемых. На сегодня сектор Российской экономики по добыче топливно-энергетических полезных ископаемых сталкивается с закономерными проблемами — исчерпываемость ресурсов. Российские ученые и политики уже давно обратили внимание на малоизвестный, но много обещающий район под названием Арктика. Факт того, что Арктические просторы богаты нефтью, газом и... рыбными ресурсами не мог остаться незамеченным и другими державами. Многие геологи высказывают предположение, что ресурсообеспеченность в 3-м тысячелетии станет важнейшим фактором развития стран и регионов мира [2, С. 35]. Поэтому сегодня внимание направленное на север возрастает.

Вопрос о принадлежности, разделении и освоении Арктики не перестает оставаться актуальным еще с 20 в. В 20—30-е гг. сложилась норма международного права, по которой деление северных полярных пространств на секторы происходило по принципу тяготения их к побережьям прибрежных государств. Царская Россия в 1916 г. включила в свой состав все земли, составляющие продолжение на север сибирского континентального плоскогорья. На Парижской конференции в 1920 г. державы-победительницы в первой мировой войне, без участия России, передали Шпицберген (который тоже входит в сферу интересов России на Севере) под суверенитет Норвегии. В 1925 г. Канада объявила, что все земли и острова к северу от канадской континентальной части попадают под суверенитет Канады. 4 ноября 1924 г. МИД СССР в ноте всем государствам подтвердило что, те земли, на которые претендует Советский Союз, есть продолжение российского континентального шлейфа в Арктике. А 15 апреля 1926 г. Постановлением Президиума ЦИК СССР были определены точные границы советского сектора в Арктике и закреплено положение, согласно которому “все земли и острова как открытые, так и могущие быть открытыми в будущем, расположенные в данном секторе, составляют территорию Советского Союза”. Далее в середине века Канада в новой мировой обстановке попыталась задекларировать часть Арктики. Тогда Международный суд постановил, что если в течении 100 лет не появится такой актер, который может доказать принадлежность к ней дна Северного ледовитого океана, то права на часть приполярных тер-

риторий отходят Канаде. Так, другие кандидаты на арктические просторы начали действовать активнее. В 2004 г. Дания высказала претензии на Северный полюс Земли, аргументировав это тем, что полюс связан с Гренландией, которая является ее полуавтономной территорией, 2 тыс. км – ым подводным хребтом Ломоносова. Следом в 2007 г. новая Россия, будучи наследницей и Царской и Советской России, заявив о своих интересах, установила свой флаг на дне Северного Ледовитого океана. Таким образом, сложилась неопределенная система секторов в Арктике. Но вопрос об объеме прав государств в Арктике по-прежнему остается сложным и неразрешенным. На сегодня, Арктический вопрос становится еще более актуальным в связи с разделом арктического дна между Россией и Норвегией (сентябрь 2010 г.).

Арктика – объект научных исследований прежде всего 8 государств – Дании, Исландии, Канады, Норвегии, России, США, Финляндии, Швеции. Это обосновано тем, что в Северной полярной области сосредоточены богатые природные ресурсы – как минеральные, так и органические. “Исследования Арктики – ключ к решению ряда фундаментальных проблем строения и развития Земли”, – говорит российский географ, академик РАН Владимир Михайлович Котляков [1, С. 9].

Российское научное сообщество заявляет: “Арктика – средоточие ряда важнейших глобальных проблем современности, среди которых в первую очередь следует назвать минерально-сырьевую и топливно-энергетическую проблемы. В арктических районах – на суше и шельфах – сосредоточены огромные залежи цветных и редких металлов, нефти и природного газа”. Но российские геологи призывают искать пути к радикальному усовершенствованию методов эксплуатации, повышению степени извлечения сырья из недр и комплексности разработки месторождений.

Российские власти уверяют, что отсутствие делимитации границ России на Западе, Севере, Востоке Российской Арктики представляет собой “большой геополитический вызов и угрозу интересам нашего государства на ближайшую и далекую перспективу” [3]. Более того, С. Миронов подчеркивает: “Эта проблема будет сопровождаться острым противостоянием всех арктических стран и стран, заявивших о своих национальных интересах в Арктике”. Тут же приводится пример, что отсутствие признанной делимитации границ в Баренцевом море представляет угрозу в разработке и эксплуатации российской стороной Штокманского газоконденсатного месторождения.

На сегодня Арктика – больше, чем территориальный ресурс. Ее богатства – исчерпываемы. Несложно догадаться, что бурное из-

влечение сырьевых ресурсов из Арктики, и Россией в том числе, уже не за горами. Остается надеется, что наиболее реальным путем решения проблем дефицита этих “жизненно необходимых” для нас ресурсов станет эффективное и долговременное освоение и развитие Севера.

Библиографический список

1. Котляков В. Арктика объединяет // Полярный круг. – М.: “Мысль”, 1991.
2. Ильина Л. Север: ресурсы используются, проблемы остаются // Полярный круг. – М.: “Мысль”, 1991.
3. Совет Федерации Федерального Собрания РФ. Границы России в Арктике. [Электронный ресурс] – Режим доступа от 05.10.10: <http://council.gov.ru/files/journalsf/item/20090915084121.pdf>.

И.Н. Шишканов

Самарский государственный университет

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И США НА ПИКЕ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА 2008-2009 гг.

В последние годы объемы российско-американской торговли возросли довольно быстрыми темпами. В 2008 г. товарооборот [1, С. 49] достиг рекордного уровня в 27,2 млрд. долл., увеличившись на 52,5% по сравнению с 2007 г. При этом российский экспорт возрос до 13,4 млрд. долл. (на 60,3%), а импорт – до 13,8 млрд. долл. (на 45,6%).

В 2009 году товарооборот между нашими странами был заметно ниже, поскольку кризис привел не только к снижению уровня деловой активности в обеих странах, но и к падению цен на основные товары российского экспорта и сокращению спроса на них. Внешнеторговый оборот России с Соединенными Штатами в 2009 году по данным таможенной статистики составил 18,3 млрд. долларов США и уменьшился по сравнению с 2008 годом на 33%, в том числе экспорт составил 9,1 млрд. долл. США (сокращение на 32%), импорт – 9,2 млрд. долл. США (уменьшение на 33%). Доля США во внешней торговле России в 2009 г. составила 3,9% (в экспорте – 3,1%, в импорте – 5,5%). По объему товарооборота США занимали 8-е место среди торговых партнеров нашей страны.

В структуре российского экспорта в США [2, С. 74] основная доля поставок приходится на следующие товарные группы: минеральные

продукты (в основном, продукция ТЭК) – около 42% объема российского экспорта; металлы и изделия из них – 29%; продукция химической промышленности (17%). Удельный вес машин, оборудования и транспортных средств составляет около 6%, драгоценных металлов и камней – менее 3%. Стоимость российского экспорта в Соединенные Штаты высокотехнологичных товаров в 2009 г. составила 432,4 млн. долл. или 4,7% всего объема экспорта (в 2007 и 2008 годах – 1,8% и 1,4% соответственно).

Основные экспортные товары (свыше 70% всех поставок): сырая нефть, нефтепродукты, алюминий необработанный, элементы химические радиоактивные, чугун переделанный, минеральные удобрения, титан и изделия из него, аммиак. Расширение американских инвестиций в Россию в последние годы происходило относительно невысокими темпами, хотя США по-прежнему входят в число ведущих стран-инвесторов по объему привлеченных иностранных инвестиций в экономику Российской Федерации. По данным Росстата, объем американских инвестиций, поступивших в Россию в 2009 г., составил 1,7 млрд. долл. США. Объем накопленных инвестиций в России на конец 2009 г. составил 7,1 млрд. долл.

Американские прямые инвестиции [3, С. 61] в России вложены, в основном, в ее производственный сектор, в котором, согласно имеющимся данным, сосредоточено примерно $\frac{3}{4}$ их объема. Прямые инвестиции США в непроемственную сферу направляются, в первую очередь, в банковскую и страховую деятельность, а также в сферу информационно-консультационных услуг. Особый интерес американские компании проявляют к инвестиционному сотрудничеству с регионами России, обладающими крупными запасами полезных ископаемых (в первую очередь, углеводородного сырья) или являющимися центрами концентрации предприятий химической, металлургической, авиакосмической, автомобильной и пищевой промышленности.

Библиографический список

1. Авдокушин Е.Ф. Международные экономические отношения: Учеб. пособие. – М.:ИВЦ “Маркетинг”, 2008.
2. США в мировой экономике // Ломакин В.Н. Мировая экономика. – М., 2009.
3. Войтоловский Н.В., Горшков Р.К. Основы экономики и управления предпринимательством. – М.: Экслибрис–Пресс, 2008.

СЕКЦИЯ "ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ИСТОРИИ РОССИИ"

К.Ф. Бассараб

*Саратовский государственный
социально-экономический университет*

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СИМВОЛОВ РОССИИ

Символы государства — это свидетельства его суверенитета, по которым оно узнается во всем мире. Они несут в себе огромную идеологическую, правовую, социально—политическую нагрузку. Для каждой страны и ее народа характерным являются верность своим традиционным символам и стремление сохранить их через столетия. Отдавая почести символам государства, мы тем самым проявляем любовь и уважение к своей Родине, гордость за принадлежность к Российскому гражданству.

В любом государстве символами власти, отражающими ее состояние, ее значимость и ее недостижимость, определенную устойчивость в истории стали регалии монархической власти, К регалиям Российского государства относятся — бармы, шапка Мономаха, венцы, скипетры, державы, троны, к символам власти — титул государя и обряд венчания на царство, сценарии власти, в символике придворных церемониалов, в официальной идеологии и образах монарха [1]. По легенде шапка Мономаха была прислана в числе царских регалий от византийского императора Константина Мономаха киевскому князю Владимиру Мономаху по праву родства. От киевских князей она перешла к владимирским, а затем и к московским. Но единого мнения о происхождении шапки Мономаха не существует.

Появление новых царских регалий относится к периоду формирования единого централизованного государства, когда возникла политическая и историческая потребность во внешних образах власти. Они начинают отождествляться с верховенством власти и непрерывностью. Форма скипетра — посох — являлась библейским символом, точно соответствовавшим понимаю царской власти в России начала XVI в. Впервые скипетр упоминается как знак верховной власти при венчании на царство Ивана Грозного в 1574 г. Наиболее поздней по времени возникновения в Московском государстве стала держава как регалии власти. Ее появление в конце XVI в. было обусловлено разрос-

шейся территории Московского государства за счет присоединения Казанского и Астраханского ханств в середине века и началом захвата территорий Сибирского и Нагайского ханств во второй половине века. Держава, имевшая форму шара, стала символом владычества московского царя над завоеванными территориями. Первое в истории России торжественное венчание на великокняжеский престол состоялось 500 лет назад, в конце XV в. при Иване III, который решил официально и всенародно оформить права на русский престол своего внука Дмитрия. Его кульминацией было возложение на Дмитрия самим великим князем барм и венца — Прославленной шапки Мономаха — самых первых в Московском государстве атрибутов верховной власти. В дальнейшем обряд венчания на царство приобретал все более торжественный и величественный характер. Принятие в 1497 г. первого общерусского судебника повлекло за собой и оформление и государственной символики. В это время гербом России становится двуглавый орел, олицетворявший верховную власть и независимость. Самое первое из сохранившихся свидетельств использования изображения двуглавого орла в качестве символа России — великокняжеская печать Ивана III.

Одним из государственных символов является гимн (от греч. слова *hymnos* — торжественная песнь в честь божества) — хвалебная песнь, музыкальное произведение торжественного характера. В средневековой Московской Руси гимна в современном понимании не существовало. В период создания единого централизованного государства по указу Ивана III был создан профессиональный хор “государевых певчих дьяков”, который впервые спел в 1479 г. на освящение Успенского собора в Кремле. Третьей символикой государственной власти традиционно считается флаг. “В России знамя прошло эволюционный путь от языческого шеста с конским хвостом до самой главной реликвии — символа воинства и Отечества” [2, С. 163]. В период формирования единого централизованного государства появляются символы и атрибуты власти представленные шапкой Мономаха, скипетром, державой, бармами, происходит становление и государственной символики — герба, флага и гимна. В 1721 году он объявил Россию империей, а сам принял титул императора. Это привело к значительным изменениям в ритуале воцарения главы государства. Вместо обряда венчания на царства был введен обряд коронации, в котором бармы были заменены мантией с цепью ордена св. Андрея Первозванного, а шапка Мономаха — короной.

Введение новых атрибутов власти привели и к изменению внешнего вида государственной символики, в первую очередь герба и государственного флага. В 1699 г. Петр I учредил первый русский орден св. Апостола Андрея Первозванного. В XIX в. указом Александра II от

11 июня 1858 г. был введен черно-желто-белый “гербовый” флаг. В 1914 году особым циркуляром министерства иностранных дел был введен “для употребления в частном быту” новый национальный бело-сине-красный флаг с добавленным в верхней части у древка желтым квадратом с черным двуглавым орлом (композиция, соответствующая дворцовому штандарту императора); орел изображался без титульных гербов на крыльях; квадрат перекрывал белую и около четверти синей полосы флага. В имперский период получает свое развитие и окончательное оформление гимна государства как символики. В эпоху Петра I получают распространение “виватные канты”, прославляющие царя и “молодую Россию”. Окончательный вариант государственного гимна сложился только в XIX в. В этот период особой популярностью пользовались песни-марши и марши-полонезы. В период с 1725 по 1727 год был создан герб Саратова. Он входит в группу так называемых “старых” российских городских гербов.

Библиографический список

1. Уортман Р.С. Сценарии власти. В 2-х т. – М., 2004
2. Российская монархия. Символика и атрибуты. Страницы истории государственности. – Москва, 2005.

С.В. Ионычева

Поволжский государственный колледж

ОТНОШЕНИЕ РУССКОЙ ДЕРЕВНИ К ОТМЕНЕ КРЕПОСТНОГО ПРАВА

XIX век занимает особое место в истории России. Одним из ярких событий XIX века стало отмена крепостного права. Крепостное право – совокупность юридических норм феодального государства, закреплявших наиболее полную и суровую форму крестьянской зависимости при феодализме. Крепостное право включало запрещение крестьянам уходить со своих земельных наделов, наследственное подчинение феодалам, лишение крестьян права отчуждать земельные наделы и приобретать недвижимость, иногда – возможность для феодала отчуждать крестьян без земли.

Крепостное право, похожее на рабство, было безнравственно. 19 февраля 1861 г., в шестую годовщину своего восшествия на престол, Александр II подписан законоположения о реформе и манифесте об отмене крепостного права. 5 марта 1861 г. Манифест был прочи-

тан в церквях после обедни. В Михайловском манеже Александр II сам прочитал его гвардии [3, С. 308].

Реформа ликвидировала правовое различие феодальных разрядов крестьян, что способствовало сплочению крестьянства как одного социального условия. Крестьяне были глубоко убеждены в том, что земля принадлежит тем, кто на ней трудится, т.е. самим крестьянам. Вся земля в имении признавалась собственностью помещика, в том числе и та, которая находилась в пользовании крестьян. За пользование своими наделами лично свободные крестьяне должны были отбывать барщину или платить оброк. Юридическое понятие “права на землю” было им чуждо. Наслышавшись о близкой “воле”, они с удивлением и негодованием воспринимали весть, что нужно продолжать отбывать барщину и платить оброк. У них закрадывались подозрения в подлинности прочитанного манифеста, не запрятали ли помещики, сговорившись с попами, “настоящую волю”.

Донесения о крестьянских бунтах приходили из всех губерний Европейской России. Обнародование манифеста 19 февраля обмануло ожидания крестьян, вызвав волну народных бунтов.

Особым драматизмом отличались события в селениях Бездна Спаского уезда Казанской губернии. Крестьянин Антон Петров вычитывал из “Положений” 19 февраля “тайный смысл” и растолковывал его крестьянам. У него получилось, что почти вся земля должна отойти именно к ним. Со всех сторон шли в Бездну бывшие крепостные, чтобы послушать “про настоящую волю”. В Бездну были направлены две роты солдат. Более 90 человек были убиты. Через неделю 19 апреля 1861 г. Петрова принародно расстреляли [1, С.146].

События в Бездне оказали большое влияние на рост крестьянских волнений не только в Казанской губернии, но и на всем Среднем Поволжье. Безденские события характеризовали собой одновременно и силу, и слабость крестьянского движения. Они продемонстрировали неудержимое стремление крестьян к борьбе за волю и землю, что и определило массовость движения.

Волнения начались 1 апреля в селе Студенки Чембарского уезда, где демократически настроенный священник Федор Померанцев, толкая “Положения”, заявил крестьянам, что работать им на помещика не следует. Несколько позднее, с 9 апреля, центром крестьянского движения становится село Черногай того же Чембарского уезда, в котором собрались крестьяне 26 деревень, общей численностью до 3 тыс. человек. Крестьяне захватили исправника и управляющего имением. Вызванные в Черногай войска были атакованы восставшими крестьянами. Далее крестьяне перешли в село Кандеевку Керенского уезда, где восстание получает большее распространение. Все попытки успокоить крестьян и уговорить отбывать барщину ни к чему не при-

вели. После этого был отдан приказ о расстреле крестьян. Священник Федор Померанцев был заключен в Соловецкий монастырь [1, С.158].

Больших размеров достигло крестьянское движение в Виленской и Смоленской губерниях. В Виленской губернии в Дисненском уезде около 6 тыс. крестьян отказалось от выполнения барщины. Волнения крестьян были ликвидированы в результате применения воинской силы — трех рот Муромского и двух рот Софийского пехотных полков. В рапорте царю флигель-адъютант граф Олсуфьев сообщал, что 30 человек было арестовано и значительное число крестьян наказано розгами [2, С.131].

В Смоленской губернии крестьянским движением были охвачены все уезды. Значительный размах получили крестьянские волнения и в Черниговской губернии. В Новгород-Северском уезде крестьяне слободы Каменской не только отказались выполнять барщину, но и препятствовали производить работу на помещичьих полях вольнонаемным рабочим.

Как правило, движения подавлялись вооруженной силой. Определить количество деревень, в которых волнения были подавлены войсками, также не представляется возможным. Несмотря на размах крестьянского движения и его активность, оно по-прежнему продолжало оставаться стихийным и неорганизованным. К июню 1861 г. крестьянское движение пошло на спад.

Анализ реформы, в отношении государственных крестьян, дает основание для следующих кратких выводов. Реформа, построенная на тяжелых компромиссах, учитывала интересы помещиков гораздо больше чем крестьян. Реформа 1861 г. открыла перед Россией новые перспективы. Велико было и нравственное значение реформы, покончившей с крепостным рабством. [3, С.162,163]

Страна вступала на путь капиталистического развития. Началась новая эпоха в её истории. Но отмена крепостного права не превратила крестьян в собственников земли. Несмотря на то, что после отмены крепостного права прошло 150 лет, и в настоящее время жители русской деревни не могут считать себя полноправными хозяевами земель.

Столь разная реакция на освобождение в XIX в. объяснялась неоднозначным прочтением Манифеста, низким уровнем образования крестьян, а также дифферентным отношением государства к разным слоям российского общества.

Библиографический список

1. Литвак Б.Г. Переворот 1861 г. в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. — М., 1991.

2. Зайончковский П. А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. — М., 2003.
3. Зырянов П.Н. История России XIX век. — М.: “Дрофа”, 2004.

Т.В. Казеева

Самарский государственный университет

КРИТИКА "СПРАВА" ПОРЕФОРМЕННЫХ СУДЕБНЫХ ИНСТИТУТОВ В КОНЦЕ XIX в.

“Великие реформы” в Российской Империи II пол. XIX в. явились катализатором не только социальных и экономических процессов в стране, но и общественной мысли того времени, старавшейся проанализировать последствия перемен, дать им должную оценку развитию пореформенной России в целом. Существенную роль в этих процессах играла Судебная реформа 1864 г. — наиболее либеральное и дискуссионное новшество для нашего государства.

Занимаясь изучением этих процессов, на наш взгляд, необходимо в первую очередь учитывать мнения консерваторов и прежде всего их ярчайших представителей — К. Н. Леонтьева, В.П. Мещерского и К.П. Победоносцева. По отношению к Судебной реформе их всех объединяет неверие и скептицизм к той “пропаганде свободы”, которая творится в российских судах, их откровенной “травле” государственной власти и подрыва её авторитета в глазах общественности, к тому же главное на их взгляд — это эклектичность реформы, ее беспочвенность в России, откровенное списывание с западных образцов.

К.Н. Леонтьев винит суды и их либеральных деятелей в том, что “у нас в России гласные суды стали, благодаря духу интеллигенции нашей, одним из орудий медленного и по приемам легального разрушения всего старого”. Они несравненно больше, чем земства способствовали тому “таянию” России, которое потом всех ужаснуло и которое “без ретроградных реформ вполне и приостановить нельзя” [1]. Естественно автор не говорит, что все решения новых судов были нехороши или априори направленные против власти, здесь имеется в виду, что они подвержены духу времени и склоняет чашу весов в ту сторону “чумного веяния все того же духа времени”. Возможно, бесознательно, они усилили либеральное расстройство общества.

“Публика наша, отмечает К.Н. Леонтьев, легкомысленна, пуста, впечатлительна и дурно воспитана, а нашим адвокатам и прокурорам нужно сделать карьеру, обнаружить ораторские способности (между

прочим, ввиду воображаемой возможности громить ответственных министров, ибо никому так конституция не выгодна, как ораторам); судьи подвергаются давлению «среды»; присяжные или сбиты с толку многосложностью вопросов, если они из простых, или подкуплены либеральными симпатиями, если они из интеллигентных [1]. Результат всей этой деятельности без всякого злого умысла весьма печален не только для государственной власти, но и для всего народа, так как она рушит старые устои, предоставляя взамен лишь “эффемерные права”.

Обращаясь к воззрениям В.П. Мещерского, необходимо отметить, что в данной работе анализируются его взгляды с 1879 г., когда князь усомнился в благотворности Великих реформ “ ибо новые учреждения (суды, земства и т.д.) оказались не механизмами гармонического взаимодействия власти и общества, как когда-то ожидал Мещерский, а теми отдушинами, через которые вырывались наружу политические и социальные противоречия тогдашней России” [2]. В годы народо-вольческого террора, вместо того, чтобы безоговорочно поддержать правительство в борьбе с “крамолой”, они, с точки зрения князя, сами становились источниками смуты.

И самая беспощадная критика пореформенной судебной системе принадлежит перу К.П. Победоносцева. В “Отзыве о русском суде” он отмечает, что бесконтрольная, обособленная юстиция несовместима с самодержавием. Больше того: она несовместима ни с каким иным правительством, при всяком образе правления. Нигде в мире суд не обособлен так, как у нас в России. Разница громадная в том, что повсюду существует веками установившееся и организованное судебное сословие, в коем первенствуют старые деятели, опытные люди; повсюду есть стройное систематическое законодательство, разработанное судебной практикой тоже в течение веков. “Там признаётся несменяемость судей, но они не бесконтрольны, и есть на них управа. Суд служит, как и должен служить, необходимым и крепким орудием государственной власти для охранения закона, для поддержания основных начал управления, для наказания виновных” [3, С. 426].

У нас — не бывало и нет судебного сословия. Крепких и опытных деятелей очень мало; приходится ставить повсюду неопытных, а иногда и вовсе неумелых юношей. И таких-то суд признаёт несменяемыми. Очевидно, что такой суд не может быть опорой государства, а только развращает своих деятелей пустым сознанием мнимого величия и мнимой независимости от всех властей [4, С. 130].

Отношение суда к государю и государству в понимании Победоносцева — взаимосоветательное. “Весьма нерассудительно думать, будто закон — одно, а политика другое, о то и другое есть совокупно движущиеся силы” [5, С. 444].

Таким образом, российские консерваторы в конце XIX в. утверждают, что вековой опыт всех народов показывает, что прочны и действительны те учреждения, корни которых утвердились в прошлом и возникли из свойств народных, в отличие от заимствованных новоявленных гласных судов с необразованными и легко убеждаемыми присяжными заседателями; а способны к самоуправлению люди, привыкшие в личном быту жить и управлять сами собой. Новые же судебные учреждения лишь очень быстро рушат старые традиционные устои, навязывая обществу чуждую ему западную мораль.

Библиографический список

1. Леонтьев К.Н. О либерализме вообще / Передовые статьи “Варшавского дневника” 1880 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http:// knleontiev.narod.ru/texts/peredovie_1880.htm](http://knleontiev.narod.ru/texts/peredovie_1880.htm).

2. “Русская партия” и В.П.Мещерский в 1860-е гг. / Капитализм и “антикапиталистическая ментальность” [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.voskres.ru/idea/meshcherskii.htm>.

3. Победоносцев, К.П. Свободные учреждения // Тайный правитель России. Письма и записки 1866-1895 гг. Статьи. Очерки. Воспоминания. – М., 2001.

4. Победоносцев, К.П. Отзыв о русском суде // Тайный правитель России. Письма и записки 1866-1895 гг. Статьи. Очерки. Воспоминания. – М., 2001.

5. Победоносцев, К.П. Суд // Тайный правитель России. Письма и записки 1866-1895 гг. Статьи. Очерки. Воспоминания. – М., 2001.

Ю.Ф. Сулейманова

*Оренбургский государственный
педагогический университет*

ОРЕНБУРГСКОЕ МУСУЛЬМАНСКОЕ ДУХОВЕНСТВО ПОД ЮРИСДИКЦИЕЙ ЦАРСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В XIX ВЕКЕ: ПРОБЛЕМЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Новейшие исследования в области российской истории свидетельствуют о том, что имперское государство уделяло большое значение использованию конфессиональных и этнических категорий в своей политической практике, и что народы, в свою очередь, присваивали эти категории в качестве собственной самоидентификации [7, С.55].

Одним из важных условий осуществления этой задачи в регионах, населенных мусульманами, было установление определенных отношений правительственной власти с многочисленными духовными лицами, которые играли значительную роль как в духовной, так и в гражданской жизни мусульман [1, С.45].

Со второй половины XVIII в. правительство считало необходимым устраивать “духовный быт” мусульман и определять подробности их религиозной жизни в законе. Первым законодательным актом, регламентирующим “духовные дела” мусульман на территории империи, был указ Екатерины II от 22 сентября 1788 г., согласно которому в Уфе учреждалось Собрание из двух-трех мулл из “казанских татар” под председательством муфтия для надзора за назначением мулл и проведения испытаний кандидатов на мусульманские духовные должности [8, С.101].

Закон давал муллам право не только на выполнение ритуалов, но также на то, чтобы рассматривать гражданские вопросы, такие как бракосочетание, развод и раздел имущества по шариату [7, С.104].

В законе определялись штаты, размер жалованья и порядок организации работы управлений. В предметы ведения входило заведование мечетями, вакуфами и школами при них, а также назначение и наблюдение за приходским духовенством соответствующего округа. Приходское духовенство являлось низшей инстанцией, рассматривавшей и решавшей духовные дела магометан: порядок богослужения, исполнение обрядов, расторжение и заключение браков, а также наследственные дела. По ходатайству низшего духовенства судебные дела могли быть переданы в духовное правление, которое при судебном разбирательстве имело право определять только духовное наказание [1, С.76].

В обязанность духовенства вменялось ведение метрических книг. Однако представители духовенства очень часто нарушали правила ведения этих книг. В основном нарушения касались заключения браков [2, Л.1; 3, Л.1; 4, Л.1; 5, Л.1]. В таких случаях заседание ОМДС выносило решение о расторжении такого брака и предания суду нарушившего правила азанчея [2, Л.2]. Муллы избирались приходскими обществами и утверждались губернскими правлениями. В Оренбургском округе кандидатам было необходимо пройти в правлениях предварительные испытания в знании правил мусульманского закона.

С 70-х годов XIX века в правительственном политическом лексиконе появилось понятие “мусульманский вопрос”, что означало не только признание наличия в империи мусульманских подданных и необходимости их “слияния с коренным населением”, но и возникновение в “мусульманском мире” признаков национального и рели-

гиозного “пробуждения”. Особенно «опасным» в этом отношении, по мнению властей, являлся Поволжский регион. Опасаясь “татаро-мусульманского сепаратизма”, власти форсировали политику “сближения”, делая ставку на русский язык и на усиление правительственного контроля за деятельностью духовенства в округе Оренбургского духовного собрания [9, С.95].

В рамках программы «просвещения инородцев» правительство пыталось ввести русские классы при мусульманских религиозных учебных заведениях. Однако правительственные мероприятия встретили сопротивление мусульманского духовенства и мусульманских обществ. В этой ситуации правительство приняло решение о русификации прежде всего мусульманских духовных лиц, поставив в 1890 г. одним из условий для замещения духовной должности в Оренбургском округе знание русского языка. Так, согласно письму Оренбургского губернатора, приходские муллы при мечетях и медресе обязательно должны были преподавать русский язык, в случае же незнания ими языка мулл должны были заменить учителя войсковых народных школ [6, Л.1]. На это письмо последовал ответ, что введение обязательного русского языка невозможно, так как муллы не знают и не желают изучать русский язык [6, Л.2]. Следовательно, магометане вообще могли остаться без верослужителей. Поэтому от внедрения этой меры правительство отказалось.

Таким образом, в Российской империи система управления мусульманскими духовными делами была построена на различных основаниях. Со второй половины XVIII в. правительство считало необходимым регламентировать “духовный быт” мусульман, определив в законе подробности управления ими. Эта точка зрения привела к учреждению Оренбургского собрания (1788 г.). Результат этого взгляда — включение мусульманского духовенства в структуру государственного управления и признание шариата в правовой жизни мусульман. В отношении областей, присоединенных позже, была применена другая точка зрения — мусульманские духовные лица воспринимались только как служители веры. В решении судебных дел предпочтение отдавалось адату. Вероятно, вторая позиция была более предпочтительна для власти, но приходилось считаться с уже имевшейся конфессиональной организацией духовенства, которую нельзя было просто отменить. Поэтому единственное, на что шла власть — это ограничение компетенции территориальных органов управления. Существовавших духовных лиц правительство сумело сделать своими агентами, что позволяло власти использовать их в своих интересах, иметь их в качестве посредников в общении с мусульманскими подданными.

Библиографический список

1. Воробьева Е.И. “Единая и неделимая Россия” и “инородческий вопрос” в имперской идеологии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. – М., 2001.
2. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). – Ф.11. – Оп.1. – Д.257.
3. ГАОО. – Ф.11. – Оп.1. – Д.260.
4. ГАОО. – Ф.11. – Оп.1. – Д.262.
5. ГАОО. – Ф.11. – Оп.1. – Д.265.
6. ГАОО. – Ф.11. – Оп.1. – Д.303.
7. Наганова Н. Формирование мусульманского общества через царскую администрацию: махалля под юрисдикцией Оренбургского магметанского духовного собрания после 1905 г. // Татарские мусульманские приходы в Российской империи. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Казань, 2005.
8. Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX века. – СПб., 2008.
9. Хабутдинов А.Ю. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII – начале XX вв. – Казань, 2001.

К.В. Купченко

Филиал НОУ ВПО “С-Пб ИВЭСЭП”

в г. Смоленске

ПРОЕКТЫ ПО МЕСТНОМУ УПРАВЛЕНИЮ. К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ГОРОДСКИХ ОБЩЕСТВ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. ВО ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИИ

Работа выполнена при поддержке Администрации Смоленской области и РГНФ. Проект регионального конкурса “Центральная Россия: прошлое, настоящее, будущее”, грант № 10-01-58102 а/Ц.

Местное управление в России имеет давнюю историю. С XVIII в. развивается городское управление. В 1785 г. Екатериной II городам было даровано самоуправление с предоставленным городскому обществу правом заведования городским хозяйством в целях удовлетворения нужд горожан [2, С. 68-129]. В XVIII в городские органы управления были сформированы в Смоленской губернии [7, С. 120].

К компетенции созданных органов местного управления относилось благоустройство городов, ремонт дорог и мостов, охрана правопорядка и противопожарная безопасность, выдача свидетельств на право занятия торговлей и промыслами, открытие учебных заведений.

В действительности провозглашенные нормы о началах городского управления не получили дальнейшего развития и не были реализованы. Местное население игнорировало участие в органах местной власти. Даже в столицах, не говоря уже про уездные города, в которых подразумевалось упрощенное управление, на протяжении первой половины XIX в. не избирались предусмотренные законом депутатские собрания.

Предоставленная городским думам права заведования городским хозяйством блокировалась представителями губернских властей.

Хозяйственное развитие городов оставляло желать лучшего. Согласно статистическим сведениям 1825 г., 1852 г. и 1867 г. в сорока двух губернских городах, в т. ч. и в Смоленске, деревянные постройки преобладали над каменными, даже в обеих столицах [9, С. 4]. В Смоленской губернии, по данным 1865 г., в Духовщине каменных зданий вообще не было [8, С. 22-28].

Население уездных городов Смоленской губернии занималось земледелием, кустарными ремеслами либо отхожими промыслами. Крупных промышленных предприятий на Смоленщине вплоть до начала XX вв. не было. Слабое развитие промышленности отрицательно сказывалось на городской экономике, развитии городского хозяйства. Доходы самих городов были незначительными. В 1834 г. доходы Смоленска составляли всего 19871 р. [5, С. 214] Доходы остальных городов Смоленщины были на порядок меньше.

Положение в Смоленской губернии было характерно для подавляющего большинства городов центральной России.

Неудовлетворительное состояние городского хозяйства заставило правительство Российской империи предпринять попытки реформирования городского законодательства.

Но попытки разработки законопроектов в этой сфере, предпринимавшиеся с 20-х годов XIX в., тормозились на стадии рассмотрения. Единственный воплощенный проект был распространен в 1846 г. только на Санкт-Петербург и предусматривал создание выборных всесословных представительных органов городского управления [6, С. 317]. Пример Петербурга вызвал множество ходатайств от городов о распространении на них положений, предусмотренных для столицы.

Под воздействием общественного мнения 20 июля 1861 г. вышел указ о разработке единого городского положения, для чего изучался имеющийся опыт управления столицей, принимались предложения

и проекты, поступающие от местных обществ. Активное участие в разработке этого вопроса принимали и представители местных обществ Смоленской губернии.

Дворянские губернские собрания Смоленщины в декабре 1861 года предложили проект нового местного управления, где высказались за введение всесловных учреждений [4, С. 209]. В постановлениях и адресах ряда собраний, среди них и смоленского, фигурировали требования модернизации политического строя и правовых норм, учреждении центрального выборного представительства [4, С. 242-243]. В Смоленском комитете “об устройстве быта помещичьих крестьян” отдельные его члены призывали коллег приступить к проектированию реформы администрации, полиции и суда [1, Д. 37. Л. 20, 227]. Вице-президент комитета указывал, что цель его состоит в том, “чтобы представить правительству те изменения, которые необходимо сделать” [1, Д. 37. Л. 323]. В результате комитет получил от правительства высочайше утвержденный выговор “за упорное невнимание к... правительством началом” [1, Д. 37. Л. 401 об.].

Но, осуществленная реформа местного управления была далека от воплощения подобных приведенных выше проектов. Однако, проявившееся в 1858-1862 годах стремление передового местного дворянства к новым принципам устройства управления не ослабело. Например, гласный смоленского губернского собрания М. Махов отмечал, что: “Ведению местных учреждений подлежат экономические интересы данной местности” [3, С. 86].

Построение принципиально нового хозяйственного, правового и государственного порядка путем продвижения “снизу вверх” так и не было осуществлено. Сейчас, в период очередного обустройства России, мы ощущаем, что фундамент все еще укладывается и никак не уложится.

Библиографический список

1. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). – Ф. 567. – Оп. 1. – Д. 37.
2. Грамота на права и выгоды городам Российской империи // ПСЗ. – Т. XXII. – № 16188.
3. Журнал заседаний смоленского губернского земского собрания в феврале 1866 года.
4. Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России. – М., 1979.
5. Маковский Д.П., Орлов В.С. Смоленск с древнейших времен до XX века. – Смоленск, 1948.
6. Материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах империи. – СПб., 1877. – Т. I.

7. Мурзакевич Н.А. История города Смоленска. Смоленск, 1877.
8. Памятная книжка Смоленской губернии. – Смоленск, 1868.
9. Щепкин Н.П. Опыты изучения хозяйства и управления городов. – М., 1882. – Ч. 1.

А.В. Мещеряков

*Оренбургский государственный
педагогический университет*

ВОЙСКОВОЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПРАВЛЕНИЕ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ОРЕНБУРГСКИМ КАЗАЧЬИМ ВОЙСКОМ

Войсковое хозяйственное правление (далее ВХП) в системе управления Оренбургского казачьего войска (далее ОКВ), наряду с Наказным атаманом и Войсковым Штабом (далее ВШ), являлось высшим звеном войскового управления. По законам Российской империи ВХП заведовало всеми без исключения хозяйственными делами ОКВ [3, ст.215 С.610]. Целью нашего исследования является анализ законодательства и документов заседаний Правления, в результате чего следует ответить на вопрос, кому подчинялось ВХП и насколько данный орган являлся независимым в решении вопросов входивших в его компетенцию.

Наибольший интерес представляет взаимоотношения ВХП и Наказного Атамана, т.к. законодатель закрепил и за Наказным атаманом, и за ВХП обширные права и обязанности, которые по многим вопросам дублировали друг друга. Именно поэтому представляется важным выяснить, насколько ВХП было подчинено Наказному атаману или было независимо от него.

Для решения этого вопроса обратимся к уже разработанной в исторической науке методологии выяснения степени подчиненности губернатору местных учреждений [2, С. 63]. Так, в научной литературе был сделан вывод о том, что в законодательстве позднеимперской России подчинение губернатору могло происходить тремя путями (данные виды подчинения могут в полной мере подойти и к рассматриваемой ситуации, потому что, как было указано выше, Наказной атаман одновременно являлся и губернатором). В итоге по всем трем критериям подчиненности ВХП подчинялось Наказному атаману. Поэтому возможно ввести, по аналогии с термином “органы губернаторской власти” [2, с. 61], термин “органы атаманской власти” – это те органы, через которые атаман осуществлял свои функции. ВХП являлось таким органом и, следовательно, входило в систему атаманской власти.

Помимо Наказного атамана в верхнем звене власти находился и ВШ. Подчиненности между ВХП и ВШ не было, т.к. каждый отвечал за подведомственные ему вопросы, а взаимоотношения происходили в моменты, когда затрагивались интересы обеих структур.

Что касается органов не входившие в систему управления ОКВ, то ВХП подчинялось Контрольной палате. Так, ВХП ежегодно составляло сметы об ожидаемых доходах и расходах. Затем проект сметы поступал на проверку в местную Контрольную палату, где должен был быть рассмотрен в течении двадцати дней. После чего проект ложился на рассмотрение и утверждение высшего начальства. В случае несогласия ВХП с выводами контрольной палаты, они обсуждались в общем присутствии Правления совместно с Управляющим Палатой или уполномоченным лицом [3, ст.11, С.699].

ВХП отчитывалось перед Контрольной палатой за расходом средств выделенной из казны. Так, предоставлялся отчет за потраченные деньги во время командировок, за покупку оборудования, за траты на печать документов в типографии и другие финансовые дела [1, Л.47, 56, 64].

Так же, как видно из документа, Контрольная палата обладала полномочиями ревизии финансовых дел ВХП. Так, в журнале заседаний Межевого отделения ВХП за 1891-94-е гг. в докладе начальника Отделения за январь 1892 г. говорится о том, что Контрольная палата не удовлетворена работой Межевого Отделения. Это было связано с тем, что Межевое Отделение было создано в 1867 г. как временная организация, которая должна была в течении 13 лет разделить всю войсковую землю, но к 1880 гг. было размежевано лишь 1/3 войсковой территории, учитывая что в 1877 г. расходы на него были увеличены [1, Л.10]. На слабую деятельность Межевого Отделения обратил внимание и оренбургский губернатор Н.А. Маслаковец, после чего средства вновь были увеличены (в 1886 г.) [1, Л.10].

Главная причина неэффективности работы, по мнению Контрольной палаты, являлось то, что сэкономленные деньги от жалованья и столовых в течении 1886–91-х гг., возникшие в связи некомплектном штатного состава, тратились не на увеличение штата, а на непроизводительные расходы по выдаче пособий и наград чинам. За этот период из кредитов было потрачено 12783 руб. 70 коп. на выдачу пособий и наград и 2877 руб. 66 коп. – на усиление хозяйственных сумм Отделения. Причем расход 2877 руб. 66 коп. Контрольная палата признала совершенно неправильным не только по существу, но и с формальной стороны. В результате чего было возбуждено преследование в общем ревизионном порядке. Так же Оренбургская контрольная палата выступила с инициативой войти в переписку с Военным министерством для установления более нормально и соответствующего интересам войсковой казны способа размеже-

вания земель ОКВ, а средства, выданные на пособия и награды в размере 12783 руб. 70 коп., потребовала вернуть в войсковую казну, с запрещением таких выдач на следующее время [1, Л.11об.,12].

Таким образом, Контрольная палата участвовала не только в проверке сметы, предусмотренной по закону, но и вмешивалась во внутренние дела ВХП, пытаясь стать инициатором изменения в подходах к решению крупной экономической проблеме ОКВ, связанной с размежеванием земель.

Делая вывод, следует отметить, что ВХП, находясь в высшем звене власти войскового управления, обладая широкими полномочиями, тем не менее, полностью подчинялось Наказному атаману и входило в систему атаманской власти. Вместе с тем на Правление имела влияние и Контрольная палата, которая занималась финансовой ревизией войска.

Библиографический список

1. Государственный Архив Оренбургской Области (ГАОО). – Ф. 37. – Оп.3. – Д.209(а).

2. Любичанковский С.В. Структурно–функциональный подход к истории местного управления Российской империи (1907 – 1917 гг.). – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2005.

3. Свод законов Российской империи. В 5 кн. – Кн. 1. – Т.2. “Свод губернских учреждений”. Издание неофициальное / Под редакцией И.Д. Мордухай-Болтовского. – СПб.: Русское Книжное Товарищество “Деятель”, 1912.

Д.С. Михайлов

*Оренбургский государственный
педагогический университет*

ВНУТРЕННЯЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ГУБЕРНСКОГО ПРАВЛЕНИЯ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Первым из трёх компонентов общего понятия государственного учреждения, выделенных Н. П. Ерошкиным, является его внутренняя организация [1, С.87].

Важной составной частью аппарата государственного управления после ноября 1775 г. (учреждение губернских правлений. – Д. М.) в Российской империи являлась система губернаторской власти, элементом которой было губернское правление. Согласно “Учреждению

для управления губернией”, правления “есть высшее в губернии место”, которое управляло “делами общественного благоустройства”, “охраняет права личности и собственности” и обязано “управлять делами народного здравия; продовольствия, хозяйства и промышленности; побуждать чиновников к исполнению законов” [2, С.16].

Анализ законодательства приводит к выводу, что основными функциями губернских правлений в конце XVIII – первой половине XIX века являлись:

- доведение до соответствующих учреждений и лиц указов Сената и императора;
- назначение, увольнение и перемещения канцелярских чиновников;
- надзор за точным соблюдением законодательства;
- рассмотрение жалоб на полицейские учреждения;
- заведование строительной и дорожной частью в губернии;
- сбор сведений о количестве населения, состоянии торговли, сельского хозяйства, промышленности, путей сообщения.

В структуру изучаемого учреждения входило общее присутствие и канцелярия. Коллегиальность управления осуществлялось через общее присутствие. Его председателем был губернатор. Кроме губернатора в состав общего присутствия входили вице-губернатор, старший советник, советник, губернский врачебный инспектор, губернский архитектор, губернский землемер, губернский прокурор и секретарь.

Канцелярия губернского правления делилась на отделения. Они находились под управлением одного из трёх советников по назначению гражданского губернатора, и состояло из секретаря, столоначальников, их помощников и канцелярских служителей.

Порядок определения в должности и чин должностного лица также был прописан законодательством Российской империи [3, С.231]:

Таблица №1

Должность	Кто определял в должности	Чин
Губернатор	Император	IV класс
Вице-губернатор	Император	V класс
Советники	Сенат	VI класс
Губернский архитектор	Губернское правление	VI класс
Губернский землемер	Губернское правление	VIII класс
Губернский прокурор	Сенат	VI класс
Секретарь	Губернское правление	X класс
Канцелярские служители	Губернское правление	X класс

В первой половине XIX века оплата данных чиновников была относительно невелика. Так 19 июля 1804г. в Оренбургской губернии появляется указ Сената о чиновниках, служивших в правлении губернском, в котором прописывался не только штат чиновников, но и их жалование [4, Л.3-3об.].

Таблица №2

Должность	Число людей	Жалование в год (рубли)	
		одному	на всех
Губернатор	1	6000	6000
Вице-губернатор	1	1800	1800
Советники	2	600	1200
Губернский архитектор	1	400	400
Губернский землемер	1	500	500
Губернский прокурор	1	600	600
Секретарь	1	350	350
На канцелярских служителей: протоколистов, регистраторов, архивариусов, переплетчиков и прочих и на канцелярские расходы	–	–	10000

Итак, губернское правление в исследуемый период имело четко определённую законодательством структуру и штат управления. Внутренняя организация была производна от функций губернских правлений: состояла из общего присутствия и канцелярии, которые были важным звеном в государственной системе управления.

Библиографический список

1. Любичанковский С. В. Губернское правление в системе губернаторской власти в последнее десятилетие существования Российской империи. – Екатеринбург, 2003. – 275 с.
2. Полное собрание законов российской империи (собрание 1825 – 1881 гг.). – Т. XX. – № 18580.
3. Полное собрание законов российской империи (собрание 1649 – 1825 гг.). – Т. XX. – № 14392.
4. ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 2. – Д. 1300.

ДОБАВОЧНЫЕ МИРОВЫЕ СУДЬИ: К ПРОБЛЕМЕ МОДЕРНИЗАЦИИ МИРОВОЙ ЮСТИЦИИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

*Выполнено в рамках исследования, финансируемого грантом
РГНФ № 09-01-83102а/У*

Организация деятельности участковых мировых судей непосредственно влияла на судопроизводство. Институт почетных мировых судей не оказывал должной помощи пореформенной судебной системе [1, С.109–123]. Несколько судей, работавших в одном уезде, не справлялись с ежегодно возрастающим числом вновь “введенных” судебных дел. Задержки в решении уголовных и гражданских дел усиливались в экстренных ситуациях (болезни и отпуска мировых судей). Надежды на улучшение судопроизводства возлагались на добавочных мировых судей.

Причем современники относились к этому институту с подозрением: “Это новое видоизменение мысли судебных уставов, не знающих помощников судей” и предлагала учреждать добавочных судей только “в виду громадных расстояний” [2, С. 162]. Не оценили этот институт и советские ученые, которые, действуя в рамках марксистско-ленинского подхода, бездоказательно относили добавочных судей к классовым врагам [3, С. 98]. Современные исследователи не обращают на них должного внимания.

С конца 1860-х гг. “в канцелярию министерства юстиции весьма нередко поступают представления председателей уездных земских собраний, в коих они ходатайствуют, из-за не состоявшихся выборов в уездных собраниях участковых мировых судей, о замещении оставшихся вакантных мировых участков чиновниками от правительства” [4, Л. 2 об.]. Однако министерство юстиции не обладало многочисленным и подготовленным контингентом специальных чиновников, готовых ехать в отдаленные губернии Российской империи для замены временно выбывших судей. Министр юстиции К.И. Пален видел выход из создавшегося положения избранием участковых мировых судей “в большем по возможности числе против предполагаемого количества мировых судебных участков” [5, Л. 1–3].

Поэтому земское самоуправление пыталось самостоятельно решить возникавшие проблемы. Так, казанский губернатор сообщал в 1869 г., что при введении института мировых судей “казанское уездное зем-

ское собрание нашло необходимым учреждение должности добавочного мирового судьи”. Псковское губернское земство ходатайствовало “О разрешении избрания запасных мировых судей”, которым назначалось содержание от земства, а также оплачивались проезды и суточные. Даже председатель съезда мировых судей московского уездного судебно-мирового округа в 1871 г. писал “о необходимости иметь запасного судью..., замещение до новых выборов встретит затруднение, по всей вероятности, во всех съездах”. Подобные просьбы звучали из Владимирской, Екатеринославской, Вятской и др. губерний [4, Л. 6 об., 14, 79 об., 89–91]. Самодержавие не торопилось повсеместно распространять институт добавочных мировых судей и первоначально “ввело” его только в “избранных” городах.

В столице добавочные судьи появились уже в конце 1867 г. Санкт-Петербургской городской думе “разрешили, в случае надобности” кроме участковых и почетных мировых судей избирать “еще добавочных мировых судей в нужном, по ее усмотрению, числе”. Сенат пояснил, что новые судьи “назначаются для исполнения обязанностей участковых мировых судей в случае болезни, временных отлучек или выбытия кого-либо из последних, а также для облегчения тех, которые свыше меры обременены участковыми делами” [6, С. 412]. В 1870 г. этот закон “распространился” на Москву и Одессу [7, С. 763].

Постепенно институт добавочных мировых судей начал появляться в отдаленных от центра губерниях: в 1878 г., при введении судебного-мировых учреждений в Оренбургской, Астраханской и Уфимской губерниях появились добавочные мировые судьи [8, С. 114]. Из ревизии оренбургских судебного-мировых учреждений членом Казанской судебной палаты П.М. Глобо-Михайленко в 1884 г. видно, что местные добавочные мировые судьи “исполняли свои обязанности довольно удовлетворительно” и постоянно заменяли мировых судей разных участков [9, Л. 16].

В 1879 г. в правительстве обсуждался проект по улучшению деятельности мирового суда. Одно из главных предложений: “Распространение института добавочных мировых судей на все без исключения судебного-мировые округа” [10, Л. 37–38], но, в связи с изменением правительственного курса, проект в это время не осуществился. В начале 1880-х гг. земцы неоднократно отмечали, что “для нашего уезда добавочные мировые судьи более нужны, чем для многих, где они уже существуют... Опыт доказал, что они нигде не излишни” [11, Л. 63].

Видимо, постоянные ходатайства земских собраний и ревизорские отчеты, в которых находились просьбы о повсеместном введении института добавочных судей, повлияли на министра юстиции, предо-

ставившего в Государственный Совет проект закона о добавочных мировых судьях, утвержденный 7 апреля 1886 г. В результате земства получили право, “в случае надобности сверх участковых и почетных мировых судей, избирать еще, в нужном числе, добавочных судей” [12, С. 147]. Однако закон “ввели” в условиях разработки положения о земских начальниках, с помощью которого в 1889 г. были ликвидированы судебно-мировые учреждения в Российской империи.

Таким образом, в условиях кризиса мировой юстиции в Российской империи (одним из проявлений этого являлась острая критика мировой юстиции из-за длительности судебных разбирательств, застоя в судопроизводстве) введение института добавочных судей могло оказать положительное влияние на качественные и количественные показатели в работе мировых судей. Публикация закона о добавочных судьях намечала выход мировой юстиции из кризисного периода и модернизацию всех судебно-мировых учреждений. Польза этих судей подтверждалась земствами тех городов и губерний Российской империи, где они работали длительное время.

Однако внедрение добавочных мировых судей в большинстве уездов Российской империи происходило в условиях требований правительства от уездных земств жесткой экономии средств на “обязательные” и “необязательные” расходы, чтобы уменьшить земские сборы с казенных и частных плательщиков. Многие гласные отказались от идеи выбора добавочных судей из-за их дополнительного материального обеспечения. Кроме того, закон “О земских начальниках” 1889 г. подорвал веру в дальнейшее развитие мировой юстиции. Многие земцы откровенно заявляли о безуспешности выбора добавочных мировых судей, так как в ближайшее время правительство могло начать ликвидацию участковых мировых судей и их съездов, а, следовательно, и вновь избранных добавочных судей.

Библиографический список

1. Попп И.А. Почетные мировые судьи Пермской губернии в 1870 – 1880-х гг.: к проблемам организации и деятельности // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2010. – № 2.

2. Как мы провели 1878 год // Журнал гражданского и уголовного права. – 1879. – № 1–2.

3. Ефремова Н.Н. Министерство юстиции Российской империи 1802–1917 гг. – М., 1983.

4. РГИА (Российский государственный исторический архив). – Ф. 1405. – Оп. 68. – Д. 8122. – Л. 2 об.

5. РГИА. – Ф. 1405. – Оп. 74. – Д. 6611. – Л. 1–3.

6. ПСЗ-2 (Полное собрание законов Российской империи). – 1867. – Т. 42. – Ч. 2. – № 45278.
7. ПСЗ-2. – 1870. – Т. 45. – Ч. 1. – № 48452.
8. Гибадатов У.И. Подготовка и проведение судебной реформы 1864 года в Башкирии (историко-правовое исследование). – Дисс. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2004.
9. РГИА. – Ф. 1405. – Оп. 534. – Д. 1395. – Л. 16.
10. РГИА. – Ф. 1287. – Оп. 27. – Д. 863. – Л. 37–38.
11. ГАСО (Государственный архив Свердловской области). – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 63.
12. ПСЗ-3. – 1886. – Т. 6. – № 3613.

А.В. Шевченко

Тольяттинский государственный университет

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ “ЕВАНГЕЛИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ” И ЕГО ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С САМАРСКИМИ ГУБЕРНСКИМИ ВЛАСТЯМИ

Лютеранская община г. Самара существует с 1854 г. В процессе становления и развития, община прошла ряд этапов, каждый из которых характеризовался изменением взаимоотношений как общероссийской протестантской церковью и российским государственным аппаратом, так и непосредственно изменением взаимоотношений самарской лютеранской общины с городскими властями и местной духовной консисторией.

Неотъемлемой стороной деятельности лютеранских приходов в России являлась благотворительность, которая реализовывалась через многочисленные общества. В XIX в. у Евангелическо-лютеранской церкви в России появился целый комплекс таких церковных учреждений, которые, согласно роду деятельности, можно классифицировать следующим образом: общества – предоставляющие ночлег; содействующие поиску работы; кассы взаимопомощи; предоставляющие медицинские услуги; занимающиеся духовно-нравственным воспитанием молодежи, школы [1, С.145].

В Самаре с 60-х гг. XIX века при лютеранской общине действовали: касса взаимопомощи, дома медицинских услуг, школы и общества [2, Л. 18]. Общество духовно-нравственного воспитания или же как оно называлось “Евангелическое общество молодых людей”, существовало в Самаре с 1908 по 1915 гг. Первая разработка его устава

осуществлялась в 1900 г., пастором Е-Л общины г. Самара Вольдемаром Фридриховичем бароном Энгельгартским. Цель общества в Уставе обозначалась как “предохранение членов его от опасных для нравственности их влияния и в содействии к религиозно-нравственному и умственному их развитию” [3, Л. 2-3].

Общество не могло функционировать без законодательного оформления местными органами власти. В связи с этим его устав в начале 1908 г. был отправлен на рассмотрение в Канцелярию Самарского губернатора. Устав не был принят, т.к. не соответствовал предписанной структуре, указанной в ст.21 отд. I закона 4 марта 1906 г. [4, С.163]. Замечания к уставу носили чисто формальный характер, но затрудняли получение законного статуса.

Устав был переработан и утвержден губернатором Я.В. Васильевичем в конце 1908 года [5, Л.5]. Параллельно с указом об утверждении вышел приказ канцелярии к Самарскому Полицимейстеру о взыскании с Общества денежных средств за “оказанные услуги”.

Членские взносы Общества составляли от 80 коп. до 1000 руб. в год. Размер взноса напрямую зависел от ежегодного дохода, но каждый член общества лично устанавливал выплачиваемую сумму. В список правления Самарского евангелического общества входили достаточно обеспеченные люди, занимающие высокое положение в Самаре: собственники торговых домов, домов-магазинов, аптек и др. [3, Л.7]. Таким образом, материальные средства на оплату в губернскую канцелярию у общества были.

На протяжении 1911-1913 гг. Самарскому Губернатору с периодичностью в 3 месяца приходили секретные прошения от МВД Департамента Духовных Дел и III отделения с просьбой “предоставить подробные сведения о деятельности Общества, о строгости соблюдения устава, ... , не являются ли они вредными в политическом отношении и не заметно ли среди членов Общества склонности к германизации”. Среди секретных рапортов отправленных Губернатором в МВД значится “строгое соблюдение устава и всего прочего в уездных обществах”, в другом рапорте, по г. Самаре отмечается о невозможности “узнать о склонности к вредоносным взглядам и к германизации” среди членов Общества [3, Л.12-14].

Так же МВД велась серьезная проверка благонадежности членов Совета Общества, запрашивались все биографические и индивидуальные показатели, внешний и психологический портрет, привлечение к судимости и т.д. [3, Л.20-34]. В связи с этим становится, очевидно, что уже в 1913 гг. шла серьезная работа по выявлению политических врагов.

В период войны в 1914-1915 гг. ведется расследование по делу лютеранского пастора [6, Л.19]. В деле доказывается его вина – анти-русская пропаганда на служении. В протоколе значится “неоднократно убеждал германских подданных скорее выехать на родину, чтобы рассказами о недостатках русской армии и о количестве войск на местах принести своему отечеству помощь”. Пастор был признан виновным, но каких-либо серьезных действий в его отношении произведено не было, и лишь спустя год он был выслан из Самарской губернии [7, Л.31-34].

Таким образом, процесс образования и развития отдельных структур Евангелическо-лютеранской общины был сложным, что отчетливо видно на примере Самарского общества молодых людей. Местная чиновничья волокита создавала определенные трудности на этапе законодательного оформления структурных единиц, а государственный органы надзора, следуя правительственному курсу, всячески затрудняли процесс функционирования обществ, создавая многочисленные проверки и надзоры. Уже в период I мировой войны началась прямая антилютеранская компания, подразумевавшая закрытие всех обществ, а так же частичную унификацию церковного образования. Но отсутствие четких инструкций придавало многим из принятых решений значительную степень декларативности. И в результате путаницы принятие многих мер откладывалось, а многое зависело от позиции местной власти.

Библиографический список

1. Лиценбергер О. А. Евангелическо-Лютеранская церковь в Российской Империи (XVI-XX вв.). – М., 2004.
2. Государственный архив Самарской области (ГАСО). – Ф. 383. – Оп. 1. – Д. 9.
3. ГАСО. – Ф. 3. – Оп. 124. – Д. 106.
4. Свод законов Российской Империи. – Т. 11. – Ч. 1.
5. ГАСО. – Ф. 383. – Оп. 1. – Д. 31.
6. ГАСО. – Ф. 383. – Оп. 1. – Д. 1.
7. ГАСО. – Ф. 468. – Оп. 1. – Д. 1944.

**ОБРАЗОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИЙ
ВСЕРОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСКОГО СОЮЗА
В КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ**

В ходе первой русской революции в Российской империи наряду с консолидацией пролетариата вокруг революционных политических партий, происходит объединение сельского населения во Всероссийский крестьянский союз (ВКС). В отечественной историографии образование и деятельность Союза изучена хорошо [2]. Несмотря на это остаются недостаточно изученными местные губернские организации. В настоящей статье на основе разных источников ставится задача рассмотрения процесса образования и деятельности организаций ВКС в Костромской губернии.

Всероссийский крестьянский союз образовался на совещании крестьян Московской губернии 5 мая 1905 г., как орган защиты достаточно широких интересов крестьян. Учредительный съезд Союза прошёл с 31 июля по 1 августа в Москве, на котором, присутствовал и делегат от Костромской губернии. На съезде было принято решение об уничтожении частной земельной собственности, развёртывания борьбы за всеобщее, равное и тайное избирательное право и др. [12, С.36]. В это же время политические партии предпринимают попытки через ВКС включить в орбиту своего влияния крестьян.

В период с 1 августа по 6 ноября в губернии образуются не менее пяти отделений Союза: в Буйском, Ветлужском, Галическом, Кологривском и два в Юрьевецком уезде. В Юрьевецком уезде одна из организаций возникла 23 октября на совещании по инициативе самих крестьян [11, С.35], для отстаивания своих социально – экономических интересов. В отличие от Юрьевецкого уезда, в Кологривском уезде отделение образовалось после манифеста 17 октября при прямом содействии интеллигенции, которая активно распространяла среди крестьян постановления Крестьянского союза [4, №15]. В Буйском уезде ячейка Союза возникла в д. Глебово Контеевской волости [6, №12]. В это время сельские организации занимаются пропагандой своих идей, путём организации собраний, сходов [11, С.36].

С 6 по 10 ноября в Москве проходил второй съезд Крестьянского союза, на котором присутствовало 187 делегатов из 75 уездов 26 губерний: в т. ч. Владимирской, Костромской, Московской, Ярославской и других. Съезд постановил бойкотировать выборы в Государственную думу [3, С.78].

В ноябре в ряде губерний России проходят съезды ВКС. 27–28 ноября в Ветлуге прошёл уездный съезд Крестьянского союза [7, №5]. На съезде присутствовало около 300 уполномоченных от 15 волостей, из 19 имевшихся в уезде. Делегаты передали руководству съезда около 50 приговоров. Крестьяне 13 волостей вступало в Союз для решения в основном экономических проблем, а представители Николо-Шангской и Гагаринской волости, а также группа крестьян Рождественской волости — для достижения программных целей “великой крестьянской партии” [7, №5]. Таким образом, вопреки постановлению второго Всероссийского съезда Крестьянского союза о бойкоте Государственной думы на съезде получила поддержку идея участия в выборах и проведения в Государственную думу представителей от крестьян.

Поддержали участие выборов в Государственную думу и крестьяне с. Яковлевское Шунгенской волости [8, №1], с. Самети и д. Соколова, Давыдова и Семенова Шунгенской волости Костромского уезда [9, №122]. В середине декабря образуется отделение Крестьянского союза в губернском центре [10, №125].

Во второй половине ноября 1905 г. по всей стране начались массовые аресты членов и агитаторов Союза [1, С.134]. В Костромской губернии первые аресты прошли 18 января 1906 г. [6, №12]. Однако, несмотря на происходящие в губернии аресты, в апреле 1906 г. в губернском центре продолжала действовать организация ВКС [5, №17].

Таким образом, в Костромской губернии ячейки Крестьянского союза начинают возникать с конца мая 1905 г. Первоначально организации формируются в уездах, и лишь потом в самом губернском центре. Организаторами являлись как сами крестьяне, так и интеллигенция. Однако организации ВКС действовали разрозненно, признано центра не существовало. Крестьянские организации Костромской губернии, вошедшие в состав ВКС, мотивом своего образования имели социально — экономические интересы и прежде всего решение вопроса о земле.

Библиографический список

1. Исхакова О. Всероссийский крестьянский союз // Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. — М., 1996.

2. Кирюхина Е.И. Всероссийский крестьянский союз. Дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1949. 3. Кирюхина Е.И. Всероссийский крестьянский союз в 1905 г. // Исторические записки. — М., 1955.

4. Костромская газета. — 8 июня 1906.

5. Костромская речь. — 9 апреля 1906.

6. Костромской голос. – 4 февраля 1906.
7. Костромской листок. – 6 января 1906.
8. Костромской листок. – 1 января 1906.
9. Костромской листок. – 4 декабря 1905.
10. Костромской листок. – 14 декабря 1905.
11. Протокол делегатского совещания ВКС., 6 – 10 ноября 1905 г. – М., 1906.
12. Учредительный съезд Всероссийского крестьянского союза. Протокол. – М., 1905.

Н.В. Гильмутдинов
Казанский (Приволжский)
федеральный университет

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АДВОКАТУРЫ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

История становления казанской адвокатуры неразрывно связана с институтом присяжных поверенных в Российской империи, созданным Судебной реформой 1864 г. Казанские адвокаты были известны не только своими успехами в правозащите, но и энергичным участием в общественно-политической жизни страны.

История региональной адвокатуры, к которой относится и казанская, мало изученная тема. Историки и ученые-юристы создали немало трудов, посвященных возникновению и эволюции адвокатуры в дореволюционной России. Однако работы, освещающие общественно-политическую деятельность представителей провинциальной региональной (в том числе и казанской) адвокатуры, к сожалению, по-прежнему остаются в числе маргинальных [1; 6]. Ученые изучавшие общественно-политическую деятельность адвокатов. Основное внимание уделяли представителям столичной адвокатуры, оставляя вне поля своего зрения провинциальную адвокатуру. До настоящего времени появились лишь эпизодические публикации, посвященные отдельным сюжетам в ее истории. По этой причине данное сообщение базируется преимущественно на архивных материалах, отложившихся в Национальном архиве Республики Татарстан [2].

Формы участия присяжной адвокатуры, как устойчивой социальной группы и профессиональной корпорации в общественной жизни Казанской губернии и страны в целом, была различной. Так в 1898 г.

при их участии было открыто первое Благотворительное общество бедным мусульманам, которое имело цель предоставление средств для улучшения материального и нравственного состояния бедных мусульман. Это благотворительное общество возглавлял первый из числа Казанских мусульман, присяжный поверенный С.Алкин. В начале XX столетия в деятельности общества принимали активное участие видные общественные деятели, одновременно служившие в адвокатуре – Ш.Иманаев, Ф.Туктаров, С.Максудов. Общество занималось вопросами оказания помощи погорельцам, выдавало нуждающимся пособия, открывало бесплатные мусульманские столовые, оказывала помощь нуждающимся студентам. Так в декабре 1915 г. помощник присяжного поверенного С.Н.Максудов устроил благотворительный вечер в пользу нуждающихся студентов-мусульман Казанского университета, что стало неоценимой помощью, людям, попавшим в трудное положение.

Многие из присяжных поверенных являлись депутатами казанской городской Думы. Отдельные члены адвокатской корпорации достигли значительных успехов и на политическом поприще. Возникновение партийности в среде казанских адвокатов предшествовали трагические события октября 1905 г. в Казани, которые стали катализатором создания в губернии политических партий. Среди жертв кровавой расправы 17 октября в которой было убито и ранено 40 человек оказался и знаменитый казанский адвокат, С.Михайлов-Двинский который был зверски растерзан толпой разъяренных митингующих. “Многие мирные обыватели, в том числе и правозащитники, которые до этого чуждались революционеров, на другой день сами стали “революционерами”. В их числе было немало либерально настроенных присяжных поверенных” [3, С.39].

Нужно сказать, что большинство казанских адвокатов были близки к партии кадетов, поскольку присяжные поверенные, полагали, что реформировать существующий политический строй возможно только в рамках легальной деятельности. Они признавали только легитимные способы остановки революции. Поначалу им приходилось работать в сложной обстановке, под постоянным давлением со стороны местных властей. Более того на первых порах адвокаты-кадеты были вынуждены скрывать свою политическую ориентацию даже от коллег по цеху. Тем не менее, симпатии большинства адвокатов была на стороне либеральных партий, из которых предпочтение отдавалось кадетам. Эти тенденции были характерны как для столичной, так и для провинциальной адвокатуры.

Среди присяжных поверенных Казанской губернии наибольшую политическую активность проявили М.С. Венецианов, А.Г. Батъ,

Г.Г.Тельберг, А.А. Симолин, А.В. Васильев, С.Алкин, И.И. Бабушки и др. Названные члены казанской адвокатуры активно работали с народными массами на митингах, лекциях. Они организовывали лекции по острым проблемам современного законодательства, объясняли простым обывателям смысл тех или иных законодательных актов и постановлений правительства. Адвокаты принимали энергичное участие и в издательской деятельности. С.Алкин являлся издателем газеты “Казан мухбире” (Казанский вестник). Г.Г. Тельберг и М.Л. Мандельштам были постоянными авторами газеты “Вечернее эхо”. В 1906 году начал издаваться еще одна либерального направления газета “Юлдуз”, выходившая под редакцией братьев Максудовых, один из которых – С. Максудов служил в адвокатуре. Казанское бюро первой мусульманской партии “Иттифак аль-муслимин” возглавляли так же два представителя местной адвокатуры С.Алкин и С.Максудов [4, С. 95].

В начале XX века в Казани действовало Юридическое общество, председателем которого являлся член Совета присяжных поверенных И.И. Бабушкин, а активными деятелями были его коллеги А.В. Завадский, Н.И. Миролюбов, Г.Г. Тельберг. Данное общество устраивало лекции не только по юридическим проблемам, но и по злободневным вопросам: избирательная система, отмена смертной казни и т.д. Собрания были открыты для всех желающих. Кроме того, Общество занималось благотворительностью.

В отчете Совета казанских адвокатов содержатся строки, подтверждавшие особую политическую активность в среде казанских поверенных: “Совет, как официальный представитель сословия, естественно откликается на факты политической жизни страны. Совет считает необходимым с гордостью отметить, что в составе первого собрания народных представителей России избраны пять присяжных поверенных нашего округа (из них 3 члена Совета): С.Г.Ш. Алкин, А.А. Ахтямов, Г.В. Гутоп, К.В. Лаврский и Н.В. Павлов. Председательствующий совета присяжный поверенный Ю.Смельницкий” [5, С. 4].

Имена многих казанских адвокатов были известны широкой общественности России. События первой четверти XX века заставляли поверенных принимать активное в них участие. Революционные события позволили присяжным поверенным выйти за пределы только уголовных или гражданских дел, которыми им приходилось заниматься, и выступать с политическими требованиями. Из узких рамок защиты на судебном поприще, адвокатура вышла на политическую арену и заявила о своей готовности бороться за власть в рамках существующего строя с целью его реформирования.

Библиографический список

1. Арсеньев К.К. Заметки о русской адвокатуре. — СПб., 1875; Васильковский Е.В. Организация адвокатуры. — СПб., 1893. Т. 1—2.
2. НАРТ. — Ф.51. — Оп.1. — Д.45. О присяжных поверенных и их помощниках (1876 — 1880); Д.99. Об открытии при Палате Совета присяжных поверенных; Д. 240; Там же. — Ф.52. — Оп.1. — Д.1461. Правила условия и порядок принятия в помощники присяжных поверенных.
3. Айнутдинова Л.М. Либеральное движение в Казанской губернии (1900—1917 гг.). — Казань, 2003.
4. Усманова Д.М. Депутаты от Казанской губернии в Государственной думе России. 1906—1917. — Казань: Татарское книжное издательство, 2006.
5. Отчет совета присяжных поверенных при Казанской судебной палате. Первый год. — Казань, 1906.
6. Троицкий Н.А. Адвокатура в России и политические процессы. 1866—1904 гг. — Тула, 2000.

Н.В. Гурская

*Поволжский государственный
университет сервиса*

ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ЛОКАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ УРАЛЬСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Аналитический обзор истории показывает, что локальные и региональные сообщества были всегда. Таким социальным образованиям свойственно зарождаться, развиваться, видоизменяться, а также исчезать. Первоначально Уральское войско представляло собой самостоятельное социальное образование. Оно имело своё место проживания — р. Яик (с 1775 г. Урал), пространство обитания — земли казаков располагались на обширной территории между Волгой и Иртышом, включая Каспийское море. В рамках данного территориального пространства казаки чувствовали себя вольными и сильными. А.Б. Карпов, первый из исследователей Уральского войска подметил, что войско в начале XVII века оказалось в состоянии изоляции от Москвы, потому что было окружено со всех сторон тюрко-язычными народами [1, С.185]. Отдаленное и изолированное положение казачества определило особенности складывания всех остальных форм проявления локальной идентичности.

Первостепенной формой проявления локальной идентичности у уральского казачества, как самостоятельного образования, являлась система управления. У яицких казаков было много выборных атаманов. Также избирался общий над всеми войсковой атаман. Выборными же были и прочие должности – от есаула до десятника. Дела обыкновенные, обыденные, спорные разбирались и решались атаманом и другими начальниками по обычаям, имевшим силу закона. Дела же важные, касавшиеся интересов целого общества, или дела уголовные по таким преступлениям, которые непосредственно влекли за собой смертную казнь или тяжкое телесное наказание, обсуждались в Войсковом кругу и решались по большинству голосов. “Но коль скоро кто из выборных начальников, хотя бы и сам войсковой атаман, не оправдывал доверия народа, того народ без церемонии низлагал...” [2, С.266, 268]. Традиционная организация войска воспринималась как гарант всеобщего равенства и свободы.

Со временем, как у самих казаков, так и у представителей других социальных образований, вырабатывалось представление, об образе уральского казака, как о социальном типе. Фольклор помогает посмотреть на уральского казака его глазами. “На Яик... Народ... шёл ловкий, смелый, храбрый, гордый... первый сорт” [3, С.64]. Однако не все с казаками разделяли такое мнение о них же самих. Для Левшина уральские казаки, прежде всего, лютые разбойники [4, С.10]. Дворянское мировоззрение выразил сын сенатора А.И.Бибикова, их образ жизни это – “закоренелое суеверие и грубое невежество...” [5, С.243]. Однако большинство исследователей, такие как Бородин, А.Б. Карпов, Рябинин и другие, склонны к созданию положительного образа уральского казака. Они указывали не только на внутренний мир и характер казачества, но и на внешние факторы, которые стали причиной того или иного поведения. Позже, на период, достаточно зрелого развития войска, В.И. Даль, А.С. Пушкин, М.Л. Михайлов отмечали следующие черты социальной идентичности: радушие, гостеприимство, доброту, отсутствие раболепства. “...Удивило Пушкина то, что увидев барина, никто подобострастно не снял папахи, униженно не склонился в поклоне” [6, С.54]. В результате социализации в среде казачества появились более цивилизационные нормы поведения, сложилось собственное мировоззрение. Казачество всё более осознанно соотносило себя со своей группой, языком, культурой и историей. Имманентные изменения локального сообщества приводили к новым историческим этапам развития.

Одной из форм проявления локальной идентичности следует считать экономику, а именно, основные направления хозяйственной деятельности уральского казачества. Казаки использовали ресурсы дан-

ной местности: ловили рыбу, охотились, занимались скотоводством. Земля уральского казачества в целом была не очень пригодная для земледелия. Поэтому долгое время главным промыслом уральских казаков считалась рыбная ловля. Тем ни менее с середины XIX века, когда Урал утратил прежнюю плодородность, земледелие и бахчеводство получили своё развитие.

Культурная идентичность уральского казачества включает в себя ряд компонентов, характеризующих культурные особенности данного локального сообщества. Основой всей культуры Уральского войска являлась патриархальность. Патриархальный уклад не позволил рассеиванию своеобразных правил и традиций в среде уральских казаков привнесённых извне, наоборот способствовал формированию самобытной культуры. Ярким тому примером служит своеобразие языка, феномен массового старообрядчества, бытовая культура, фольклор.

На сегодняшний день войско не имеет региональной формы идентичности (земля потеряна), община расколота. Уральское казачество существует, прежде всего, за счёт духовного единства, основой которого является культурное наследие, история и прежние заслуги перед Отечеством.

Процессы глобализации и интеграции стирают слабые границы локальных культур. Чтобы сохранить культурную идентичность локальных сообществ необходимо найти им теоретическое и практическое применение. Последнее Многое зависит от факторов данного локального сообщества.

Библиографический список

1. Карпов А.Б. Уральцы. Яицкое войско от образования войска до переписи полковника Захарова (1550-1725 гг.). В 2-х книгах. — Кн. 1. — Репринтное издание книги 1911 г. — Уральск, 2009.
2. Железнов И.И. Уральцы. Очерки быта Уральских казаков. Полное собрание сочинений. — Т.1. Репринтное издание. — Уральск, 2006.
3. Железнов И.И. Уральцы. Очерки быта Уральских казаков. Полное собрание сочинений. — Т. 3. Репринтное издание. — Уральск, 2006.
4. Левшин А.И. Исторический и статистический обзор Уральского казачьего войска. — СПб., 1823.
5. Записки о жизни и службе А.И. Бибикова. — СПб.: “Морская типография”, 1817.
6. Чесноков Н.Г. “Приняли меня славно”: Уральская поездка А.С.Пушкина. — Уральск: Издательство ТОО “Оптима”, 2003.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИСТОКИ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ СЛУЖАЩИХ ВЛАДИКАВКАЗСКОГО ПОЧТОВО-ТЕЛЕГРАФНОГО ОКРУГА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Период Первой российской революции в отечественной историографии занимает особое место. На Северо-Западном Кавказе революционные очаги протестного движения разрастались благодаря активности почтово-телеграфных служащих. При рассмотрении указанных процессов основное внимание учёные уделили забастовочному движению и требованиям работников данной отрасли. Вопросы их социального обеспечения в годы, предшествовавшие революции, оставались неисследованными. Между тем, изучение общей картины социального развития почтово-телеграфной службы региона позволит получить представления о причинах революционной активности служащих.

Порядок поступления на службу предполагал специализированный отбор посредством собеседования и сдачи экзаменов. При заключении договора о найме и вступлении в чин работник давал расписку о сохранении в тайне телеграфных сообщений [1, Л. 47, 80, 81]. На содержание низших служащих выделялось по 13 руб. в месяц (в среднем около 50 коп. за рабочий день) [2, Л. 25, 25 об.]. Во время холодов почтальонам выдавалась тёплая одежда: бурка, тулуп, валенки, обшитые на подошвах кожей, папах и башлык [3, Л. 7, 7 об, 8, 8 об, 9, 9 об, 10]. Кадровая структура станций чаще всего была представлена должностями начальника, его помощника, механика, для посменной работы 19-22 служащими (чиновники III-VI разряда), 7-9 надсмотрщиками, больше десятка почтальонов. Все они должны были следовать особым распоряжениям, требовавшим от кандидатов политической благонадёжности. Например, не принимать к передаче корреспонденцию, имеющую политический характер на имя “особ царствующих домов” без ведома и разрешения “главных начальников” – генерал-губернаторов, градоначальников и т. п. (циркуляр от 20 июня 1878 г. IV отделение МВД директор телеграфной службы Людерс) [4, Л. 12]. В 1886-87 гг., накануне русско-турецкой войны, была произведена проверка нравственного состояния низших чинов. По её итогам 7 февраля 1887 г. начальник Владикавказского почтово-телеграфного округа (далее ВПТО) Шаверновский вынес предписание начальникам станций об усилении среди подчинённых контроля

за трезвостью и “честностью” взаимоотношений [5, Л. 7, 7 об]. В рамках того же вопроса начальник округа предложил заранее привлечь “нравственных” молодых людей (не девушек) к изучению телеграфной службы и зачислять их в кандидаты на соответствующие должности. Для стимулирования хорошо успевающих учеников назначалось содержание — 8 рублей в месяц. Соответствующее распоряжение было направлено 2 февраля 1887 г. всем заведующим и начальникам на местах [5, Л. 10, 10 об].

Приказом начальника ВПТО от 14 апреля 1887 г. запрещалось (без особого на то разрешения) принимать на работу в одну и ту же контору родственниц служащих [5, Л. 18, 18 об]. Причиной тому послужили частые жалобы на неравноправную нагрузку среди почтмейстеров и телеграфистов. Устраивая в свои конторы родственников, чаще жен и дочерей, местные начальники перекладывали их нагрузку на рядовых работников. Возможно, на выход данного распоряжения повлияло и предубеждение членов самого руководства в отношении производительности женского труда.

С 1 апреля 1887 г. просьбы о переводе, увольнении и отпуске должны были сопровождаться комментариями начальников об их целесообразности [5, л. 19]. В условиях русско-турецкой войны 1877-1878 гг. усилилась и ответственность рабочих прифронтового Владикавказского округа. Так, летом 1887 г. за несоблюдение правил осмотра состояния линии Хостинской почтово-телеграфной конторы и вызванным в связи с этим её простоем в 32 час. 25 мин., обходчика арестовали на трое суток. Надсмотрщик, не перепроверивший результат первого, смещён на низший оклад [5, Л. 28, 28 об]. При восстановлении телеграфной связи потребовалась подводка новой и демонтаж старой линии. Затраты на оплату труда рабочим (плотники и разнорабочие) составили по одному рублю в день на каждого [5, Л. 4 об, 5]. Указанная подённая плата для региона являлась средней, минимальная составляла 40 коп., максимальная — 2.40 руб.

О характере условий труда служащих мы можем судить по тем замечаниям, которые были сделаны начальником ВПТО в 1916 г., уже после событий Первой российской революции. К этому времени интерес к протестной активности почтово-телеграфных служащих возрос, а разбирательство приняло более объективный характер. Выяснилось, что главной проблемой, как и в железнодорожных службах, являлась продолжительность дежурств. Несмотря на ранее утвержденные нормы (8 часов — дневные и 10-11 часов — ночные смены), утомляемость рабочих и служащих оставалась очень высокой. Дело в том, что с конца XIX века с молчаливого дозволения начальников учреждений многие служащие за небольшое вознаграждение передавали свои

смены более бедным напарникам, а сами в то же время занимались более выгодными приработками. Причем подобные факты имели место не только в отношении разовых замещений, а приняли традиционный характер внутреннего найма на целые месяцы. Сами дневные смены на деле составляли 12-13 часов, а ночные могли длиться 14-15 часов [6, Л. 34, 34 об].

Таким образом, заступая во вторую или третью смену, работник фактически дежурил несколько суток подряд. В таких обстоятельствах страдало не только качество работы, но и состояние физического, психического здоровья рабочих и служащих ВПТО. Проблема приемлемых условий труда почтово-телеграфных служащих сохранялась на протяжении длительного времени, что и обусловило их готовность быть в 1905 году в числе первых протестующих на юге империи.

В конце октября 1905 г. в Москве возникла организация под названием “Всероссийский почтово-телеграфный союз”, ставившая своей целью коренное улучшение материального и служебно-правового положения работников указанного ведомства. Служащие ВПТО, так же как и служащие всей страны, кроме экономических, выдвинули и политические требования.

Для управления делами Союза в регионах были избраны комитеты, в частности Кубанский областной комитет Всероссийского почтово-телеграфного союза. Забастовка в Екатеринодарской конторе (областной центр) началась 15 ноября, после получения телеграммы из Центрального бюро. Благодаря использованию труда сторонних чиновников работа конторы возобновилась 5 декабря, но собственные служащие продолжали упорно бастовать до 23 декабря. Не меньшую стойкость проявили работники других контор округа. С 15 ноября по 26 декабря 1905 г. бастовали служащие армавирской почтово-телеграфной конторы, примкнувшие к всероссийской стачке своих коллег. Начальник Владикавказского почтово-телеграфного округа сообщал: “проходящие же через Армавир провода правительственного телеграфа умышленно обрывались или соединялись с землей тонкой медной проволокой, благодаря чему все принимавшиеся мною меры к поддержанию телеграфного действия Тифлис-Владикавказ-Ростов были безуспешны.... Через Армавир проходят главные провода, соединяющие Кавказ, Закавказье и Персию с Россией. Значение этих проводов громадно, и чины Армавирской конторы, сознавая это, старались порчею проводов и прекращением действия наносить возможно больший вред государству” [6, С. 132].

Упорный характер носила забастовка телеграфных служащих в стце Тихорецкой, которых дружно поддержали железнодорожники. Ее

итогом стало вооруженное восстание против местных властей. Порядок был восстановлен 22 декабря.

Новоросийцы (Черноморская губерния) также примкнули к Всероссийской забастовке 15-го ноября. Своеобразие забастовки новоросийских связистов заключалось в том, что она проходила в период высшего подъёма революционного движения в городе, отмеченного двухнедельным существованием “Новоросийской республики” (с 11 по 25 декабря). Бездействие телеграфа в такой обстановке способствовало развитию революционного процесса в этом окраинном пункте Российской империи. Забастовка почтово-телеграфных служащих здесь продолжалась до 27 декабря, когда Новоросийск был объявлен на военном положении [7, С. 173].

Несмотря на то, что в Москве забастовка работников связи считалась законченной 15 декабря, на Северо-Западном Кавказе (Кубанская область и Черноморская губерния) она продлилась до 20-х чисел того же месяца. В ряде населённых пунктов, объединяя работников иных отраслей, она переросла в вооружённое противостояние властям. Представляется, что высокая протестная активность служащих ВПТО была связана с уровнем их социального обеспечения в предшествовавшие революционным событиям годы.

Библиографический список

1. Архивный отдел администрации города Сочи (АОАГС). — Ф. 8. — Оп. 1. — Д. 75.
2. АОАГС. — Ф. 8. — Оп. 1. — Д. 5.
3. АОАГС. — Ф. 8. — Оп. 1. — Д. 45.
4. АОАГС. — Ф. 8. — Оп. 1. — Д. 1.
5. АОАГС. — Ф. 8. — Оп. 1. — Д. 7.
6. Революционное движение на Кубани в 1905-1907 гг. Сборник документов и материалов. — Краснодар, 1956.
7. Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года. [Сост. и науч. ред. Б. А. Трехбратов]. — Краснодар, 1997.

САМАРСКИЕ ВРАЧИ В ГОДЫ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Медицинский персонал всегда оказывал неоценимую помощь населению того или иного региона в борьбе с болезнями, спасая людей от гибели. Однако повседневная жизнь медработников — одна из недостаточно изученных проблем. В данной статье рассмотрены основные аспекты жизни и деятельности врачей Самарской губернии в период нэпа, один из трудных периодов в истории губернии.

В Самарской губернии в 20-е гг. минувшего века жили и работали детские врачи, специалисты по глазным, кожно-венерическим, нервным болезням, туберкулезу, болезням уха, горла, носа, врачи-хирурги [1, С.33-43]. Но, несмотря на такой достаточно представительный состав, количество квалифицированного медицинского персонала отставало от потребностей региона. Так, если в 1913 г. в губернии насчитывалось 274 врача всех специальностей, то в начале 1921 г. их число уменьшилось до 168 [2, С.95].

В амбулаториях и больницах было мало врачей, ведущих прием, что вызывало их чрезмерную загрузку. Больным в свою очередь приходилось подолгу ждать приема [3, С.3].

Материальное положение самарского медицинского персонала было неудовлетворительным, не соответствовало элементарным требованиям. На совещании Поволжских губернских отделов здравоохранения, которое состоялось 11-12 июня 1923 г. в Самаре, обсуждался вопрос об улучшении материального положения медперсонала и врачей. Заведующий Самарским отделом губздрава Захарин отметил, что зарплата медперсонала находится в пределах госминимума. Но совещание не поддержало данную позицию и постановило добиваться повышения зарплаты для медработников [4, С.2].

В связи с низкой оплатой труда сельского медицинского персонала наблюдалась большая текучесть кадров из сельских участков. В целях привлечения медработников в села, уездные отделы здравоохранения предоставляли им квартиры с освещением, отоплением, выпиской губернской и столичной газеты, необходимой медицинской литературы, пособий для участковых врачей. Врачам после 3-5 лет службы в уезде предоставлялись научные командировки в губернские больницы, клиники, научные институты Народного комиссариата здравоохранения.

Кадры врачей высшей квалификации в рассматриваемый период готовили на медицинском факультете Самарского государственного университета [5, с. 92]. Средних медицинских работников выпускали Самарский медицинский техникум, фельдшерские курсы и акушерский техникум [6, С.17].

В некоторых уездах губернии были открыты специальные трехмесячные курсы для подготовки сестер, чья деятельность предназначалась для ликвидации медицинской безграмотности среди населения в период эпидемий. Организовывались также курсы для врачей, которые специализировались на лечении венерических заболеваний и малярии [7, Л.40, 41-44].

Врачи объединялись в разнообразные медицинские общества и кружки. Одно из обществ в 1922-1925 гг. занималось изучением наиболее эффективных мер борьбы против малярии и туберкулеза [5, С.92]. При бюро врачебной секции губернского отдела профсоюза возникли научный кружок врачей, фармацевтический кружок, научное общество врачей при медицинском факультете самарского университета, общество терапевтов при госпитальной терапевтической клинике медицинского факультета университета. В 1927 г. все разрозненные медицинские организации объединились в научную ассоциацию врачей (НАВ) Самарской губернии [8]. В 1928 г. из Самарского научного общества врачей выделилось общество фтизиатров, которое проделало большую работу, направленную на внедрение новых форм лечения туберкулеза. Большую исследовательскую работу с целью профилактики и лечения туберкулеза костей и суставов провела В.С. Зубкова [9].

В годы новой экономической политики регулярно проводились Всесоюзные, губернские, уездные, поволжские съезды врачей, на которых городские и сельские врачи читали доклады, обсуждали актуальные проблемы, предлагали новые методы лечения болезней, делились опытом. Например, в июне 1923 г. состоялся I Поволжский съезд врачей в г. Казани, на котором Самару представляла В. В. Гориневская [10, С.3]. На VIII губернском Съезде уездных здравотделов и участковых врачей Самарской губернии (1925 г.) было отмечено о необходимости обращения внимания на работу в деревне. В июне 1929 г. прошел III Всесоюзный съезд по борьбе с венерическими болезнями.

Таким образом, несмотря на тяжелое материальное положение и нелегкие условия труда, самарские врачи в 1920-х гг. продолжали заботиться о здоровье населения, проводили планомерную работу в борьбе с болезнями. Они обменивались опытом на съездах, объединялись в научные общества и кружки, что свидетельствует об их систематической работе в борьбе с болезнями и о соответствующем уровне профессионализма медицинских работников того времени.

Библиографический список

1. Врачебный указатель на 1925 и 1926 г. для пациентов. – Самара, 1925.
2. Кузьмин В.Ю. здравоохранение Самарской губернии в первые годы Советской власти (1918-1922 гг.). – Самара, 2001.
3. Лечебное дело в Самаре // Коммуна. – 1926. – 1 июня.
4. Областное районное совещание поволжских Губздравов // Коммуна. – 1923. – 16 июня.
5. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XX век (1918-1998гг.). – М., 2000.
6. Стегунин С.И. здравоохранение Куйбышевской области за годы Советской власти. – Куйбышев, 1959.
7. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГА-СО). – Ф.Р-81. – Оп.1. – Д.46.
8. Кавецкий Н., Черняхович В. Способствовать научному совершенствованию. К 90-летию со дня основания первого научного медицинского общества в Самаре // Волжская коммуна. – 1972. – 17 октября.
9. Просвирнов К. Победить болезнь. Куйбышевскому областному обществу врачей-фтизиатров – 50 лет // Волжская коммуна. – 1978. – 29 ноября.
10. Труды I Поволжского Съезда врачей в г. Казани. – Казань, 1923.

К.В. Берегела

Московский государственный университет

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВА БОРЬБЫ С АЛКОГОЛИЗМОМ НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ СВОЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ (1928-1929)

Общество борьбы с алкоголизмом было создано 16 февраля 1928 г. на специальном организационном собрании в Колонном зале Дома союзов в Москве [1, С. 20-32]. По уставу организация была добровольным обществом, не преследующим целей извлечения выгоды и предусматривала участие партийных, советских, профсоюзных и прочих организаций в своей деятельности. В состав общества вошли видные медицинские работники (нарком здравоохранения Н.А. Семашко и другие), партийные деятели (Н.И. Подвойский, Е.М. Ярославский, Д.Б. Рязанов и другие), представители комсомола, Агитропа ЦК

ВКП (б), ЦКК ВКП (б) и других партийных структур, писатели Д. Бедный и Вс. Иванов и многие другие. Формально вышестоящей организации, которой бы подчинялось ОБСА, предусмотрено не было, но реально она подчинялась директивам соответствующих партийных структур.

Общество претенциозно заявило о себе: программный материал первого номера журнала Общества “Трезвость и культура” начинался цитатой из Ленина о дурманах, которые поведут страну не вперед, к коммунизму, а назад, к капитализму; фактически был брошен вызов всем, кто мешал процессу отрезвления советских граждан, будь то отдельные группы граждан или партийные структуры.

За первые четыре месяца работы Общества в Москве оно достигло следующих результатов: по шести московским районам насчитывалось около 250 ячеек с более чем 6 тыс. членов. Проведено было более 2 тыс. массовых собраний и докладов по вопросам алкоголизма со 150 тыс. слушателей. Общество с первых своих шагов продемонстрировало “кампанейский” подход: деятельность активистов была сосредоточена на нескольких кампаниях, от создания новых ячеек и вербовки членов в них до поддержки ходатайства о запрете торговли в ПКиО спиртными напитками и проекта антиалкогольного закона. На собрании актива ОБСА 15 января 1929 г. в клубе совторгслужащих председатель Общества Ю. Ларин в своем докладе привел цифры о численности организации на 1 января 1929 г.: в Москве существовало 239 ячеек Общества, из них 169 на фабричных предприятиях, 7800 членов (5460 рабочих), 1745 членов партии и 930 комсомольцев.

В июле 1928 г. в повестку дня становится применение местного запрета к пивным и лавкам торговли спиртными напитками. Цели Общества постоянно уточнялись и корректировались в связи с конкретной обстановкой и очередными кампаниями других организаций. Трудно представить себе, чтобы работа по отрезвлению населения, рутинная, требовавшая немалых повседневных затрат, была под силу большинству ячеек Общества, действовавших на добровольно-общественной основе и составлявших в среднем порядка десятка человек. По районам Москвы, как и по районам Московской области, работа, как и в других местах, шла неравномерно и зависела от людей, стоявших во главе ячеек, от позиции фабзавкомов, райсоветов.

Волна общественной активности, поднятая ОБСА в краткие сроки, вылилась в принятие 29 января 1929 г. СНК РСФСР главного антиалкогольного закона десятилетия — постановления “О мерах ограничения торговли спиртными напитками” (Собрание узаконений РСФСР, 1929, № 20, ст. 224). Отныне горсоветы и советы рабочих

поселков могли закрывать всякое место продажи алкогольных изделий (или запрещать в нем продажу этих напитков), равно как и запрещать открытие новых; запрещалась торговля алкоголем во все праздничные и предпраздничные дни, а также в дни отдыха и накануне этих дней, в дни выдачи заработной платы рабочим. Не допускалась продажа алкоголя несовершеннолетним, продажа в местах скопления большого количества людей.

На практике выполнение этого закона было малореальным – местные советы по большей части не пользовались правом местного запрета, более того, в большинстве промышленных центров продажа алкоголя велась и в выходные, и в праздники, таким образом приводя к нарушению закона. Одновременно применение этого постановления вызвало рост шинкарства в крупных промышленных центрах.

На первом этапе функционирования Общества активисты ОБСА восприняли готовность властей к сотрудничеству как сигнал к началу всеобщего наступления на алкоголизм и врагов трезвости. Правительство же этим шагом, скорее всего, давало понять гражданам, что партия идет путем выполнения ленинских заветов к строительству нового быта и социализма, а также не исключено, что правительство дало добро на начало антиалкогольной кампании с целью несколько отгнать постоянное неуклонное нарастание производства алкогольных напитков и избежать невыгодных для себя сравнений. Частичная реализация требований руководителя Общества Ю. Ларина и его сторонников в области сокращения производства водки и иных алкогольных напитков, сокращения части мест реализации казенки и сокращения времени работы этих заведений, привели к росту шинкарства и потребления самогона в городах. Организации ОБСА чересчур увлеклись погоней за закрытием питейных заведений и мест торговли спиртными напитками, не подготовив пропагандой нужной почвы для введения местного запрета. Лихорадочная полуторогодовая деятельность Общества вскоре была сведена на нет дальнейшим увеличением производства водки и размыванием структуры ОБСА в рамках общества “За здоровый быт”.

Библиографический список

1. Коржихина Т.П. Борьба с алкоголизмом в 1920 – начале 1930-х гг. // Вопросы истории. – 1985. – № 9.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В 1930-е ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ СТАЛИНГРАДА)

В условиях роста мировой конкуренции во всех сферах жизни общества преимущества могут иметь только те страны, которые отдают должное значение высшему образованию. Вопросы реформирования системы высшего образования все чаще становятся сегодня предметом научных дискуссий. Актуализируются исторические аспекты ее формирования, так как многие современные проблемы носят комплексный характер и связаны с годами становления и развития советской высшей школы в 1930-е годы. На настоящий момент данная тема достаточно широко представлена в отечественной историографии: изучена история развития высшего образования в национальных республиках России, достаточно широкое внимание уделено развитию вузов в целом по стране и в отдельно взятых крупных регионах. Тем не менее, вопрос о формировании высшего профессионального образования в Нижневолжском крае в научных исследованиях представлен лишь эпизодически. Наиболее поверхностное освещение в краеведческой литературе данного процесса имеет система вузов г. Сталинграда, который в годы первых пятилеток становился ведущим индустриальным центром Нижневолжского края. Именно здесь создавалась самая крупная сеть промышленных предприятий в регионе, на строительство которых прибывало большое количество рабочих со всей страны. В этих условиях остро требовалось создание системы высшего профессионального образования, направленной на подготовку высококвалифицированных специалистов для работы на предприятиях развивающегося региона. В 1930 году здесь открываются Тракторостроительный и Строительный институты, а далее в связи с быстрым притоком населения в город – Индустриально-педагогический в 1931, в 1935 – Медицинский институт.

Вузы, которые открывались, прежде всего, для подготовки квалифицированных кадров на нужды индустриализации и культурной революции, постепенно притягивали внимание научного сообщества страны. В Сталинград на работу в институты при прямом содействии правительства направлялись лучшие преподаватели и специалисты: техники, инженеры, медики, градостроители, педагоги. Однако, при быстрых темпах развития вузов их все же не хватало. Для вербовки преподавательских кадров директора институтов специально выезжали в Москву, где договаривались о приглашении научных кадров на

работу в Сталинград. В начале 1930-х годов в тракторостроительный институт были приглашены профессора П.М. Грибов, Н.В. Архангельский, кандидат технических наук Б.Н. Середенко, в строительный – инженер – архитектор М.А. Серезенькин, в педагогический – профессора И.П. Гильяровский, Ю.А. Иванов, в медицинский вуз приглашались на работу профессора Казанского и Московского университетов. В ходе исследования процесса организации рассматриваемых институтов нами было установлено, что более пристальное внимание по обеспечению профессорско-преподавательскими кадрами, финансированию и прочим вопросам правительство уделяло Тракторостроительному вузу, так как подготовка кадров для промышленного производства имела первостепенное значение. Под контролем государства в институте довольно быстро открывались новые отделения, специальности и формы обучения, увеличивалось число поступающих в вуз. Именно перераспределение кадров, цифр набора приема студентов в пользу технического вуза стало значительной проблемой для развития строительного института, который в целях ликвидации параллельности в обучении впоследствии был закрыт. Уже к 1933 году в нем оставалось лишь 6 доцентов и ни одного профессора, тогда как в тракторостроительном работали 9 профессоров, 14 доцентов и еще трое совмещали данную должность [1, С. 41].

Набор студенческих групп стал не менее важной проблемой, чем формирование преподавательского состава. В начале 1930-х годов вузы ещё только набирали силу, поэтому и база комплектования их студентами была слабой, к тому же учитывался и социальный фактор. При формировании контингента студентов рабочие и дети рабочих должны были составлять не менее 80%. В своем большинстве это были люди, которые уже немало поработали на производстве. С первых дней существования вузов Советская власть стала требовать изменения социального и партийного состава студентов, но на первых порах это оказалось делом довольно сложным, так как у рабочих и крестьян не было среднего образования. Для этого были открыты рабочие факультеты как автономные учебно-вспомогательные учреждения, имеющие целью подготовку в кратчайшие сроки рабочих и крестьян в высшую школу. В Сталинграде рабфаки действовали при педагогическом и тракторостроительном институтах. При пединституте рабфак был открыт в 1932 году, в нем велось обучение на дневном и вечернем отделении, к 1936 г., где обучались 220 студентов [2, С. 19]. По результатам анализа статистических данных о наборе студентов в институты Сталинграда в первые годы их существования можно сделать вывод, что основная масса абитуриентов шла на учебу в технический вуз. Количество его студентов еще в 1931 году вдвое

превышало число обучающихся в строительном и педагогическом вузах (239 в тракторостроительном и 150 в строительном [4, С.423], 120 в индустриально-педагогическом [3, С. 144].

Анализируя процесс формирования высших профессиональных учебных заведений в Сталинграде можно отметить, что, не смотря на все усилия правительства в короткие сроки создать систему высшего образования подготовки кадров для народного хозяйства, было немало проблем, которые стали порождением сложных и противоречивых преобразований высшей школы страны в 1930-е годы. Однако, заложенные в годы довоенных пятилеток принципы деятельности высшей школы стали на долгие годы основополагающими в последующий период ее развития. Характерными чертами развития высшего профессионального образования в Сталинграде в 1930-е годы явилось то, что направленность вузов отвечала экономическим потребностям региона. Минуя проблемы, с которыми пришлось столкнуться вузам на этапе их становления, в Сталинграде сложилась система высшего профессионального образования, способствовавшая социально-экономическому развитию Нижнего Поволжья.

Библиографический список

1. 10 лет Сталинградского механического института. – Сталинград, 1940.
2. Волгоградский государственный педагогический университет (1931-2006 гг.). – Волгоград, 2006.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. А-259. – Оп.24. – Д.9.
4. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ГУ ЦДНИВО). – Ф.20. – Оп. 1. – Д. 11.

Т.А. Архипова

Самарский государственный университет

ШКОЛЬНАЯ САНИТАРИЯ КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Великая Отечественная война является одним из самых героических и драматических периодов истории нашей страны. Советский народ внес решающий вклад в разгром фашистской Германии и ее союзников в спасении мировой цивилизации. Комплексное и объективное изучение истоков и обстоятельств всенародного подвига имеет теоре-

тическое и практическое значение, требует новой постановки и более глубокого осмысления недостаточно исследованных конкретно-исторических проблем. К их числу относится спектр социальных ресурсов, которыми располагало советское общество в условиях войны, в частности, состояние здоровья населения и меры по его охране.

Актуальным является анализ состояния здравоохранения в годы Великой Отечественной войны, когда в экстремальных условиях удалось сохранить сеть и принципы работы медицинских учреждений в тылу, что наряду с другими факторами обеспечивало предпосылки победы в войне. К тому же, исследование конкретного опыта организации и деятельности гражданских медицинских служб в чрезвычайных обстоятельствах войны имеет важное прикладное значение.

В годы Великой Отечественной войны сохранение жизни и здоровья детей и подростков было одной из первостепенных задач государства. С первых же дней войны началась массовая эвакуация детских учреждений и матерей с детьми в тыл страны. Таким образом, особенно большое значение в годы войны стали приобретать детские учреждения и, следовательно, медицинские мероприятия в них. В военное время термин “школьная санитария” включал в себя практическое применение требований гигиены, направленных на обеспечение здоровья детей и подростков по всей территории страны.

За этот период в Куйбышевской области возникло много детских домов, куда прибывали эвакуированные группы детей или отдельные дети, потерявшие родителей. Такие детские дома были организованы в Елховском, Кинельском, Безенчукском, Кинель-Черкасском и ряде других районов.

Неудовлетворительное санитарное состояние детских домов и недостаточный контроль за ними со стороны медицинского персонала послужило причиной заболеваний в некоторых из них. Так, в 1943 г. в Екатериновском детском доме Безенчукского района была допущена вспышка сыпного тифа [1, Л.15]. Исполком Областного Совета был издан ряд специальных решений о приведении детских домов в должное санитарное состояние.

В пределах области имелось 43 детдома, охватывающих около 6000 детей. В некоторых районах отделы Народного Образования и Госсаниспектора не проявили достаточной настойчивости в поддержании санитарного состояния детских домов, в связи с чем Куйбышевским Областным отделом Здравоохранения совместно с областным Отделом Народного Образования 24.11.1944 г. издан совместный приказ о санитарном состоянии детдомов.

Областная чрезвычайная противоэпидемическая комиссия потребовала от председателей райисполкомов коренного улучшения сани-

тарного и бытового состояния детских домов, что и было сделано, за счет — борьбы с паразитонасительством, санитарным просвещением, наблюдением за питанием.

Работа Госсанинспекции велась в разрезе сезонных мероприятий по всей территории области: в первом квартале проводилось усиленное наблюдение и борьба с паразитонасительством, в результате заболеваемость, например, сыпным тифом в детских и подростковых учреждениях была единичной.

В весенне-летний период велась подготовка к организации летних оздоровительных мероприятий, контроль за сельхозработами школьников, к которым было привлечено более 50 тыс.чел., в основном живущих в сельской местности. На организацию лагерей, детских оздоровительных площадок, госсанинспекцией, в обязательном порядке, выдавался санитарный паспорт. Большинство лагерей размещалось по берегам рек или не в далеке от них. Санитарное состояние помещений в основном было удовлетворительное. Охват детей лагерями, школьными площадками был выполнен полностью.

В IV квартале контролировалась подготовка детских учреждений к зиме в части проведения профилактических противоэпидемических мероприятий, обеспечение топливом и т.д. Санитарное состояние школ, которых в области насчитывалось 1444, со средним количеством учащихся 163 тыс. чел., в части обеспечения их топливом, поддержания нормально температуры, введения 3-х сменных занятий в ряде школ, оставалось неудовлетворительным. Лишенные возможности раздеваться из-за низкой температуры (особенно по г. Сызрани) дети находились в ненормальных санитарных условиях.

Весь контингент детей, находящихся в детсадах, охватывается профилактическими прививками против дифтерии, систематических фагированием против дизентерии. Основным недостатком является переплотненность, вследствие чего спальни и групповые находятся в одной комнате. Вообще, следует отметить, что местные органы здравоохранения организовывали систематическое вакцинирование детей в коллективах, снабжение детских учреждений сульфидными препаратами, создавали специальные группы детей, страдающих хронической дизентерией. В годы войны впервые стали применяться дизентерийная вакцина, дизентерийные бактериофаги, столбнячные анатоксины и др. [2, С.83].

Таким образом, в сложных обстоятельствах военного времени показатели детской заболеваемости и смертности были весьма благоприятными. Несмотря на все трудности этого периода, санитарным службам Куйбышевской области удалось обеспечить детям и подросткам нормальные условия жизни.

Библиографический список

1. ЦГАСО. — Ф-946. — Оп. 1. — Д. 2.
2. Федосеев А.С., Данилишина Е.И. Забота о здоровье детей в годы ВОВ // Советское здравоохранение. — 1985. — №12.

А.А. Мальцев

*Самарский филиал Московского
городского педагогического университета*

МИГРАЦИИ НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ В 1940-50-е гг. (НА МАТЕРИАЛАХ КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ)

В современной российской историографии в отношении изучения советского опыта миграции немецкого населения основной акцент делался лишь на их принудительный, репрессивный характер со стороны руководства СССР. В данной статье будет рассмотрен процесс миграции немецкого населения, даны характеристики подобным перемещениям, определена их причина и значение. Хронологические рамки периода охватывает события с 1941 по 1955 гг., т.е. с момента начала Великой Отечественной войны, послужившей поводом для ужесточения мер в отношении немецкой автономии и до публикации Указа Президиума Верховного Совета СССР “О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении”.

“Первая волна” выселения охватывала 1941-1943 гг. и проводилось на основании Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 г. “О переселении немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей”. Оно предписало переселить немецкое население данной территории в Западную Сибирь и Северный Казахстан. Немцев предписывалось выселять в основном в сельскую местность. Переселенцам разрешалось брать с собой личные вещи, мелкий сельскохозяйственный и бытовой инвентарь, продовольствие — всего весом до тонны на семью. Принадлежавшие им постройки, сельхозорудия, скот и зернофураж должны были сдаваться по оценочным актам специальным комиссиям. Взамен сданного имущества изгнанникам было велено выдавать квитанции, на основании которых им предписывалось предоставлять по прибытии на место компенсацию в натуральной форме за принятые сельхозпродукты и скот.

Не имея на то достаточных средств, на местах крайне редко выдавали прибывшим положенные сельхозпродукты и скот. Вместо собственных домов основная часть изгнанников попала в бараки и землянки. Не подверглись выселению только лица из смешенных семей, а также члены семей сотрудников фронтовой, оперативной и внешней разведки [1, С. 54]. 23-летняя история немецкой автономии в Поволжье, таким образом, завершилась. В дома депортированного немецкого населения были вселены их бывшие работники-батраки: татары, чувашаи, мордва – из пограничных поселений Ульяновской области.

“Вторая волна” миграции охватывала период с лета 1945 по осень 1949 г., итоги которой были закреплены Указом Президиума Верховного Совета СССР 26 ноября 1948 г. В данный период планировалось переселить в Сибирь немцев из восточноевропейских районов РСФСР, в том числе из Куйбышевской области в количестве 6335 человек. Однако по настоятельным просьбам руководителей областей переселение не состоялось [2, Л. 28-29]. Для данного периода характерен всплеск миграционного потока, вследствие желания представителей немецкой национальности воссоединиться со своими семьями или родственниками [3, С. 345]. Во втором полугодии 1948 г. руководству УМВД Омской области поступило 714 заявлений на воссоединение семей, в том числе и из Куйбышевской области, более половины из которых были отклонены. В результате в сентябре 1949 г. спецэшелон доставил в Омскую область 305 человек членов семей и родственников ранее высланных представителей немецкой национальности. Таким образом, данные миграции в послевоенный период имели добровольный характер и ставили цель воссоединения семей немцев-спецпереселенцев.

Во второй половине 50-х гг. направление и поток миграции резко меняется после выхода 13 декабря 1955 г. Указа Президиума Верховного Совета СССР “О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении” [4, С. 177]. С этого момента немцы были освобождены из под административного надзора. Данный документ был доведен до сведения спецпоселенцев в январе 1956 г., результатом чего стал массовый отток населения с территории Сибири, Урала, Казахстана [5, С. 133]. Процесс возвращения немцев на Волгу был связан с многими трудностями и проблемами, одной из наиболее острых – постоянные бюрократические препятствия со стороны органов власти на местах спецпоселений. Зачастую ряд руководителей хозяйств в Сибири не сразу выдали немцам паспорта, стремясь таким образом задержать работников до завершения посевных работ [6, С. 359]. Инициатором возвращения

на Волгу в конце 1950-х гг. было то поколение немцев, которое помнило о жизни в Поволжье до депортации. Данный тип перемещения населения можно охарактеризовать как векторную возвратную миграцию, так как ярко прослеживается направление перемещения населения в отдельные районы СССР в ходе реализации той или иной политической воли руководства страны. Помимо этого, вслед за главами семей после выселения мигрировали другие их члены, что позволяет характеризовать данные перемещения сельского населения как вторичную или подчиненную миграцию, так как принудительное переселение одного члена семьи вызвало массовое движение остальных ее членов в места прибытия. Одновременно с началом массовой депортации был нанесен серьезный удар по экономической составляющей области. Выселив наиболее работоспособную часть населения из сельской местности, в дальнейшем вплоть до середины 1950-х гг. советское руководство тщетно пыталось решить проблему нехватки трудовых ресурсов за счет переселения колхозного населения в северные и южные районы из других частей Куйбышевской области [7, Л. 54].

Библиографический список

1. Арнольдов Н.А., Арнольдов М.Н. Из истории немцев Кошкинского района Самарской области (1858-1941 гг.). – Самара: ООО “Книга”, 2009.
2. ГАРФ. – Ф. 9479. – Оп.1. – Д. 447.
3. Бруль В.И. Миграционные процессы среди немцев Сибири в 1940-1955 гг. // Миграционные процессы среди российских немцев. – М.: Готика, 1998.
4. История российских немцев в документах. – М.: МИГУП, 1993.
5. Дизендорф В.Ф. Прощальный взлет. Судьбы российских немцев и немецкое национальное движение. – М., 1997.
6. Малова И.А. Возвращение поволжских немцев на Волгу в конце 1950-х гг. (по материалам историко-этнографических экспедиций в Поволжье 1995-1997 гг.) // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. – М.: Готика, 1998.
7. ГАСО. – Ф. 4072. – Оп. 1. – Д. 26.

**РАБОТА СТУДЕНЧЕСКИХ СТРОИТЕЛЬНЫХ ОТРЯДОВ
С ТРУДНОВОСПИТУЕМЫМИ ПОДРОСТКАМИ
(НА МАТЕРИАЛАХ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Серьезными проблемами российского общества являются проявления детской безнадзорности и беспризорность, социальное сиротство, преступность среди несовершеннолетних. Об этом говорит в первую очередь принятие приоритетных национальных проектов. Деятельность социальных служб, социальных педагогов и уполномоченных по правам ребенка направлена на решение вышеобозначенных проблем. Особенно ранимы дети, лишенные родительской теплоты и заботы: воспитанники детских домов и школ-интернатов разных профилей, так называемые дети-сироты при живых родителях, т.е. дети из неблагополучных, проблемных семей. Общества постоянно ищет идеи, формы и методы решения этих проблем, обращается к удачному опыту прошлого.

Одним из важных направлений в общественно-политической деятельности студенческих отрядов была работа с так называемыми “трудными” подростками. И это не случайно. Ведь среди различных методов работы с “трудными” подростками особое место занимала поездка их в составе студенческих отрядов в период летнего трудового семестра. Студенческие отряды были одной из наиболее удачных форм социального влияния на подрастающее поколение [9, С. 30].

С 1970 года в Саратовской области была введена практика прикрепления к ССО трудновоспитуемых подростков, что было закреплено в постановлениях правительства СССР. В 1970 году в отряды было зачислено 70 подростков. Они являлись полноправными членами отрядов, участвовали в проводимых ими мероприятиях, за ними были закреплены шефы для осуществления индивидуальной воспитательной работы [3, Л.4]. В 1975 году в составе областного отряда работало 220 “трудных” подростка, с которыми проводилась большая воспитательная работа [8, Л.49]. В 1978 году было зачислено 253 подростка [5, Л.48]. В 1981 году уже закрепили 300 “трудных” подростков [8, Л.13]. “В 1979 году выполняя совместное постановление бюро обкома ВЛКСМ и коллегии УВД Облисполкома от 17 июля 1978 года “О работе комсомольских организаций и органов внутренних дел области по выполнению постановления ЦК КПСС “Об улучшении воспитательной работы и предупреждении правонарушений среди не-

совершеннолетних” в свете задач, выдвинутых Л.И. Брежневым на XVIII съезде ВЛКСМ”, горкомы, райкомы ВЛКСМ области, отделы внутренних дел усилили воспитательную работу с целью предупреждения правонарушений среди несовершеннолетних и молодежи” [6, Л.12]. Таким образом, оказывалось благотворное влияние на социализацию юношества, выработку у подростков правильной жизненной позиции, приобщение их к труду, к учебе.

Все это требовало от руководителей студенческих отрядов определенных знаний по работе с “трудными” подростками, умения найти контакт с каждым, повлиять на него, заставить задуматься над своим поведением, дать ему истинные ориентиры в жизни. Половина успеха работы с подростками заключалась в правильной организации подготовительного периода [1, Л.19]. В соответствии с постановлением бюро областного комитета ВЛКСМ комитеты комсомола учебных заведений совместно с инспекторами детских комнат милиции проводили отбор определенного количества подростков в студенческие отряды. Процесс отбора включал в себя знакомство с личными делами подростков, бытовыми условиями их жизни, индивидуальные беседы, как с ребятами, так и с их родителями [1, Л.20]. Такая работа позволяла выявить особенности каждого, их способности и увлечения. Приступая к работе с “трудными” подростками, следовало иметь в виду не только особенности характера, но и помнить о некоторых физиологических особенностях подросткового возраста вообще: повышенная эмоциональная возбудимость, резкая смена в настроениях, склонность к подражанию при неумении правильно оценивать некоторые явления жизни. Были случаи, когда стремление некоторых руководителей отряда к проведению общих воспитательных мероприятий с подростками, как правило, не затрагивали душу подростка. А если они носили назидательный характер, он просто отмахивался от них. Большую эффективность имело привлечение к управлению делами, к участию в общественно-политической и культурной жизни отряда. Подростка постепенно “вводили” в жизнь студенческого коллектива: рассказывали им об организации внутриотрядной жизни; разъясняли Устав и Положение; приглашали на собрания и концерты; давали посильные поручения в интересах отряда и контролировали их выполнение; обеспечивали парадной формой [2, Л.42]. По законодательству подростки работали по четыре часа, как несовершеннолетние, что строго соблюдалось [11, С.2]. Все это в значительной мере способствовало развитию у подростков чувства ответственности за порученное дело и дисциплинированности, общественно-политической активности. Важным событием было вручение в торжественной обстановке формы и эмблемы, знаков [9, С.31; 10].

Важным моментом в процессе воспитательной работы было распределение подростков по бригадам. Варианты могли быть разными: по одному подростку в каждой бригаде, всех вместе в одной бригаде, перевод подростка из бригады в бригаду, с изолированием его от других сверстников и т.д. Важно, что к подобному распределению подростков подходили творчески, исходя из конкретных обстоятельств и преследовали при этом определенные воспитательные цели. В состав линейного отряда включали не более 2-3 подростков не моложе 15-летнего возраста, без определенных знаний. Отряды организовывали круглогодичное шефство над этими подростками, закрепляя за каждым из них студентов, имеющих навыки шефской работы. Подростки в обязательном порядке вместе со студентами проходили подготовку к трудовому семестру, включая изучение нормативных документов о деятельности студенческих отрядов, медицинское освидетельствование, обучение по ТБ, профессиональную подготовку и другие мероприятия [7, Л.10-13].

Важное воспитательное воздействие на подростка оказывала сама обстановка в отряде. Поэтому с первых же дней совместный труд, быт, досуг отряда организовывали так, чтобы каждый студент был примером для подростка. Важное значение в воспитательной работе с подростками имели поощрения и наказания. За хорошую работу, отлично выполненное поручение достаточно часто поощрялись (награждение грамотой, книгой, ценным подарком, вынесение благодарности перед строем). За нарушение дисциплины в отряде, невыполнение порученного дела подросток нес наказание. При этом считалось, что главная цель в наказании — помочь провинившемуся осознать свою вину перед коллективом, найти правильную линию поведения. Рабочий период в ССО для подростка заканчивался написанием характеристики комиссаром, студентом, который вел шефство над ним. Период шефства над “трудными” подростками должен был длиться более двух лет, чтобы труд целого коллектива не пропал даром. Опыт работы с подростками в студенческих отрядах убедительно показывал, что подросток, выезжающий в составе отряда второй год, оказывал положительное влияние на своих сверстников, которые выезжали первый год. Следует отметить, что подростки часто оставались в отрядах и даже становились в дальнейшем командирами, комиссарами, агитаторами отрядов [2, Л.43].

С середины 1970-х годов появилась новая уникальная разновидность студенческих отрядов ОСиПы (отряды студентов и “трудных” подростков). Структура коллектива оставалась той же, что и в студенческих отрядах. Принципиальное отношение было в том, что бойцами были только “трудные” подростки, состоящие на учете в детских комнатах милиции.

При поддержке советского государства ССО превратились в мощное общественное движение, с каждым годом большее значение отводилось воспитательной работе с “трудными” подростками. В ходе трудовых семестров студенты на практике помогали ребятам, обучали их [1, Л.25]. Боролись с вредными привычками (руганью, воровством, алкоголизмом, курением и распространением “анаши” [9, Л.21]), прививали им любовь и ответственное отношение к труду, давали ощущение семью, помогали приобрести навыки нормального общения, помогали выбрать будущую профессию.

Библиографический список

1. ГАНИСО. – Ф.4158. – Оп.23. – Д.23.
2. ГАНИСО. – Ф.4158. – Оп.27. – Д.42.
3. ГАНИСО. – Ф.4158. – Оп.28. – Д.53.
4. ГАНИСО. – Ф.4158. – Оп.31. – Д.203.
5. ГАНИСО. – Ф.4158. – Оп.32. – Д.214.
6. ГАНИСО. – Ф.4158. – Оп.37. – Д.116.
7. ГАНИСО. – Ф.4158. – Оп.39. – Д.97.
8. ГАНИСО. – Ф.4158. – Оп.39. – Д.67.
9. Методические рекомендации по организации работы студенческих строительных отрядов. Саратов, 1973.
10. Христенко А. Чтобы с “трудными” было легко // Заря молодежи. – 31 мая. – 1973.
11. Отвечает юрист // Заря молодежи. – 1973. – 12 июля.

И.Н. Радун

Уральский государственный университет

ПРОЕКТ ДЕКОНЦЕНТРАЦИИ ВЛАСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ Н.С. ХРУЩЕВА В НАЧАЛЕ 1960-х гг.

На рубеже 1950-1960-х гг. политическим руководством СССР была актуализирована тема перерастания “диктатуры пролетариата” в “общенародное государство”. Исследователи полагают, что данная идеологическая конструкция скрывала в себе перспективу трансформации государственных институтов советского строя и логически вытекала из антисталинского курса, взятого на вооружение Хрущевым с целью реализовать претензии на политическое лидерство [1]. В то же время специалисты, оперирующие инструментарием неовебериянского ана-

лиза, рассматривают появление подобной идейной инновации как свидетельство решимости Первого секретаря инициировать пересмотр установленных в постсталинском СССР правил игры между верховной властью и правящим слоем – партийной и государственной номенклатурой [2, Р.182; 3, Р.367–290; 4, Р.108].

В начале 1960-х гг. политическое руководство СССР столкнулось с рядом серьезных вызовов. С одной стороны, Хрущев взял на себя высокие обязательства, анонсировав программу выхода коммунистического строительства на финишную прямую. С другой стороны, неудачи в социальной и экономической политике, спровоцировавшие серьезный разлад между государством и народом, ставили под вопрос осуществление новой стратегии. Причины проблем высшее руководство и лично Хрущев усматривали в низкой эффективности работы аппарата управления. Отсюда многочисленные реорганизации и “административные перестройки” того времени. В этой связи исследователи неовеберинской школы акцентируют внимание на процессы внутри правящего класса, которые отчетливо стали проявляться к концу первого послесталинского десятилетия. Так представители данного направления в историографии отмечают, что демонтаж сталинской конструкции по управлению и контролю за правящим слоем посредством перманентных репрессий, чисток, политических акций и кампаний, привел к консолидации номенклатуры как класса с особыми групповыми корпоративными интересами. После 1953 года внутри номенклатурного сегмента стал набирать обороты процесс апроприации (присвоения) держателями власти административных, материальных и др. видов ресурсов с последующей их конвертацией в стабильный и гарантированный (зачастую нелегальный) источник дохода [5, Р.665–701; 6, Р.257–297; 7;8]. Данная тенденция вела к росту коррупции и негативно сказывалась на функционировании организационно-управленческого аппарата. Подобные процессы не остались незамеченными высшим руководством страны. Это объясняет появление программы институализации в рамках советского социума “модели общенародного государства”.

Инновация, презентованная как модель “общенародного государства”, была инициирована в рамках процесса, который в неовеберинской интерпретации получил название ограниченной деконцентрации власти (power deconcentration) [9, Р.665]. Его суть заключалась в диверсификации субъектов имплементации политической воли верховной власти. Речь шла о вовлечении в процедуры отправления власти общественного актива через такие традиционные, но до этого игравшие часто символические роли, советские институты как профсоюзы, общественные организации, местные советы. Не посягая на

монополию КПСС на власть, не предлагая гражданам реально включаться в выработку и принятие стратегических целей развития социума, Хрущев считал возможным переложить часть государственных функций на локальном уровне на общество. Бюрократический сегмент управления не элиминировался, а лишь на отдельных участках заменялся общественным. Передавая гражданскому активу часть бюрократических полномочий и сфер ответственности, политическое руководство рассчитывало получить в лице общества заинтересованных и мотивированных общественных служащих, что должно было стать одним из способов решения проблемы апроприации и низкой отдачи от функционирования официальных органов управления. Разумеется, в расчет брался и фактор идеологической приемлемости подобной инновации, ее соответствия стратегии построения коммунистических общественных отношений. Таким образом, Хрущевым выдвигалась инициатива по частичному трансферу власти, ранее полностью сконцентрированной в руках правящей номенклатуры, в структуры, которые в западных социумах принято считать агентами гражданского общества. Подобная передача влекла за собой перераспределение ресурсов в пользу тех институтов, которые до этого играли подчиненную к партийной вертикали роль. Деконцентрация власти с подключением к ее отправлению небюрократического аппарата создавала крайне некомфортную среду для профессиональных функционеров, которые на местном уровне должны были оказаться под общественным давлением и контролем. Одновременно сверху инсталлировались ротационные механизмы обновления и управления правящим слоем. Разумеется, институционально-политические инновации Хрущева вызвали латентный конфликт между ним и номенклатурой, который обернулся защитной реакцией правящего класса – Октябрьским пленумом 1964 года и радикальной ревизией хрущевского политического наследия.

Стратегический курс XXII съезда предполагал поиск верховной властью субъектов его имплементации. В условиях развития процесса апроприации внутри профессиональных управленцев, Хрущев решает выдвинуть в число потенциальных участников управленческих процедур на местах не подверженный разложению и перерождению общественный актив, наделив его реальными ресурсами. Поэтому актуализированная по инициативе Первого секретаря тема трансформации политических институтов посредством перерастания “диктатуры пролетариата” в “общенародное государство” может считаться не просто продолжением его антисталинской линии, но также полноценной социальной инновацией в политической (деконцентрация власти) и идеологической (пересмотр концепта “диктатуры пролетариата”) практиках первого послесталинского десятилетия.

Библиографический список

1. Пыжиков А. Хрущевская оттепель. – М., 2004.
2. George W. Breslauer. Khrushchev and Brezhnev as leaders: building authority in Soviet politics. London, 1982; Breuer S. Soviet communism and Weberian sociology// Journal of Historical Sociology. 1992. Vol.5. No.3; Maslovski M. Max Weber's concept of Patrimonialism and the Soviet System// The Sociological Review. 1996. Vol. 44. No. 2.
3. См.например: Lupher M. Power Restructuring in China and the Soviet Union// Theory and Society, Vol.21, No.5 (Oct., 1992); Jowitt K. Soviet Neo-Traditionalism: The political corruption of a Leninist regime. Soviet Studies 35/3 (July, 1983); Simis K. USSR: the corrupt society. New-York, 1982.; Yanov A. The drama of the Soviet 1960s. Berkeley, 1984.
4. Lupher M. Power Restructuring in China and the Soviet Union// Theory and Society, Vol.21, No.5 (Oct., 1992).

А.В. Рыжкова

Самарский государственный университет

КУЛЬТУРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВРАЧА В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

На протяжении всей истории медицины основой отношений между врачом и пациентом было и остается доверие. Врачебная деятельность – одна из самых не только благородных, необходимых, древних, но и одна из самых сложных, ответственных. Общество с давних времен пытается регулировать медицинскую деятельность. Эти попытки, как правило, сводились к выяснению вопросов о правильности действий эскулапа, как профессионала, и наступление ответственности, если выяснялось, что врач причинил вред своему пациенту [1].

В Древней Руси существовало 3 вида медицины: народная, монастырская и светская. Нормы Правды Русской регулировали светскую (городскую) медицину, в то время как монастырская медицина регламентировалась “Церковным Уставом” Владимира Святославовича, а народная – неправовыми средствами (морально-этическими нормами, обычаями и др.) [2].

Во времена Петра I были приняты Воинский Устав 1716 г., Морской Устав 1720 г., указ Петра I от 14 августа 1721 года “Об учреждении в городах аптек под смотрением Медицинской Коллегии, о вспоможении приискивающим медикаменты в Губерниях, и о бытии под

надзором упомянутой Коллегии госпиталям”. Глава 10 Морского Устава – “О лекарях” регламентирует вопросы профессиональной деятельности лекарей. Законодатель подчеркивает особую значимость и ценность медицинских работников при ведении боевых действий, а соответственно, определяет степень отношения к медицине вообще.

Вместе с тем и от врачей требовали надлежащего врачевания и постоянной готовности к оказанию медицинской помощи: “Следует, чтобы лекарь в докторстве доброе основание и практику имел, трезвым умеренным и доброхотным себя держал и в нужных случаях чин свой ношно и денно отправлять мог”. [2]

На сегодняшний день одной из главных проблем системы здравоохранения является отсутствия или недостаточного развития институтов трансляции культуры в медицинской среде. Культура врача – важнейший показатель его профессионализма. Под культурой мы понимаем соответствующее образование, профессиональные навыки и высокое морально-этическое “воспитание” врача, побуждающее его качественно и ответственно выполнять свою работу.

Встает задача духовного воспитания будущего врача. Без определенных культурных норм не будет результата от установления каких-либо законодательных норм: будь то установление нормативов лечения или ужесточение наказания за “халатность”. Культуру “человеческого” отношения необходимо прививать с детства. В большей степени она формируется в учебном заведении и на месте работы. В присяге врача СССР был такой пункт: всегда помнить о высоком призвании советского врача, об ответственности перед Народом и Советским государством [3]. Клятва российского врача утратила свою силу, не для всех и не для многих, но для достаточно заметного числа врачей, которое портит впечатление о медицинском работнике в целом. В профессию идут за получением определенного вознаграждения, а не по призванию.

Трансляция культуры на сегодняшний день – одна из главных проблем системы здравоохранения. Под трансляцией мы понимаем передачу молодому поколению врачей опыта общения врача с пациентом и воспитание высоко морального отношения к пациенту. Решением ее может послужить поддержание уже существующих “школ” передачи опыта, и создание новых.

Примером может послужить ММУ “ГКБ №1 им. Н.И. ПИРОГОВА” г. Самары. На базе больницы открыты кафедры Медицинского университета. В 1984 году была организована кафедра клинической хирургии. С 2003 года кафедрой руководит профессор В.И. Белоконов, он умело сочетает научную работу с учебным процессом и лечебной деятельностью, оперируя и выхаживая наиболее тяжелых больных. В

1974 году была организована кафедра детской хирургии. Первым ее заведующим был доцент Ю.А. Перов – врач и ученый, обладавший энциклопедическими знаниями по многим вопросам не только медицины, но и истории, культуры и языка. Самое ценное – коллектив больницы. Из 311 врачей 103 присвоена высшая квалификационная категория, три врача имеют степень доктора медицинских наук, 26 – степень кандидата медицинских наук. В больнице работают 5 Заслуженных врачей РФ. Работают несколько поколений врачей и медицинских сестер [4]. Таким образом, студенты медицинского ВУЗа имеют возможность общаться с врачами по призванию, перенимать у них культуру общения и сливаться с той атмосферой, которая присутствует на рабочем месте.

Библиографический список

1. Балло А.М., Балло А.А. Права пациентов и ответственность медицинских работников за причиненный вред. СПб., 2001 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.med-legal.ru>.
2. Стеценко С.Г., Гончаров Н.Г., Пищита А.Н. Очерки медицинского права. – М.: ЦКБ РАН, 2004.
3. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.med-legal.ru/> http://ru.wikipedia.org/wiki/Присяга_врача_Советского_Союза.
4. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.pirogovka-samara.ru/index.php?p=3&cat=10>.

**СЕКЦИЯ
"ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ
И ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ, ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ,
ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ"**

А.В. Богатырев

Самарский государственный университет

**"ОТ ШЛЕМА К ВЕНЦУ, ОТ ЖЕЗЛА К СКИФЕТРУ":
РУССКИЙ РЕЗИДЕНТ В.М. ТЯПКИН О ВЫБОРАХ КОРОЛЯ
В РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В 1673–1674 гг.**

Выборы 1673–1674 гг. сыграли в истории польско-российских отношений последней четверти XVII в. важную роль. На трон Речи Посполитой взошел Ян III Собеский (1674–1696) – последний из великих польских королей, снискавший уважение и почет как “Освободитель Вены” (1683 г.) далеко за пределами своего государства. Собеский в 1686 г. подписал “Вечный мир” с Россией, навсегда закрепивший за ней “Русский Иерусалим” – Киев.

Конвокация и элекция, составлявшие выборы, привлекли внимание иностранных дипломатов. Позже их донесениями воспользовались для восстановления событий 1673–1674 гг. биографы Яна III. В классическом труде Т. Корзона указаны материалы испанского посольства, а современный автор З. Вуйчик ссылается на английские, французские и немецкие дипломатические документы [1].

Среди перечисленных источников нет одного важного свидетельства. Кроме представителей Англии, Франции и т.д. с 1673 (1674) г. в Речи Посполитой действовала первая русская резидентура. Возглавлял ее стольник и полковник Василий Михайлович Тяпкин, названный авторитетным историком-славистом Б.Н. Флорей “одним из лучших русских дипломатов” [2, С.138]. Тяпкин оставил письма (отписки, донесения) и статейный список (дневник). В них — данные о самых различных сторонах политической, культурной жизни Польского государства, в том числе и о выборах 70-х гг. XVII в.

Биографы Я. Собеского до сих пор обходят стороной этот исторический источник: в изданной в последнее время книге Л. Подхородецкого [3] имя Тяпкина отсутствует. Похожая ситуация сложилась не только в польской историографии. В России материалы резидентуры Тяпкина также пока не нашли среди историков широкого при-

менения. Впервые использованные А.Н. Поповым, сведения из донесений и дневника Тяпкина появлялись то в трудах С.М. Соловьева, то (через С.М. Соловьева) в работах В.О. Эйнгорна, И.Я. Гурлянда, Л. Шепотьева, И.П. Козловского, А.С. Лаппо–Данилевского и др. [4, 5,6,7,8,9,10]. В советский период документами Тяпкина заинтересовался Н.П. Ковальский, хваливший меткость и точность некоторых суждений резидента [11]. На основе материалов резидентуры Ф.П. Сергеев определил относительно точное время использования термина “резидент” в русской дипломатической лексике [12, С. 110]. Были и обратные примеры – так, И.У. Будовниц проигнорировал существование польского статейного списка Тяпкина [13, С.346.]. В последнее время материалами русской резидентуры пользовались С.И. Николаев [14, С.35–36, 39, 46, 52 и др.], Н.Ю. Алексеева [15, С.39] и др. Интересуется Тяпкиным (хотя и мимоходом) П.В. Седов [16, С. 182, 298, 299, 364, 392, 399–401, 428].

Документы Тяпкина так и не были по достоинству оценены историками. Их использование отрывочно, фрагментарно. Заметно повторение одних и тех же высказываний резидента (например, фразы о “жбанах” и “панах” у С.М. Соловьева, С.Г. Пушкирева и др.) [17, С.201]. Предпринимались попытки опубликовать некоторые части дневника и писем резидента П.И. Ивановым [18, С. 305–327], А.Н. Поповым [19, С. 277–280; 20, С.281–287], А.С. Крыловским [21, С.173–176], С.И. Николаевым [22]. Но весь потенциал материалов первой русской резидентуры в Польше до сих пор до конца не использован.

Неужели сведения, предоставляемые Тяпкиным, настолько скудны и неинтересны? Или же ключевые события польской истории не отразились в дневнике и в письмах резидента? Ответить на эти вопросы можно, лишь посмотрев, как освещалось в бумагах Тяпкина одно из событий, повлиявших на ход истории Речи Посполитой – выборы короля 1673–1674 гг.

В 1673 г. в Польше был траур – умер король Михал Вишневецкий. Началась конвокация, на которую Тяпкин не успел [23, Л.59–60]. Однако ему удалось через осведомителей добыть сведения о принятых на ней решениях [23, Л.143, 144об., 159]. Тяпкин передал своеобразие выборов в Речи Посполитой. Польской короны искали датский и шведский короли, лотарингский князь, нейбургский принц, венгерский князь, испанский королевич и многие др. [23, Л.144об., 83–83об., 42, 84, 83об.]. Имелся кандидат и от русской стороны – царевич Федор, сын царя Алексея Михайловича [24, Л.95об.–96об., 97, 98]. Резидент не просто перечислял претендентов на престол Польши, но и пытался отыскать причину симпатий шляхтичей к той или иной кандидатуре.

Многое на выборах решали деньги: Тяпкину было известно о передаче Собескому Людовиком XIV значительной суммы для раздачи среди шляхты [25, Л.68]. Ян III отплатил королю неблагодарностью – в донесениях резидента встречаются его довольно резкие высказывания о Франции, ее политике и французской партии при дворе [25, Л.73–73об.].

Бумаги Тяпкина показывают, что восшествие Собеского на польский трон было поистине чудом. Не только литовская шляхта, но и жители Великой и Малой Польши не желали видеть королем “Пяста”, т.е. поляка [26]. Шляхта заключила на конвокации негласное соглашение, дабы не допустить избрания польского кандидата [27, Л.143]. Самым же вероятным претендентом на польский трон Тяпкин называет одного из венгерских князей [27, Л.84–84об.]. Королевой вновь должна была стать вдова Вишневецкого Элеонора [27, Л.59об.]. Она уже взяла в свои руки дела государственные – прибывшему в Варшаву Тяпкину Элеонора указала быть у нее вместе с царской грамотой [27, Л.59об.–60].

Тем более необыкновенным выглядит поворот, который совершила польская история – в ходе элекции 1674 г. королем был избран великий коронный гетман Ян Собеский. Многие историки (М. Бобжинский, Н.И. Павлищев, П.К. Шебальский и пр.) видят причину его избрания в Хотинской битве 1673 г., в которой войска Собеского одержали над турками блестящую победу [28, С. 221], [29, С. 198], [30, С. 60]. Упоминает Хотин и Тяпкин [31, Л.80об.–82], описавший необычное происшествие. В пылу битвы некий польский солдат вспорол одному “неверному” живот, из которого вдруг посыпались золотые монеты. Увидев золото, и другие шляхтичи принялись вспарывать животы туркам, отчего среди польских воинов начались драки и раздоры [31, Л.81об.–82]. Этим эпизодом, а отнюдь не апофеозом Собеского, заканчивается повествование резидента о Хотинской баталии.

Не все было гладко и с присягой нового короля, которую он давал в костеле Св. Яна в Варшаве. Тяпкин доносил, что в “самой присяжной день” имел место дурной знак – из тела покойного Вишневецкого начала течь кровь [25, Л.7]. А в местечке Вилькомеж (Вилькомир) местные жители видели огромный огненный столб [25, Л.7об.]. Знаки не оставили шляхту равнодушной и посеяли в ее сердцах сомнения [25, Л.139–139об.]. Все это мало подтверждает суждение известного польского историка В. Смоленского (Грабенского): “в день элекции шляхта приняла с энтузиазмом кандидатуру Собеского” [32, С.213].

Лично присутствуя на присяге Яна III, Тяпкин, основываясь на сведениях неких осведомителей, отметил, что крики “Виват!” Собескому (выигравшему не одно сражение с турками) шляхта кричала гораз-

до меньше, чем слабому и не имевшему никаких выдающихся заслуг Вишневецкому [25, Л.19об.].

Резидент старательно записал церемонию, предварявшую королевскую клятву и саму присягу Я. Собеского, детально описав все действия короля и его приближенных: шествие маршалов с жезлами, поклонения Собеского шляхте, целование Евангелия и пр. [33, Л. 106], [34, Л.19об.]. Из комментариев Тяпкина к тем или иным церемониальным действиям видно знание резидентом некоторых польских традиций, обычаев, обрядов: дипломат подробно объясняет, почему у одних маршалов жезл в золоте и драгоценных камнях, у других – нет и т.д. [24, Л.106об.].

Тщательность и добросовестность Тяпкина удивляют: он не только приводит текст королевской присяги, комментирует его и отмечает в нем маргиналиями наиболее важные, на его взгляд, места, но и дает сведения о внешнем облике документа со всеми надлежащими атрибутами: “вислыми” печатями, “руками” (подписями) [25, Л.27].

Помимо присяги, Тяпкин раздобыл “Перевод списка записи, какову дали новообранному Яну королю полскому Андрей Требицкой, бискуп краковской, Ян Генбицкой, бискуп плоцкой с товарищи при присяге королевской...” [25, Л.28–35об.]. Это был панегирик Собескому, в котором излагались некоторые моменты его биографии и высказывались хвалебные отзывы о короле, проделавшем путь “от шлема к венцу, от жезла к скипетру” [25, Л.33].

Библиографический список

1. Korzon T. Dola i niedola Jana Sobieskiego 1629–1674: w 3 t. – Wyd.2. – Kraków, 1898. Т.3. S.485; Wyciek Z. Jan Sobieski. 1629–1696. – Wyd.2. – Warszawa, 1994. – S.548–550.

2. Цит. по: Флоря Б.Н. Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672–1681 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго–Восточной Европы в XVII в.: в 2 ч. – М., 2001. – Ч.2.

3. Podhorodecki L. Jan III Sobieski. – Warszawa, 2010.

4. Попов А.Н. Русское посольство в Польше в 1673–1677 гг. – СПб., 1854;

5. Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. – М., 1991. Кн. VI (Т.11–12). – С.492, 494, 498–499 и др.

6. Эйнгорн В.О. Очерки из истории Малороссии в XVII в. – М., 1899. Вып.1. – С.1001.

7. Гурлянд И.Я. Иван Гебдон – комиссариус и резидент. Ярославль, 1903. – С.15.

8. Щепотьев Л. Ближний боярин Артамон Сергеевич Матвеев как культурный политический деятель XVII в. – СПб., 1906. – С.134–136.
9. Козловский И.П. Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве: в 2 т. – Варшава, 1913. – Т.1. – С.162.
10. Лаппо–Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII – XVIIIвв. – М., 1990. – С.124.
11. Ковальский Н.П. Деятельность русской дипломатии в 70–90–х гг. XVII в. по отношению к украинским землям в составе Речи Посполитой // Из истории местного края. – Днепрпетровск, 1968. – С.163–164.
12. Сергеев Ф.П. Формирование русского дипломатического языка. – Львов, 1978.
13. Будовниц И.У. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIIIв. – М., 1969.
14. Николаев С.И. Польская поэзия в русских переводах второй половины XVII – первой трети XVIIIв. – Л., 1989.
15. Алексеева Н.Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII – XVIII вв. – СПб., 2005.
16. Седов П.В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII в. Изд. 2. – СПб., 2008.
17. Соловьев С.М. Указ. соч. Кн.VII (Т.13–14). – С.208; Пушкирев С.Г. Обзор русской истории. – Ставрополь, 1993.
18. Выписка из статейного списка Русского посольства в Польшу, 1673 г. // Иванов П.И. Описание государственного архива старых дел. – М., 1850.
19. Поздравительное письмо В.М. Тяпкина царю Феодору Алексеевичу с восшествием на престол // Попов А.Н. Указ. соч.
20. Письмо В.М. Тяпкина к А.С. Матвееву 27 марта 1677 г. // Попов А.Н. Указ. соч.
21. 1675 г., январь–декабрь. Отписка к оберэгателю посольских дел боярину Артаману Матвееву от... Василия Тяпкина... // Крыловский А.С. Львовское ставропигиальное братство. – Киев, 1904.
22. Николаев С.И. Театральный эпизод “Записок” Я.Х. Пасека по статейному списку В.М. Тяпкина // Советское славяноведение. – 1989. – №2.
23. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). – Ф.79 (Сношения России с Польшей). – Д.160 (Отправление Тяпкина).
24. РГАДА. – Ф.79. – Д.161а (Статейный список Тяпкина).
25. РГАДА. – Ф.79. – Д.163 (Отписки и вестовые письма Тяпкина).
26. РГАДА. – Ф.79. – Д.161а. – Л.500; – Д.163. – Л.44.
27. РГАДА. – Ф.79. – Д.160.

28. Бобржинский М. Очерк истории Польши: в 2 т. – СПб., 1891. – Т.2.
29. Павлищев Н.И. Польская история в виде учебника. – Варшава, 1843.
30. Щебальский П.К. Рассказы о Западной Руси. – М., 1864.
31. РГАДА. – Ф.79. – Д.160.
32. Цит. по: Грабеньский В. История польского народа. – СПб., 1910.
33. РГАДА. – Ф.79. – Д.161а.
34. РГАДА. – Ф.79. – Д.163.

С.В. Соколов

Уральский государственный университет

**“И ОТ ТЕХ ВАРЯГ ПРОЗВАСЯ РУСКАЯ ЗЕМЛЯ...”:
ВЗГЛЯДЫ М.В. ЛОМОНОСОВА
И ЕВРОПЕЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ XVI-XVII вв.**

Среди критических стрел, выпущенных в исторической науке по адресу М.В. Ломоносова, чуть ли не больше всего оказалось возражений по поводу его мнения о происхождении имени русского народа и государства от роксалан [1, С. 287; 2, С. 326-327] (согласно Ломоносову славянского народа), упоминаемых античными географами Плинием и Страбонем. Первым и, пожалуй, самым радикальным оппонентом Ломоносова оказался Г.Ф. Миллер, диссертацию которого русский ученый подверг суровой критике. Тем удивительнее, что в своей поздней работе “О народах издревле в России проживавших” (1760 г.) Миллер солидаризировался с Ломоносовским взглядом на происхождение русского имени. Почему Ломоносов придерживался именно такого взгляда, и что заставило Миллера изменить свою позицию?

В литературе не раз указывалось, что одним из важнейших источников для Ломоносова был киевский “Синописис” (1674), концепцию которого в части происхождения этнонима “русь” от роксалан и позаимствовал Ломоносов [3, С. 208]. Гораздо реже обращают внимание на следующие два обстоятельства: во-первых, среди источников Ломоносова во время его спора с Миллером были сочинение Христофора Целлария, а также немецкий перевод изданной Лондонским королевским обществом “Всемирной истории с древнейших времен” (где этноним “русь” также производится от роксалан) [4, С. 158-159]. Поз-

же, при написании своей “Древней Российской истории”, Ломоносов добавил ссылки на сочинения М. Кромера и М. Стрыйковского [5, С. 43, 107], упоминавших о происхождении имени русских от роксалан. Во-вторых, сам автор “Синописа”, очевидно, знал и использовал польские произведения XVI-XVII вв., в которых наличествовала все та же роксаланская версия [6, С. 46-47].

Традиция возводить имя русских к роксаланам восходила еще к рубежу XV и XVI вв., когда итальянский гуманист Рафаэль Маффеи по прозвищу Волатеран писал в своем “*Commentariogum urbanogum osto*”, что роксалан “мы ныне называем русские или рутены” [7, прим. 36]. Эти взгляды были широко растиражированы авторами XVII в. и прочно укоренились к тому моменту, когда Христофор Целларий писал трактат о древней географии (1701-1706 гг.), попав, в том числе, в лексиконы, энциклопедии и т.п. справочные издания, печатавшиеся в Европе [8, С. 50]. Отсюда видно, что во время Ломоносова производить имя русских (или даже сам народ) от роксалан не считалось маргинальным, а, напротив, это был доминирующий взгляд европейского ученого сообщества и, споря с Миллером, Ломоносов выступал как поборник устоявшегося ученого мнения.

Когда Ломоносов приступил к детальной разработке “Древней Российской истории”, роксаланская версия оказалась чересчур краткой и схематичной, ее понадобилось развить. Действительно, европейские авторы искали ответы в рамках проблематики переосмысления античного наследия, т.е. старались привязать современные им народы к античной этнонимии. Для них было вполне допустимо просто указать на тождество роксаланов и русских, не вдаваясь в подробности того, какой именно путь прошли первые, чтобы стать вторыми.

Проблематика Ломоносова – это написание ранней национальной истории. Само собой, перед ним стояла задача изложить событийную канву. Последнюю можно было почерпнуть из “Синописа”, но, в первую очередь, из русских источников, которые Ломоносов определяет как “степенныя книги и летописцы” [5, С. 5, 44]. Эти источники ничего не знали о происхождении имени “русь” от роксалан. Летописная традиция, берущая начало еще в XI в., связывала происхождение “руси” с варягами, “от варяг прозвашася русью” [9, С. 20]. Эта традиция старательно сохранялась на протяжении веков. Составители летописных сводов воспроизводили сюжет с призванием варягов практически без изменений. Однако в середине XV в. он в отдельных своих частях стал непонятен, появились добавки, вроде разъяснений о том, что Рюрик, Синеус и Трувор избрались “от Немец”, наконец, некоторые сводчики выпускали фразу о происхождении имени “русь” от варягов [10, С. 2]. В начале XVI в. традиционная летописная событийная канва была обновлена династической леген-

дой, согласно которой генеалогия Рюриковичей восходила к римскому императору Августу через посредство мифического князя Пруса, очевидного эпонима Пруссии. В “Книге степенной царского родословия”, составленной в 60-е гг. XVI в., варяг Рюрик приглашался из Пруссии. Легенда была своеобразным ответом на династическую проблематику и не имела первоначально отношения к происхождению имени “русь”. В Степенной книге фраза “от варяг русью прозвахомся” [11, С. 6] находится во вводной части, а не во фрагменте о Рюрике Прусском: уточнение происхождения национального имени не представляло интереса для автора.

Ломоносов вполне доверял своим источникам, полагая, что варяги-русь прибыли с южного берега Балтийского моря, из Пруссии. Знал он также, что имя россиян произошло от имени роксалан, обитавших в античное время в Северном Причерноморье [4, С. 158]. Необходимо было либо отказаться от одной из версий, либо предложить такую комбинацию, которая смогла бы их непротиворечиво объединить. Здесь его задача была сложнее, чем у европейских авторов, ибо в Европе фактически не было известно, что имя “русь” попало к восточным славянам вместе с варягами. Помимо основной, роксаланской концепции, насчитывается еще несколько точек зрения, как-то: произведение этнонима “русь” от расселения жителей, от героя-эпонима Руса, от названия города Старая Русса и т.д. [8, С. 47-57]. О варягах также знали, прежде всего, из сочинений Я. Длугоша и С. Герберштейна, но, что характерно, ни тот, ни другой авторы, ни их последователи не связывали “русь” и варягов. Герберштейн на основании созвучия выводил варягов из города Вагрии, из области вандалов, считая последних славянами [12, С. 60].

Ломоносову же пришлось согласовывать одновременно три традиции: летописную, легендарную династическую и ученую европейскую. Он сделал это, предположив, что роксаланы переселились на южный берег Балтийского моря, после описанных в античных источниках их столкновений с готами. Опорой такового предположения стала информация Гельмольда (XII в.) о проживавшем в регионе Балтийского Поморья народе алан (алан и роксалан считали одним народом) [5, С. 49]. Легендарный контекст хроники (соседство алан с амазонками и троглодитами) не смутил Ломоносова, поскольку другие его источники однозначно отождествляли имя “русь” с варягами, выводя последних из Прусской земли, а, значит, сообщение Адама подтверждалось перекрестной проверкой по различным источникам. Роксаланы, проживая на Балтийском море, именовались россы, этим отличаясь от всех прочих варягов, которых Ломоносов в согласии с летописью считал собирательным обозначением для многих народов Балтийского побережья. Именно эти варяги-россы во главе с Рюри-

ком прибыли в Новгород. Оставшееся по ним население по остроумной гипотезе Ломоносова стало именоваться Поруссы или Пруссы, то есть оставшиеся на прежнем месте по уходу россов [5, С. 49-57]. Таким образом, европейская концепция роксаланского происхождения русских была вписана в событийную канву призвания Рюрика с братьями и начала русского государства.

Миллер в споре с Ломоносовым оказался побежденным. Его речь (диссертация) была запрещена, а тираж ее уничтожен. Как правило, именно это обстоятельство указывают в качестве причины, заставившей Миллера скорректировать свои взгляды в изданном через десятилетие после дискуссии сочинении “О народах” [13, С. 20]. По-видимому, это было важной причиной, однако не единственной. В диссертации Миллер производил имя “русь” от финского наименования шведов – “россалайнен”, которое переняли восточные славяне. Однако название с корнем “росс” появилось у финнов, как он писал, “неведомо по какой причине” [14, С. 396]. Конечно, такое мнение не было обоснованным, в противовес устоявшейся роксаланской этимологии. Позднее Миллер находит подтверждение тому, что роксалайны были готским племенем. Поскольку Скандинавы также происходили в представлении Миллера от готов, он уже не видит ничего удивительного в том, что финны могли спутать роксалан и шведов (так он объясняет тот факт, что шведы от финнов зовутся россалайнен). Кроме того, возвратиться к роксаланскому происхождению имени “русь” заставило Миллера и знакомство с текстом Равенского анонима (ок. 700 г.), помещающего роксалан на побережье Балтики [15, С. 109]. Единственное, что Миллер отрицал до конца – это славянство роксалан и варягов. Таким образом, ученое мнение XVI-XVII вв. оказалось востребованным не только Ломоносовым, но и Миллером, хоть и снабжено иной аргументацией.

Библиографический список

1. Шлецер А.Л. Нестор. Т. 1. – СПб., 1809.
2. Карамзин Н.М. История государства Российского. – Т. 1.
3. Пештич С.Л. Русская историография XVIII в. Ч. II. – Л., 1965.
4. Ломоносов М.В. Сочинения. Т. 5. – СПб., 1902.
5. Ломоносов М.В. Древняя Российская история. – СПб., 1766.
6. Рубинштейн Н.Л. Русская историография. – М., 1941.
7. Кудрявцев А.Н. Трактат Иоганна Фабри “Религия московитов” // Россия и Германия, Вып. 1. – М., 1998.
8. Мыльников А.С. Картина славянского мира: Взгляд из Восточной Европы: Представления об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII в. – СПб., 1999.

9. ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. – Л., 1926-1928.
10. ПСРЛ. Т. 23. Ермолинская летопись. – СПб., 1910.
11. Книга степенная царского родословия. Ч. 1. – СПб., 1775
12. Герберштейн С. Записки о Московии. – М., 1988.
13. Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа XVIII – начала XIX вв. – М., 1985.
14. Миллер Г.Ф. О происхождении имени и народа Российского // Фомин В.В. Ломоносов: Гений русской истории. – М., 2006.
15. Миллер Г.Ф. О народах издревле в России обитавших. – М., 1773.

С.С. Селиверстов

Самарский государственный университет

РОДОСЛОВНАЯ А.Н. НАУМОВА

Быт и традиции русского дворянства, вопросы генеалогии всегда привлекали внимание исследователей. Интерес к генеалогии русского дворянства связан с тем, что в ориентации социального поведения отдельной личности прослеживается устойчивый генетический компонент. Актуальность этой проблемы еще в начале XX века была отмечена Л.М.Савеловым: “ ... генеалог должен выяснить значение отдельных семейств и отдельных личностей в общем ходе исторических и культурных событий в жизни данного народа или данной страны” [1, С.12]. В различных регионах России выходят исследования, содержащие биографические и генеалогические сведения о представителях дворянского сословия. Авторы этих работ стремятся проследить жизнь и судьбу личности, особенности психологии и поведения, показать не только общественный, но и человеческий облик дворянина.

Происхождение дворянского рода Наумовых относится к XIV веку. По семейной легенде Наумовы – дворянский род, происходящий от выехавшего из Швеции к Великому князю Симеону Иоанновичу Гордому “мужа честна, имя ему Павлик” [2, Л.111]. У него был внук Наум Андреевич, от имени которого и произошла фамилия. Потомки его служили в боярах, наместниками, послами в Крыму и Швеции, стольниками, окольными, полковыми и городовыми воеводами, стряпчими. Ивану (Горяину) Ивановичу Наумову “по указу Царя и Великого Князя Ивана Грозного 5 мая 1578 года было пожаловано поместье в д. Лихачеве (Лихачах), на р. Пузе, Арзамасского уезда в Ичаловком стану” [2, Л.112]. В конце XV – начале XVI вв., его наследникам и родственникам были пожалованы поместьями в Арзамасском и Саранском уездах, в Суздальском уезде и Коломне. В кон-

це XVIII – первой половине XIX вв. выделилось множество ветвей рода: калужская, курская, тульская и поволжская. Поволжская ветвь рода вела свое начало со времени пожалования царем Алексеем Михайловичем стольнику Даниилу Наумову большого поместья в этом районе.

От брака Михаила Ивановича Наумова с Анною Михайловною Языковой, “в числе других детей, произошел сын Михаил, который совместно с братом Петром, служил в Лейбгвардейском Преображенском полку” (1873-1792) [2, Л.117]. Сын Михаила Михайловича Наумова также Михаил (1800- 1880) поступил в военную службу 16 февраля 1818 г. юнкером в Лейбгвардейский Конный полк, с 1819 – корнет. Затем он перешел в Арзамасский конно-егерский полк и получил назначение адъютантом к командиру отдельного Оренбургского корпуса, уволен в отставку подполковником в 1830г. В 1845-1848 г. был Симбирским губернским предводителем дворянства. От брака с Варварой Алексеевной Пановой у него было три сына: Михаил, Алексей и Николай. От брака старшего сына Михаила с Екатериной Павловной было пять детей – Михаил, Павел, Алексей, Николай и Мария. Жизнь и деятельность двоюродных братьев А.Н.Наумова – Павла, Николая и Алексея связана со Ставропольской землей. Павел Михайлович Наумов—председатель Ставропольской уездной земской управы (1892-1894), предводитель дворянства Ставропольского уезда (1909-1910). Николай Михайлович Наумов – в 1900-1903 гг. Ставропольский уездный предводитель дворянства, председатель уездного земского собрания. Алексей Михайлович Наумов занимал пост Ставропольского уездного предводителя дворянства в 1907-1909 гг.

Алексей Михайлович Наумов служил в Саксен-Веймарском гусарском полку, участвовал в Крымской войне. Был женат на Наталье Эрнестовне фон- Вик. Отец А.Н. Наумова – Николай Михайлович Наумов (1835-1903) после трех лет военной службы (с 7 октября 1853 г. по 11 декабря 1856 г.), в которой за отличное мужество и храбрость оказанные при сражении против турок, англичан и французов в Крыму 13 октября 1854 г. у д. Чургуня 5 декабря 1854 г. получил чин корнета, вступил в число мировых посредников первого призыва по Ставропольскому уезду Самарской губ., а с 25 сентября 1865 г. был утвержден предводителем дворянства этого уезда. Эту должность он занимал до увольнения 3 октября 1869 г. в отставку по болезни.

Мать А.Н. Наумова – Прасковья Николаевна Ухтомская (1840-1917) родилась в с. Вослом Рыбинского уезда Ярославской губернии, ее родителями были: князь Николай Васильевич Ухтомский и княгиня Елизавета Алексеевна (урожд. Наумова). От брака Н.М. Наумова и П.Н. Ухтомской было трое сыновей – Дмитрий (1862-1898), Николай

(1864-1910) и Александр (1868-1950). Жена Александра Николаевича Наумова – Анна Константиновна Ушкова выросла в большой дворянской семье, где кроме нее было еще пятеро детей – четверо сыновей и младшая дочь – Наталья. Глава семейства – Константин Капитонович Ушков владел крупным имением в размере 13500 десятин в селе Новый Буян, а также имением при с. Рождественно Сызранского уезда. От брака А.Н.Наумова с Анной Константиновной Ушковой родилось четыре дочери и два сына.

Род Наумовых постановлениями Симбирского Дворянского Соборания 10 октября 1796 г. и 26 марта 1812 г. был признан, а 12 апреля 1843 г. подтвержден в древнем дворянском достоинстве, но Департаментом Герольдии эти постановления утверждены не были. Поэтому, согласно ходатайству деда А.Н. Наумова подполковника Михаила Михайловича Наумова, его семейство было внесены во II часть дворянской родословной книги Самарской губернии. В 1911 году А.Н. Наумов ходатайствовал перед Сенатом о признании рода Наумовых в древнем дворянском достоинстве, “о перенесении лиц этого дворянского рода в VI часть дворянской родословной книги” [2, Л.119]. Это ходатайство было удовлетворено.

Библиографический список

1. Савелов Л.М. Лекции по русской генеалогии. – М., 1994.
2. Государственное учреждение Самарской области Центральный государственный архив Самарской области (ГУСО ЦГАСО). – Ф.430. – Оп. 1. – Д. 1465.

В.С. Замуленко

Самарский государственный университет

ЛДПР И РУССКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ XIX – НАЧАЛА XX вв.: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПРОГРАММ ИЛИ НАЗВАНИЙ?

Крах коммунистического проекта в 1991 г. привел к возрождению идеи либеральной демократии, открытого общества, рыночной экономики и правового государства. Вполне естественно, что более чем семидесятилетнее господство тоталитарного режима актуализировало многие либеральные представления, а в период агонии коммунистической системы и вскоре после окончательного краха произошел всплеск общественного интереса к либеральным идеям [1].

Впрочем, партии и движения, открыто называющие себя либеральными, появились несколько позже. По иронии судьбы название “либерально-демократическая” к тому времени уже было “занято” партией В.В. Жириновского [2]. Главной сенсацией на парламентских выборах 12 декабря 1993 года, стала победа либерально-демократической партии России, набравшей 12 318 562 голоса (22, 92%, что дало ЛДПР 59 мест в думе) [3, С.103]. С тех пор ЛДПР уже пять раз проводила своих депутатов в Государственную Думу [4].

Ключевым вопросом становится: можно ли найти преемственность между возрожденным либеральным течением в лице ЛДПР и его дореволюционным аналогом? И отражает ли название партии – “либерально-демократическая” – суть ее программных установок? Для ответа на этот вопрос сопоставим программы ЛДПР и дореволюционных либеральных политических партий и идейных течений по следующим параметрам: экономическая программа; политика по национальному вопросу; ценностные приоритеты.

Принцип нейтральности государства [5] является один из основополагающих принципов либерализма, однако, программные установки ЛДПР в своей основе противоречат данному принципу. ЛДПР считает, что около 70% экономики должно быть в руках государства. Государственный сектор должен включать в себя предприятия военно-промышленного комплекса (ВПК), топливно-энергетического комплекса, транспорта и связи, металлургической промышленности и тяжелого машиностроения, а также добывающих отраслей стратегического характера. В частных руках должна остаться только легкая и пищевая промышленность, и то не полностью. Целесообразно ввести систему прогнозирования (планирования) экономического развития страны на качественно новой основе [6].

Если же суммировать основные требования либеральных теоретиков партий кадетов, октябристов и прогрессистов в области государственного вмешательства в экономику, то их можно свести к следующим пунктам: 1) разрешить открытый доступ частного капитала к эксплуатации природных богатств, к более широкому участию в железнодорожном строительстве, горных промыслах, в связи и др; 2) ликвидация или же максимальное сокращение казенного хозяйства; 3) государство по существу должно выполнять функцию распределения заказов среди частнокапиталистического производства [7]. Лидер фракции прогрессистов А.И. Коновалов высказывался против политики “расширения хозяйственной операции казны”, “вовлечение ее в новые отрасли народного хозяйства” и “всякого рода коммерческие предприятия”.

ЛДПР считает необходимым проводить политику, направленную на воссоединение большинства бывших советских республик в еди-

ное демократическое государство [8]. Выступает за возрождение русского народа, за его исключительное положение, проводя политику “Что хорошо для русских, хорошо всем” [9].

Русский либерализм в начале XX века в лице Н. Бердяева, П. Милокова, П. Струве в отношении к России как к Российской империи, и в своем отношении к российскому патриотизму, и русскому народу не отличались от дореволюционных почвенников, консерваторов. Они воспринимали Российскую империю в ее границах, с необъятными территориями как свою многонациональную Родину. При всем своем либерализме, при всем своем пристрастии к свободе дореволюционные западники испытывали сакральное, почти религиозное отношение к России как Родине.

ЛДПР полагает, что достижение блага каждого возможно исключительно через достижение общего блага, которое, в свою очередь, достигается путем приоритета государственного интереса [10]. Что, в свою очередь, напрямую противоречит не только традициям русской либеральной школы, но и принципам либерализма вообще.

Политика партии ЛДПР не отличается последовательностью и часто меняется в зависимости от политической конъюнктуры. Для нее характерно государственничество, имперский стиль мышления, социально демократические лозунги и необычный для современных партий вождизм. Анализ программных положений партии В.В. Жириновского позволяет отнести ее, скорее к левой части политического сектора, и условно поставить в один ряд с современными социал-демократическими партиями “КПРФ” и “Справедливая Россия”. Ориентиры на национально-патриотическую проблематику позволяют характеризовать ЛДПР не как националистическую партию, а как продолжателя традиции русского дореволюционного либерализма и патриотизма.

Таким образом, ЛДПР Жириновского, первоначально отталкиваясь от чисто либерально-демократических лозунгов (свобода, рынок, правовое государство и т.д.), впоследствии заняла нишу “национал-державников” [11], и, исходя с имперских позиций, проводила свою политику.

Библиографический список

1. Кортунов С.В. Национальная идентичность: Постижение смысла. — М., 2009.
2. Мовсесян А.Г. Либерализм и Экономика. — М., 2008.
3. Полис. — М., 1994. — № 4.
4. 20 лет ЛДПР. — М., 2009.

5. Графский В.Г. История политических и правовых учений: учеб. – М., 2005.
6. Идеология ЛДПР. – М., 2010.
7. Секеринский С.С., Шелохаев В.В. Либерализм в России: Очерки истории (середина XIX – начало XX в.). – М., 1995.
8. Официальный сайт ЛДПР. URL: <http://www.ldpr.ru/party/Program> (Последнее посещение 28.10.2010).
9. За русский народ. – 2010. – № 1.
10. Политические партии России: история и современность / Под ред. проф. А. И. Зевелева, проф. Ю.П. Свириденко, проф. В.В. Шелохаева. – М.: “Российская политическая энциклопедия”, 2000.
11. Российская политика: Курс лекций. – М., 2006.

М.А. Земницкая

Казанский федеральный университет

ПРАВОСЛАВНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ: СИНТЕЗ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И ЦЕРКОВНОЙ ИДЕОЛОГИИ

Синодальный период в истории Русской Церкви не несет в себе только негативные окраски, он привносит в церковь новую систему организации, новое понимание самой религии [1, С. 43], которая начинает рассматриваться как оружие государственного управления. Большое влияние на церковь оказывает не только Петровская эпоха, но и Эпоха Просвещения Екатерины II. Если Петр сломал традиционное церковное управление и сделал Церковь механизмом государства, то Екатерина внесла с идеей Просвещения новое понимание мира и ценностей.

История Церкви в Екатерининский период является достаточно изучено. В основном рассматривается процесс секуляризации церковного имущества. Но исследователи обходят стороной проблему влияния идей Просвещения. Одна из немногих работ по проблеме взаимодействия православия и Просвещения – это статья О. А. Цапиной [2], в которой она подняла вопрос о том, как взаимодействуют Православие и Просвещение, и было ли влияние идей Просвещения на православие или же эти идеи отвергались и не прижились на русской почве.

Эпоха Просвещения в России совпала с эпохой классицизма, когда шло переосмысление окружающей действительности. Идет попытка очищения православия от суеверий и возвращению к евангельской вере. К тому же на смену идее о Третьем Риме, приходит идея о том,

что Россия — это наследница всего Античного мира [3, С. 63]. К этому времени Синодальная реформа Петра I дала свои результаты и начинает появляться новое духовенство, сменившее старое. На смену малороссийскому духовенству, которое очень негативно относилось к преобразованиям, пришло великоросское духовенство, которое было уже частью регулярного государства Петра I [4, С. 547]

Само государственное отношение Екатерины к Церкви были ясно запечатлены характером тогдашних либерально — политических воззрений на религию и Церковь. По этим воззрениям религия считалась очень важной и опасной политической школой, которой нужно умело пользоваться как лучшим орудием в управлении народом, но, которую, необходимо подчинить государственным интересам.

Екатерина с самого начала своего правления считала, что Церковь не должна вмешиваться в государственные дела, а делами духовными. Наиболее остро встает вопрос о том, как должно пониматься истинное православие и какое место оно занимает в жизни всего государства и отдельного человека.

История русской Церкви периода правления Екатерины Великой является достаточно изученной, но исследователи этого периода обходят стороной проблему влияния на православное образование, формирование церковных структур идей Просвещения. Особенно сильное влияние идеи французского Просвещения начинают оказывать еще в период правления Елизаветы Петровны, а со временем вступления на престол Екатерины, оно утвердилось окончательно. Английский деизм, прошедший через французскую философию, становится популярным направлением не только среди светского общества, но и в кругу высшего духовенства. Идеи деизма прослеживаются и в работах митрополита Платона (Левшина). Но здесь следует сразу отметить, что митрополит не слепо копирует идеи западных просветителей, а привносит свое понимание этого явления, говоря о том, что “проведение божие есть не ложное, однако не нарушающее свободу действий человеческих” [5, С.87].

Но не только митрополит Платоноказался под влиянием идей Просвещения, и реализует их в богословии. Он признавал, что законы — это дар Божий, так же как и разум, которым наделил Бог человека как образ и подобие свой. Митрополит обращает большое внимание на возрождение “евангельской веры” основанной на двенадцати символах веры, принятых еще на Никейском соборе. Также эти идеи воспринимали архиепископ Дмитрий (Сеченов), который в ответ на проект обер — прокурора И.И. Мелиссино по реформированию церкви подает свою записку, которая во многом отражает не только идей Просвещения, но и проскальзывают элементы протестантизма.

Также влияния Просвещения не удалось избежать и епископу Тихону (Соколовскому), который находился под влиянием книги И. Арндта “Об истинном христианстве” [6, С. 69].

Таким образом, можно проследить тенденцию к тому, что влияние Просвещения на православие было, но это было не слепое копирование западных идей, которые были чужды православному миру, а их адаптация к православному миру. Идеи православия и Просвещения настолько переплетались между собой, что было практически невозможно выявить собственно православный и просветительский элементы.

Библиографический список

1. Карташев А.В. Очерки по Истории Русской Церкви. – М., 1992. – Т.2.
2. Цапина О. А. Православное просвещение – оксюморон или историческая реальность // Европейское Просвещение и цивилизация России / Отв. ред.С. Я. Карп, С. А. Мезин. М.: Наука, 2004.
3. Маркова О.П. О происхождении так называемого греческого проекта (80-е гг. XVIII в.) / О.П. Маркова // История СССР. – 1958. – № 4.
4. Исабель де Мадариага. Россия в эпоху Екатерины Великой. – М.: Новое литературное обозрение, 2002.
5. Платон (Левшин). Иерм. Сочинения. Православное учение или краткая богословия. – СПб., 1765.
6. Ходзинский П. Два труда об истинном христианстве – Святитель Тихон Задонский и Иоганн Арндт. // Журнал Московской патриархии. – 2004. – № 2.

В.В. Суворов

*Саратовский государственный
технический университет*

“ВОСТОЧНИЧЕСТВО” Э.Э. УХТОМСКОГО И СЛАВЯНОФИЛЬСКАЯ ТРАДИЦИЯ ОТНОШЕНИЯ К ЗАПАДУ

В 90-е гг. XIX в русской внешней политике и дипломатии, а также в интеллектуальной и духовной жизни наметился поворот к Востоку. Одним из направлений в общественной мысли, основанном на идее культурной и исторической общности России и Востока и переориентации российской политики в Азию, стало так называемое “восточ-

ничество” [1, С. 32], главным выразителем которого выступал приближенный Николая II, редактор “Санкт-Петербургских ведомостей, князь Эспер Эсперович Ухтомский. “восточничество” Ухтомского, несмотря на то, что оно ориентировано на общность исторического пути России и Азии, имеет некоторые общие черты с взглядами славянофилов (А.С. Хомяков, И.В. и П.В. Киреевские, И.С. и К.С. Аксаковы), что позволяет некоторым исследователям относить идеи Ухтомского к славянофильской традиции [2, С. 92].

Главным сходным моментом является то, что Ухтомский последовательно противопоставляет Россию и Запад. Как и славянофилы, Ухтомский считал, что для русских несвойственны и чужды западное увлечение разумом и материализм, который убивает “миросозерцание современных европейцев среднего уровня” [3, С. 48]. Находясь в Калькутте князь писал: “Мы не меньше ее [Калькутты], на берегах Невы, облагодетельствованы светом знания; но так же, как и эта “порфиноносная” представительница индуизма и даже отчасти индийского ислама, склонны чувствовать свою духовную политическую обособленность от отягощенных слишком требовательно цивилизацией германо-романских земель. Для нас, для нетронутого в ее недрах Русского Востока, для Азии основу жизни составляет вера: вера в Непостижимое, преклонение перед единою богоустановленной властью, жажда нравственного подвига и обновления” [4, С. 33]. Далее князь отмечает: “Когда среди смуты века, со столь простодушным миросозерцанием миллиарда людей соприкасается материалистически настроенный человек Запада, разлад между ним и нами неизбежен, немолчим, так сказать намечен самой природой явлений” [4, С. 33-34].

К противопоставлению культурных ценностей России и Запада у Ухтомского также добавляется неприятие принципов ведения европейской колониальной политики. Противопоставление политики России и западных держав неоднократно встречается на страницах “Путешествия...”: “Мы – славяне – бессознательно служим идеалам веротерпимо-демократического свойства, западные же европейцы всегда и во всем стремятся к насильственному господству над отвергаемыми по принципу “низшими” расами...” [5, С. 213].

Одним из наиболее важных и центральных вопросов в концепциях славянофилов и западников, по которому их взгляды расходились в противоположные стороны, были реформы Петра I и их значение для дальнейшего развития России. Ухтомский же не высказывал напрямую своего отношения к петровским преобразованиям, хотя определенно разграничивал допетровскую Русь и время после его правления [4, С. 2]. Д. Схиммельпенник отмечая “славянофильский отенок” в логике Ухтомского, объяснял его позицию следующим обра-

зом: “Становясь ближе к Азии... Россия отказывается от Петровских реформ и возвращается к своим истинным корням” [2, с. 92]. Однако, такое объяснение представляется весьма сомнительным. Из цитаты, приводимой в книге, о том, что за Алтаем и Памиром та же “никакими мыслителями не созданная” допетровская Русь, с характерными для нее особенностями, совсем не следует, что Россия, сближаясь с Азией, возвращается к своим корням. К тому же это противоречит той исторической миссии, которую видел Ухтомский в продвижении России на Восток — его пробуждении и обновлении. К тому же влияние Запада, который “умственно дисциплинирует” Россию, Ухтомский значительно снижает: он “лишь тускло отражается на нашей жизненной поверхности, все под нею и в недрах народного быта проникнуто и дышит глубоко восточными умозрениями и верованиями” [4, с. 287]. Это косвенно характеризует отношение Ухтомского к влиянию петровских реформ на российскую культуру, которые несмотря на поверхностную европеизацию российского общества не изменили культурных основ и традиций русского народа, сформировавшихся под влиянием монголо-татарского господства.

При критике рационализма и меркантилизма умственно дисциплинирующего Запада для него “западное общечеловеческое просвещение” [4, с. 38], все же имело большую значимость и давало основания видеть в России более продвинутую культуру, которая в сочетании со своими коренными традициями была способна и призвана пробудить Восток. Ухтомский отмечал “очевидную пользу” культурных и цивилизующих влияний на Россию “германизма” [3, с. 70], хотя он был “страшнее и беспощаднее” чем близкая и родная Азия.

Таким образом, и взгляды Ухтомского и взгляды славянофилов основываются на противопоставлении исторического развития Европы и России, и отстаивании самобытности русской культуры. Однако в отношении петровских реформ их мнения несколько расходятся. Славянофилы критически относились к Петру I и его реформам. Ухтомский, определенно выделяя допетровский этап в истории России, не выступает с критикой самих петровских преобразований. Отмечая их слабое влияние на основы русской культуры, он в то же время выделяет и положительные стороны западного влияния.

Библиографический список

1. Межуев Б.В. Моделирование понятия "национальный интерес" (на примере дальневосточной политики России конца XIX — начала XX века) // Полис. — 1999. — № 1.

2. Схиммельпенник ван дер Ойе Д. На встречу восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. — М., 2009.

3. Ухтомский Э.Э. К событиям в Китае. Об отношении Запада и Востока к России. — СПб., 1900.

4. Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. 1890—1891. — Лейпциг, 1895. — Т. II. — Ч. 3.

5. Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. 1890—1891. — Лейпциг, 1895. — Т. II. — Ч. 4.

А.Н. Козлова

Уральский государственный университет

“ПРОСВЕЩЕННАЯ БЮРОКРАТИЯ” В ОФИЦИАЛЬНОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ В РОССИИ СЕРЕДИНЫ XIX в.

Середина XIX в. (конец правления Николая I — начало правления Александра II) — сложный, переломный период в истории России, когда очевидной стала необходимость комплексной модернизации страны, преодоления отставания от западноевропейских государств. В условиях отсутствия развитых институтов гражданского общества в России роль инициатора модернизационных процессов взяла на себя так называемая “просвещенная бюрократия”, то есть слой высокообразованного чиновничества [1, С. 85].

Поколение реформаторов сформировалось в 1830-40-е гг. во многом благодаря продуманной политике Николая I в области подготовки “профессиональных и государственно мыслящих чиновников” [3, С. 50]: расширение возможностей доступа к высшему образованию для талантливых молодых людей не из привилегированных сословий. Эти чиновники не могли и не хотели ограничиваться только канцелярской работой: они занимались наукой, творчеством и журналистикой. Последнее обстоятельство представляет интерес для нас, поскольку журнальная публицистика позволяла в условиях цензуры прямо или косвенно выражать свои взгляды.

“Журнал Министерства народного просвещения” (ЖМНП) был основан в 1834 г. по инициативе министра народного просвещения С. С. Уварова как проводник теории официальной народности. По нашему мнению, идеологическую функцию ЖМНП не потерял и

в середине XIX в. В этом аспекте журнал не привлекал внимания исследователей. ЖМНП относится к категории официальной, ведомственной печати; такой тип периодики в XIX в. занимал центральное место, частные издания значительно ему уступали [2, С. 445]. Журнал был адресован широким просвещенным кругам российского общества (учителям разных уровней, профессорам, студентам), которые были наиболее восприимчивы к новым политическим веяниям. Анализ статей ЖМНП дает нам возможность проследить эволюцию взглядов “просвещенной бюрократии”, которая определяла тренды развития страны в предреформенный период.

За период с 1853 по 1860 г. авторами ЖМНП стали 140 человек. Из них мы выделили в категорию “просвещенная бюрократия” тех, кто находился на управляющих должностях в 1830-1840-е гг. и был воспитан в николаевской идеологической парадигме. Среди авторов ЖМНП 1853-1860 гг. такими являются 86 человек (61%), им принадлежит 204 статьи из 253 учтенных (то есть 81%). В разные годы количество статей, написанных изучаемой группой, не было меньше 70%. Все это позволяет нам говорить о значительном влиянии данной социальной группы и доминировании ее взглядов в ЖМНП.

Используя метод просопографического анализа, мы составили коллективный портрет “просвещенной бюрократии”, представленной в ЖМНП [4] [5]. По происхождению эта группа делится на следующие категории: выходцы из духовного звания (19 человек, 22%), высшее и среднее дворянство (16 человек, 19%), мелкое дворянство (12 человек, 14%), лица иного невысокого происхождения (9 человек, 10%), купечество (8 человек, 9%), городские сословия (7 человек, 8%) и иноподданые (7 человек, 8%), у 10% не удалось выяснить происхождение. Практически каждый имел высшее образование (82 человека, 95%); 4 человека (5%) — среднее образование. 10% (8 человек) получили дополнительное высшее образование в европейских университетах (во всех случаях по командировке, за государственный счет).

Социальный портрет “просвещенной бюрократии” выглядит следующим образом: это преимущественно выходцы из непривилегированных слоев общества, имеющие высшее образование и получившие его благодаря личным талантам и покровительству, занимающиеся наукой и преподаванием, но при этом занятые в сфере управления.

“Просвещенная бюрократия”, сформировавшаяся в 1830-1840-е гг., стала носителем новой, прогрессивной идеологии, которая отвечала представлениям молодого императора о путях модернизации России. Контент-анализ ЖМНП показал, каким трудным и неоднозначным был путь поиска “просвещенной бюрократией” государственной стратегии развития страны. К 1861 г., казалось бы, либеральные начала

в официальной печати победили, однако, как показывает история, эта тенденция не переросла в закономерность, оставшись лишь порывом. Действительно ли целью властей было мирно, без конфликтов сменить вектор развития и прийти к умеренному либерализму, который бы не противоречил традиционным монархическим ценностям, и что помешало реализации этой цели, — это уже вопросы других исследований.

Библиографический список

1. Данилов А. Г. Глава государства и его окружение в России: исторический опыт // Вопросы истории. — 2010. — №7.
2. Дергачева Л. Д. Периодическая печать // Очерки русской культуры XIX века. В 6 т. — Т. 3. Культурный потенциал общества. — М., 2001.
3. Мамонов А. В. Интеллектуальные задачи и возможности власти в XIX веке // Отечественная история. — 2005. — №4.
4. Русский биографический словарь: в 32 т. — СПб., 1896-1905.
5. Энциклопедический словарь: в 86 т. / Под ред. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. — СПб., 1890-1906.

М.А. Ицкович

Самарский государственный университет

РУССКИЙ НИГИЛИЗМ 1860-х ГОДОВ: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ РАМКИ

Слово “нигилизм” в России употреблялось в журнальной полемике, начиная с первой трети XIX века, но не имело определенной смысловой окраски. После опубликования в 1862 году романа И.С. Тургенева “Отцы и дети” нигилистами стали называть представителей разночинной интеллигенции, выступавших с критикой существовавших общественных порядков.

Термин “нигилист” был не самоназванием той социальной группы, которую он призван был обозначать, а, напротив, использовался ее противниками с целью дискредитации, изначально носил негативный оценочный характер. Не случайно нигилисты практически никогда себя так не называли, изобретая различные самоназвания — “новые люди”, “мыслящие реалисты”, “передовая молодежь” и т.д. Тем не менее, термин укоренился и стал наполняться массой различных значений.

Во-первых, нигилизм мог трактоваться как “учение”, интеллектуальное направление или идеология. При таком толковании теряется своеобразие нигилизма как феномена именно 1860-х годов, ведь люди с подобными взглядами существовали в России и в XVIII, и в первой половине XIX века, только их тогда называли “вольнодумцами”, “вольтерьянцами” или “фармазонами”. Все составные части “нигилистического” образа мыслей — враждебность к самодержавию и официальной церкви, материализм и даже социалистические устремления — были характерны уже для наиболее радикальных интеллектуалов 1840-х годов.

В официальном лексиконе и консервативной печати на протяжении 1860-1880-х годов все больше усиливался политический оттенок термина “нигилист”. В отчете Третьего Отделения за 1869 год указывалось, что русский нигилист “соединяет в себе западных: атеиста, материалиста, революционера, социалиста и коммуниста. Он отъявленный враг государственного и общественного строя, он не признает правительства” [1, С.685]. Слова “нигилист”, “бунтовщик” и “революционер” стали в общественном мнении синонимами. Такое понимание термина переключало в Западную Европу, где нигилистами стали называться террористы-народовольцы, а впоследствии это слово стало обозначением всех русских революционеров, вплоть до большевиков.

Политизация понятия “нигилист” отражала реальные изменения, происходившие в разночинской среде на протяжении 1870-х годов, но применительно к 1860-м годам подобное толкование термина неправомерно сужает его границы. Сами деятели революционного движения признавали нигилизм явлением более широким и значительным, чем революционное подполье, относящимся к сфере культуры, а не политики [2, С.386].

Наконец, третья, довольно распространенная, трактовка нигилизма состоит в том, что это было индивидуалистическое движение, стоявшее в стороне от политических и социальных вопросов, направленное исключительно на освобождение личности от семейных, религиозных и бытовых традиций. Идеологом этого направления, как правило, считается Д.И. Писарев. В подобной трактовке главным признаком, объединяющим нигилистов, выступают символы и знаки, демонстрировавшие их принадлежность к сообществу: одежда, речь, стиль поведения [3, С.505]. Но тогда остается непонятным, почему нигилисты создали целую систему коллективных предписаний и механизмов, иногда довольно жестко регулировавших поведение отдельной личности.

Все перечисленные варианты понимания нигилизма — интеллектуальное течение, политическое движение, образ жизни — имели свои

основания в реальной жизни: нигилистом могли назвать и любого “вольнодумца”, и революционера, и молодого человека, подражавшего “нигилистической моде”. В то же время каждое из этих определений страдает неполнотой или, напротив, чрезмерной широтой, и абсолютизация какого-то одного определения существенно искажает историческую реальность. Множественность определений нигилизма показывает, что в реальности это была многослойная общность с различной мотивацией ее участников.

Нигилизм, в том виде, в каком он сложился к середине 1860-х годов, представляется нам в виде многослойной, “трехуровневой” структуры. Его стержнем можно считать “основной круг” – сообщество людей с общими убеждениями, ценностями, образом жизни и институциональными связями в виде кружков, коммун и артелей, которые одновременно были и “лабораториями” по созданию новой культуры, основанной на социалистических принципах. Внутри этого сообщества выделялся более узкий и постепенно все больше обособлявшийся “внутренний круг” профессиональных революционеров, для которых задачи культурного строительства имели подчиненный характер по отношению к политической борьбе. Существовал также и “внешний круг”, состоявший из “сочувствующих” и “примыкающих”. Их мотивацией был не социальный протест и жажда изменить общество, а желание удовлетворить свою потребность в самоутверждении за счет идентификации себя с влиятельной в молодежной среде общностью. Представители “внешнего круга” были включены в субкультуру эпизодически или не в полной мере, являясь одновременно своеобразным фоном и резервуаром для нее.

Библиографический список

1. Россия под надзором. Отчеты III отделения. Сборник документов. – М., 2006.
2. Утин Н.И. Пропаганда и организация. Дело прошлое и дело нынешнее // Литературное наследство. – Т.87. – М., 1977.
3. Confino M. Révolte juvénile et contre-culture. Les nihilistes russes des “années 60” // Cahiers du monde russe et soviétique. – Paris, 1990. – Vol. 31(4).

**МЕМУАРЫ ГРАФИНИ П.С. УВАРОВОЙ КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ МОСКОВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА**

*Работа выполнена при финансовой поддержке
Гранта Президента РФ МК-5404.2010.6*

В начале XX столетия имя графини Прасковьи Сергеевны Уваровой было хорошо известно современникам: председатель Императорского Московского археологического общества, действительный член Российской и Французской Академий наук, автор трудов по археологии Кавказа – она была известна каждому, кто интересовался наукой о древностях. В начале XXI в., когда многие страницы истории отечественной науки изучаются вновь, были опубликованы до этого не известные мемуары графини “Былое. Давно прошедшие счастливые дни”, написанные ей в эмиграции и доведенные до 1918 года. Публикация была осуществлена Государственным Историческим музеем, с обработкой текста и комментариями Н.Б.Стрижовой [1].

Мемуары П.С.Уваровой, несомненно, являются и интересным литературным произведением, и источником по истории России второй половины XIX – начала XX вв. Но мемуары необычны и резко отличаются от аналогичных воспоминаний, в которых внимание уделялось прежде всего светской жизни. Перед нами – воспоминания женщины-ученого, выполнявшей последний долг перед своим научным Обществом, которым она руководила более 30 лет. Цель данной статьи – рассмотреть мемуары графини Уваровой как источник по истории Московского археологического общества.

Фактически, рассматриваемое произведение появилось на свет вместо совсем другой книги. Еще в 1914 году Московское археологическое общество подготовило к своему юбилею издание, второй том которого (биографии членов Общества) был опубликован [2], а первый том (историческая записка о деятельности Общества за 50 лет) так и не был завершен. Революция, заставившая графиню Уварову покинуть свою Родину, лишила ее и возможности закончить редактирование этого труда. Рукописи, библиотека, фамильный архив – все осталось в Москве. Поэтому, уже в ином литературном жанре, П.С.Уварова завершает отчет о своей жизни и работе.

Прасковья Сергеевна Уварова, урожденная княжна Щербатова, воспитывалась вполне в духе своего времени. Обучаясь на дому слову божьему, музыке, живописи, она, в отличие от других молодых особ,

не питала особой страсти к светским развлечениям. В то же время, к обучению относилась серьезно: среди ее домашних учителей – профессор Буслаев, художник Саврасов, композитор Рубинштейн.

Поворотным моментом в жизни графини стал брак с Алексеем Сергеевичем Уваровым, который был на 15 лет старше 18-летней графини. Сын министра народного просвещения С.С.Уварова, входивший в число представителей высшей знати, уже к середине 1850-х годов Алексей Сергеевич зарекомендовал себя как способный ученый и организатор археологической науки. Граф А.С.Уваров отказался от карьеры на государственной службе и посвятил себя науке.

Отношения между супругами вполне отражает цитата из воспоминаний П.С. Уваровой: «Я откровенно ответила ему, что его полюбила за то, что он серьезнее других, что я обещаю быть ему не только хорошей женой, но, если он позволит, то и помощницей» [2, С. 50]. Она стала великолепной помощницей, фактически выполняя обязанности личного секретаря графа, упорядочивая всю его обширную научную переписку. В 1881 году, когда Совет V Археологического съезда в Тифлисе подарил А.С.Уварову памятную медаль, граф передал ее супруге, надчеканив надпись “Любимому сотруднику”.

В течение всей своей жизни графиня много путешествовала, как по России, так и за ее пределами. Больше всего внимания в течение жизни П.С.Уварова уделила Кавказу, сделавшись настоящим знатоком кавказских древностей. Но известность ей принесла работа по организации Археологических съездов и охране памятников старины.

В 1864 году по инициативе А.С.Уварова было основано Московское Археологическое общество (далее – МАО), как объединение научных кругов не только Москвы, но и всей России по изучению древних памятников. Под покровительством Общества впоследствии проходили Археологические съезды “с целью объединения всех научных сил России и на этом основании возможности обследования и повсеместного изучения остатков и памятников нашей обширной родины” [2, С. 112].

В скором времени Общество получает титул “Императорского” и государственную субсидию в 3 000, а потом и 5 000 рублей в год. В 1870 году при Обществе была образована комиссия по сохранению древних памятников «специально для разбора дел по сломке, перedelке и реставрации древних церковных зданий» [2, С. 268; 3, С. 43].

29 декабря 1884 г. Алексей Сергеевич Уваров после тяжелой болезни скончался. После его смерти Общество приняло Уварову в свой состав, чего ранее не делал муж, который был противником “женского элемента” в науке, и не делал исключения для жены. Уже в мае 1885 года Археологическое общество избирает П.С. Уварову предсе-

дателем. Сама она видит причину своего избрания в том, что она лучше других знала механизм подготовки Археологических съездов, ну а в случае провала мероприятия – было бы куда легче сместить именно ее, как женщину, чем кого-либо другого. Прасковья Сергеевна восприняла эту должность как “служение” науке и делу, начатому мужем.

В истории отечественной археологии много ученых, внесших вклад в развитие науки новыми идеями и открытиями. Но гораздо меньше людей, чья деятельность повлияла на институализацию науки, становление ее организационной структуры. Личность графини П.С.Уваровой значима для истории археологической науки именно в этом смысле.

МАО стало действительно всероссийским центром, объединяющим любителей отечественных древностей. Проведение регулярных Всероссийских Археологических съездов, выпуск нескольких продолжающихся серий научных изданий и периодических “Древностей”, организация нескольких комиссий (славянской, восточной, по сохранению памятников старины и т.д.) – вот основные направления деятельности Общества. МАО вело интенсивную переписку практически со всеми центральными и провинциальными организациями, занимавшимися изучением древностей. Графиня собственноручно и подробно отвечала на все письма, самостоятельно упорядочивала делопроизводство и архив Общества, пользуясь при этом помощью лишь секретаря МАО и делопроизводителя.

Существует достаточно большой комплекс опубликованных работ П.С.Уваровой на заседаниях МАО и на Археологических съездах, содержащих в себе отчеты о деятельности Общества и постановку новых задач, прежде всего организационного характера. В освещении фактов воспоминания графини сильно проигрывают более выверенным и точным источникам – графиня не всегда придерживается хронологической последовательности изложения, объединяет в единое повествование рассказы о событиях, случившихся в разные десятилетия, иногда напрямую путает даты.

Разумеется, есть и ряд фактов, которые мы узнаем из мемуаров впервые. Так, например, по другим источникам было неизвестно деятельное участие М.П.Погодина в обсуждении принципов деятельности создаваемого Московского археологического общества [1, С. 76]. Впервые отчетливо заявлено о том, что в личной просьбе Александра III о проведении очередных Археологических съездов в Вильно и Риге (были проведены в 1893 и 1896 гг.) фигурировала еще и Варшава (съезд там никогда не проводился) [1, С. 158]. Также кратко сказано об интригах при императорском дворе вокруг П.С.Уваровой и об отношении к ним императора Николая II.

В то же время, некоторые события П.С.Уварова сочла несущественными, либо недостойными попасть на страницы мемуаров. Так, только в 2009 г. в работе А.С.Смирнова впервые были опубликованы факты о готовящемся в 1911 году покушении на графиню, которую во время XV Археологического съезда в Новгороде тайно охраняли филеры [4, С. 122-128]. Опасная история длилась около года, но в мемуарах про Новгородский съезд сказано лишь, что город «серый и тусклый», что передалось и всему Съезду.

Наиболее значимым для истории Московского археологического общества в воспоминаниях графини Уваровой, на наш взгляд, является отражение восприятия рассматриваемых событий самой графиней. Политика Общества определялась прежде всего его председателем, поэтому субъективный фактор очень часто оказывается решающим для понимания важных событий истории отечественной археологии.

Текст воспоминаний ярко подчеркивает отличие двух председателей МАО – А.С. и П.С. Уваровых. Прасковья Сергеевна, характеризуя научную деятельность Общества и его сотрудников, чаще всего употребляет слова “поработать для науки”. Как отмечала сама Прасковья Сергеевна: «. . . наука есть крепчайший элемент для единения человечества и на этом поприще все силы должны сливаться в одно общее желание истинно поработать на благо человечества». Именно “служение” науке, упорный кропотливый труд по сбору древностей она видела главной целью отечественной археологии. Главное мероприятие МАО – Археологические съезды – при П.С.Уваровой постепенно и незаметно поменяли свой характер. Съезды были задуманы А.С.Уваровым для обсуждения основных принципов археологического знания и послужили площадкой для первой (и последней) в дореволюционной археологии теоретической дискуссии о сущности археологической наук, позволив сформулировать основные принципы того, что Г.С.Лебедев позже назвал “бытописательской парадигмой” в археологии [5, С. 395]. При П.С.Уваровой центр тяжести был перенесен на подготовительные и издательские работы, а сами Съезды стали больше торжественным поводом и апогеем трехлетней деятельности по изучению памятников старины. На Съездах больше ни разу не получилось организовать теоретической дискуссии о принципах археологической науки, но зато Труды Съездов стали выходить регулярно и своевременно, стали регулярными организация раскопок, составление метрик архитектурных памятников и т.д.

Много личных мотивов присутствует в многолетнем конфликте археологических организаций Москвы и Петербурга, который красной нитью проходит через многие главы мемуаров.

Отношение графини к монархии, революционным настроениям и событиям тоже оказываются важными для понимания ее деятельности. Графиня умело маневрировала между представителями правительственных кругов, видевших в научных прежде всего орудие своей политики, а также выразителей левых взглядов, стремившихся превратить Археологические съезды в площадку для конфликтов. Демонстрируя абсолютную лояльность власти, П.С.Уварова, тем не менее, ставит во главу угла интересы “чистой науки”. Проводя IX съезд в Виленском крае, что являлось частью правительственной политики по русификации западных регионов империи, графиня Уварова уделяет изучению католическим древностям не меньше внимания, чем православным, чем привлекает на свою сторону немецкоязычных ученых. Интриги в правительственных кругах не пугали П.С.Уварову, которая неоднократно доказывала верность своим принципам, опровергая все распускаемые недоброжелателями слухи. Великий князь Сергей Александрович рассказывал, что император, смеясь, просил передать “чтобы графиня Уварова не переходила попеременно то в католичество, то в протестанство”.

Можно привести еще массу примеров, доказывающих, что воспоминания Прасковьи Сергеевны Уваровой являются важнейшим источником для изучения деятельности Императорского Московского Археологического общества, в котором важны не столько факты и события, сколько субъективная оценка автора, ее личное отношение к происходившему. В сочетании с богатыми фондами семейного архива, мемуары графини позволяют по новому оценить многие страницы истории отечественной науки.

Библиографический список

1. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. Воспоминания П.С. Уваровой. — М., 2005.
2. Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864-1914) / Под ред. П.С.Уваровой и И.Н. Бороздина. — Т. II. — М., 1915.
3. Историческая записка о деятельности Императорского Московского археологического общества за первые 25 лет существования. — М., 1890.
4. Смирнов А.С. Дело о покушении на графиню Уварову // РА. — № 3. — 2009.
5. Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700-1917 гг. — СПб., 1992.

**БИОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ КОМПЛЕКСА ВЗГЛЯДОВ
И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Е.Н. ТРУБЕЦКОГО)**

Для гуманитарного знания, начиная со второй половины 20-го столетия, все большую актуальность приобретают два ключевых процесса: междисциплинарная интеграция и повышенный интерес к индивидуальному, частному. Взаимопроникновение и заимствование инструментов и методов познания из смежных отраслей науки приводит к возникновению синтезированных дисциплин, таких как историческая социология или новая социальная история. Вместе с тем изменяется ракурс восприятия индивидуального, которое становится средством, позволяющим не только дополнить, расширить, но и зачастую переосмыслить картину мира в рамках конкретного поля исследовательских проблем.

Безусловно, роль индивидуального начала в истории играет личность. При этом ее масштаб, степень значимости и вклада в событиях прошлого как основные критерии отбора изучаемой персоналии смещается в сторону менее примечательных, а иногда, казалось бы, совершенно проходных персонажей (главным становится наличие адекватной документальной базы). В этом контексте биографический метод становится основным способом раскрытия индивидуального. Биографическое исследование превращает личность в зеркало эпохи. Однако и сама эпоха, в свою очередь, является зеркалом, в котором отражается человек. Анализ и сопоставления этих двух ракурсов позволяет проследить процесс взаимодействия между героем и его временем. Л.П. Репина пишет: “Говоря о состоянии современной исторической биографии в целом, необходимо отметить, что при всех естественных ограничениях и, несмотря на наличие серьезных эпистемологических трудностей, обновленный и обогащенный принципами микроистории биографический метод может быть очень продуктивным. Постоянно возникающая необходимость ответить на ключевые вопросы: чем обуславливался, ограничивался, направлялся выбор решений, каковы были его внутренние мотивы и обоснования, как соотносились массовые стереотипы и реальные действия индивида, как воспринималось расхождение между ними, насколько сильны и устойчивы были внешние факторы и внутренние импульсы — настоятельно выталкивает историка из уютного гнездышка микроанализа в исследовательское пространство макроистории” [1, С. 266].

Обозначенные выше аспекты прослеживаются на примере некоторых фактов биографии Е.Н. Трубецкого, известного общественно-политического деятеля, философа и публициста начала XX в. Его биографию можно условно разделить на два периода. Первый протекал в условиях второй половины и конца 19-го столетия, был наполнен духовными исканиями, непрестанной внутренней работой, переживаниями юности, со временем обретшими силу убеждений. Другой период проходил в условиях борьбы за эти убеждения.

Е.Н. Трубецкой родился в Москве в 1863 г. через два года после отмены крепостного права в переходный для страны период. “У колыбели моей, — писал философ, — боролись два мира, и в той среде, где протекало мое детство, все говорило об их встрече” [2]. От старой аристократической культуры дореформенной России остались лишь внешние рамки, постепенно наполнявшиеся новым содержанием. Живым воплощением этой культуры была родовая усадьба Трубецких в подмосковной Ахтырке. Ее владелец П.И. Трубецкой, дедушка будущего мыслителя, был истинным аристократом с характерной любовью к форме, “стилю” и патетическому церемониалу, подчинявшему себе саму жизнь.

Иначе выглядел уклад жизни родителей Е.Н. Трубецкого. Прежде всего следует подробнее остановиться на семье Лопухиных, из которой вышла его мать. То новое, что было привнесено в Ахтырку, проникло именно через нее. Семья Лопухиных также относилась к стародворянскому роду, но здесь в отличие от “княжеского великолепия” и “ширины барского размаха” предков отца Е.Н. Трубецкого господствовала “душевная теплота, простота, естественность, жизнерадостность” и “очаровательная уютность жизни”. Выражалось это и в отношениях между членами семьи, в которых отсутствовала та дистанция, какая существовала между новым и старым поколением Трубецких, и в отношении к самому дому, который был не “местом парада”, а уютным семейным гнездом. Это был иной мир. В Ахтырке господствовал консерватизм, со свойственной ему традиционностью, быт дома Лопухиных, напротив, был демократичен во всех своих проявлениях.

“Два мира”, таким образом, нашедшие свое олицетворение в двух поколениях семьи Трубецких, оказались под одной крышей, в одном общем пространстве быта. Синтез ценностей традиционного аристократизма и нового демократического начала во многом определил специфику личностного мирозерцания Евгения Николаевича.

В гимназические годы Трубецкой увлекся модной для этого периода позитивистской философией. Нигилистический, позитивистский период в жизни Трубецкого был недолог. Очень скоро Евгений Николаевич приступил к более серьезному изучению философии, обна-

ружив в своих недавних увлечениях множество противоречий. Отрекшись от позитивизма, Евгений Трубецкой пришел к скептицизму, который стал для него новым источником сомнений.

Он преодолел кризис лишь тогда, когда страстно увлекся философией Шопенгауэра. Евгений Николаевич начал понимать, что пессимизм был неизбежным следствием отрицания абсолютно правильных принципов, управляющих миром. Тогда он встал перед альтернативой: “Или есть Бог, или не стоит жить”. Как раз в это время в журнале “Русский вестник” печатались два сочинения, роман Ф.М. Достоевского “Братья Карамазовы” и диссертация В.С. Соловьева “Критика отвлеченных начал”. Две работы в разных формах, художественной и философской, поднимали этот же вопрос и отвечали на него положительно. Примерно в то же самое время братья Трубецкие прочитали брошюру Хомякова, в которой он развивал свое учение о церкви как теле Христовом [3, С. 78].

Гимназический период, как считал Трубецкой, был одним из самых плодотворных в его жизни. Рано увлекшись философией, пережив период исканий и сомнений, он вернулся к волновавшей его с детства религии. К поступлению в Московский университет в 1881 г., он уже обладал колоссальным багажом знаний и опытом самоанализа.

Окончив университет кандидатом права, Трубецкой с апреля 1886 г. стал приват-доцентом Демидовского юридического лицея в Ярославле, в котором проработал последующие шесть лет своей жизни. Он часто ездил в Москву, к друзьям, одним из которых был философ Л.М. Лопатин, в доме которого проходили встречи видных ученых и общественных деятелей. Именно в этом доме Трубецкой впервые встретился с В.С. Соловьевым, до конца жизни ставшим ему другом и наставником. Разработанная Соловьевым концепция всеединства стала органичной частью философии Трубецкого.

Суть мировой эволюции с христианской точки зрения представляла в непрерывном движении к богочеловечеству. Содержание исторического процесса оказывалось неразрывно связанным с признанием безусловного, царственного достоинства человека. Именно на этой основе Трубецкой предлагал свое обоснование свободы как ценности, ради которой стоит жить и умереть. Назначение свободы теоретик либерализма видел в том, что она позволяла человеку проявить свои творческие способности и достичь всеединства – новой неумирающей формы жизни. Соединяясь с Богом, индивид не растворялся в нем, не терял своей самостоятельности, а, восстанавливая целостность своего существования, утверждал свое совершенство. Однако этот Божественный замысел мог осуществиться только через согласие и свободное самоопределение с обеих сторон. Личность, лишенная

такой возможности, становилась пассивным исполнителем высшей воли, а не свободным соучастником общего творческого дела – движения к всеединству: “Любить Бога действительно, активно мог только тот, кто способен действительно Ему сопротивляться” [4, С. 294].

С аналогичной позиции рассматривал Трубецкой и модели государственного устройства. Идеальным политическим строем по мысли Трубецкой являлась конституционная монархия, где власть императора покоилась не на слепом подчинении воли, а на свободном акте творческого преобразования. Отвергая политическую революцию как метод борьбы, он верил, что только духовная эволюция способна привести Русское государство к миру. В этом он проявил себя настоящим идеалистом, далеким от реалий конкретной исторической ситуации начала XX в.

Трубецкой был тем типом аристократа, о котором писал Бердяев, анализируя Ставрогина, героя произведения Ф.М. Достоевского “Бесы”: “Барин и аристократ обаятелен, когда идет в демократию, но он ничего не может с ней сделать, он вообще не может быть полезен, неспособен к “делу”. Аристократ всегда хочет творчества, а не “дела” [5, С. 12]. Таким образом, являясь деятельным ученым, философом, Трубецкой в кризисной, трагической ситуации российской жизни оказался волею судеб перед необходимостью играть роль политика и общественного деятеля, при этом продолжая пребывать по ту сторону злобы дня и суесть мира сего.

Трубецкой – безусловно, уникальная фигура в калейдоскопе русской интеллигенции начала XX в. Вместе с тем его биография показательна с точки зрения характеристики целого слоя общественно-политических деятелей и мыслителей, которые в силу некоторой наивности и чрезмерной идеалистичности взглядов оказались неспособны объективно оценить сложившуюся в России революционную обстановку.

Библиографический список

1. История исторического знания: пособие для вузов / Л.П. Репина, В.В. Зверева, М.Ю. Парамонова. – М., 2004.
2. Трубецкой Е.Н. Из прошлого // LDN – приватное собрание книг [Электронный ресурс]. – 2001. – Режим доступа: <http://ldn-knigi.lib.ru/Rusknig.htm>.
3. Лосский Н.О. История русской философии. – М., 1991.
4. Трубецкой Е.Н. Свобода и бессмертие // Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. – М., 1994.
5. Бердяев Н.А. Ставрогин // Бердяев Н.А. Смысл творчества. – М., 2004.

**“ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ”: ОТМЕНА РАБСТВА
ПО ОБЕ СТОРОНЫ ОКЕАНА В КОНЦЕПЦИИ ПИТЕРА КОЛЧИНА**

Во всем западном мире слово “свобода” являлось лозунгом XIX столетия. За заметно короткий период времени рабство, крепостное право и принудительный труд в целом, веками считавшийся законным и уместным, с развитием человеческого прогресса стал считаться неэффективным, аморальным и безнравственным, в то время как “свободным труд” приобрел статус богом данного стандарта, установленного экономическим и естественным законами. Начиная с северных штатов после Американской Революции и заканчивая Бразилией чуть более века спустя, системы принужденного труда, замененные сомнительным поппури социальных отношений, различавшиеся по многим параметрам, но все основанные на отношениях, определенных как “свободные”, распространились по всей Европе и Америке. С точки зрения количества участвовавших людей, крупнейший на то время переворот произошел в России в 1861 году, когда по императорскому указу было освобождено около двадцати трех миллионов частных крепостных.

Современные наблюдатели признали важность произошедшего в России прежде всего как символ реакции на угнетение во все более либеральном мире, а также как подтверждение собственной веры в триумф свободного труда. Западные путешественники обычно связывали неволю на Руси с Американским рабством и описывали влияние крепостного права в России “фермы не возделаны, предприятия омертвевшие, изобретения покалечены ... труд — символ подобострастия” [5] так же, как и влияние рабства на Юг Америки. Как только освобождение в России вошло в силу, западные аболиционисты ухватились за это как за благоприятный урок для Южных Штатов, осыпая преувеличенной похвалой либерального царя (tsarliberator) Александра II и утверждая, что если самодержавная Россия смогла с таким энтузиазмом принять свободу, демократическая Америка несомненно могла бы сделать то же. Споря о распределении земли среди бывших рабов, Пеннсильванский конгрессмен-республиканец Тадеуш Стивенс назвал царя мудрым человеком (wise man) за снабжение бывших крепостных земель; “эксперимент, — заявил он, — был совершенным успехом”. Даже большим энтузиастом был английский мис-

сионер Дж. Ланг, хваливший Правительство России за его просвещенное поведение во времена, когда “Американское рабство ... все еще страшное пятно” и предложил, что “влияние и пример освобожденных крепостных будет своего рода призывом к действию и покажет, что раз подобная революция оказалась столь полезной для Руси, весь мир может брать с этого пример” [1].

Что же на самом деле явилось реальностью русской эмансипации и как она может быть сравнена с процессами освобождения в других регионах? Хотелось бы представить ответ на этот вопрос, фокусируясь на четырех развернутых темах. Прежде всего, это краткое резюме процесса освобождения в России, основные его условия и процессы. Окончательное решение приступить к отмене крепостного права в России было основано на консенсусе, достигнутом за несколько десятилетий на самом высоком правительственном уровне, о том, что крепостное право было анахронизмом в социальном, политическом, экономическом и моральном смыслах и должно было рано или поздно быть отменено. О данном решении было широко известно и до вступления Александра II на престол в 1855 году благодаря его предшественнику Николаю I, который правил с 1825 по 1855 год и создал не менее десяти тайных правительственных комиссий, которые безуспешно боролись с тем, что и по сей день именуется “крестьянским вопросом”. Подготовка законодательства об отмене крепостного права обсуждалась одним комитетом за другим, прежде чем, наконец, не было обнародовано 19 февраля 1861 года.

Затем — анализ сельскохозяйственных трудовых отношений, концентрируя внимание на том, что именно заменило принудительный труд, который был в центре крепостного права. Несмотря на нечеткую перспективу, эмансипация была стимулом для значительных социальных преобразований, которые касались различных аспектов русской жизни. Эта трансформация сохраняла традиционные отношения в принципиально новых условиях. В особенности это касается крестьянской жизни, которая изменилась гораздо меньше, чем, скажем, жизнь южных чернокожих в 1860-е года. В целом, однако, освобождение подтолкнуло Россию от консерватизма и самодержавия к государству, в котором наследственные привилегии стали играть гораздо меньшую роль.

Далее — постановка вопроса перемены против постоянства, в какой степени освобождение изменило как жизни крестьян, так и общества в целом. К таким изменениям относятся, например, реформы, направленные на модернизацию армии: сокращение срока военной службы до шести лет, резкое ограничение применения телесных наказаний, а также более справедливая система призыва в армию.

Законодательство 1864-го года полностью переделало архаичную судебную систему, что значительно сократило ее произвольность.

И наконец, взгляды на процесс эмансипации и борьбу между различными группами россиян за смысл свободы. Для того, чтобы понять неизменную приверженность крестьян традиционности, следует отметить способы, благодаря которым правительство добились принятия крестьянами идеи об отмене крепостного права. Боясь возможных беспорядков, правительство пошло на все, чтобы объяснить благотворный характер эмансипации. Эти усилия включали широкое распространение среди крестьян, дворян и правительственных чиновников манифест освобождения и законодательство, директивы церкви, чтобы священнослужители “в соответствии с законом” трактовали законодательство, направление в каждую провинцию высокопоставленных эмиссаров, которые упорядочивали начало процесса эмансипации и т.д. То, что царь действительно был на стороне крестьян, было названо советскими историками “наивным монархизмом” и не принесло крестьянам почти ничего, кроме полного разочарования.

При рассмотрении данных тем, поддерживалась широкая компаративной перспектива и анализ крепостного права в контексте подобных событий в других странах, так как считаю, что это может значительно помочь пролить свет на эмансипацию в России.

Библиографический список

1. Daniel Field, *The End of Serfdom: Nobility and Bureaucracy in Russia, 1855-1861*. Cambridge, MA, 1976.
2. David Brion Davis, *Slavery and Human Progress*. New York, 1984.
3. Eric Foner, *Free Soil, Free Labor, Free Men: The Ideology of the Republican Party Before the Civil War*. New York, 1970.
4. Jonathan A. Glickstein, *Concepts of Free Labor in Antebellum America*. New Haven, CT, 1991.
5. Peter Kolchin, *Unfree Labor: American Slavery and Russian Serfdom*. Belknap Press, 1987.

**ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ПАРТИИ И ТЕРРОР
В ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905-1907 гг.**

В начале XX в. индивидуальный политический террор в России разросся до огромных размеров. Его жертвами с 1901 по 1911 гг. стали около 17 тысяч человек, причем пик террора пришелся на 1905-1907 гг., когда было убито и ранено более 9 тысяч человек, в большинстве своем – сотрудники государственного аппарата [1, С. 31-33]. Власть воспринималась интеллигенцией, в том числе и либерально настроенной, как воплощение абсолютного зла, поэтому убийство или покушение на убийство для достижения определенных политических целей было обусловлено убежденностью в бесчеловечности существующего строя [2, С. 178].

Если до революции многие либералы, не принимая непосредственного участия в покушениях, одобряли террор и финансировали террористические предприятия, то уже после убийства В.К. Плеве в июле 1904 г. волна поддержки пошла на спад. Но либерально настроенная интеллигенция все же продолжала славословить “героев” – террористов [2, С. 181-182]. Беспрецедентный размах террористической деятельности, ставший неотделимой частью общественной жизни в период революции 1905—1907 гг., заставлял все политические партии и группировки определять свое отношение к политическим убийствам.

Кадеты требовали созыва Учредительного собрания, которое должно было принять конституцию страны, а также немедленного проведения целого комплекса политических, экономических и социальных реформ [3, С. 158-159]. Надеясь ослабить царское правительство, создать “деловой кабинет” из либеральных общественных деятелей и реализовать свои требования, партия Народной свободы стремилась поддерживать террористическую деятельность радикалов. Так, например, 23 ноября 1905 г. на заседании ЦК кадетов Н.Н. Щепкин выразил мнение, доминирующее в партии: “Не время борьбы с крайними партиями. Кто хочет бороться с революцией, тот должен выйти из партии. По-моему, не из партии, а из политической жизни” [4, С. 44].

Уже на заседании ЦК в Петербурге 8-9 апреля 1906 г. было принято решение разработать законопроекты по вопросам “об отмене смертной казни и об отмене юрисдикции военных судов по общим преступлениям” и “об отмене исключительных законов об усиленной и чрезвычайной охране (в связи с законом о свободах)” [4, С. 68]. Предполагалось, что указанные законопроекты будут предложены в I Думе

для их принятия, поэтому к 19 апрелю они были подготовлены и обсуждены на заседании ЦК партии [4, С. 70].

Доклад, сделанный М.М. Винавером на заседании ЦК 19 апреля 1906 г. по вопросу об амнистии, раскрывает и полностью отражает позицию кадетов, занятую ими на заседаниях I Государственной думы. Кадеты требовали амнистии для лиц, деяния которых были направлены на изменение политического или экономического строя [4, С. 488]. Иными словами, гуманность должна была коснуться исключительно террористов-революционеров. По вопросу смертной казни, кадеты добивались ее полной отмены.

Руководство партии кадетов полагало, что террористическая деятельность была “логична” при сложившихся обстоятельствах, когда террористы являлись лишь невинными жертвами тирании и беззакония, идущего сверху [5, С. 353]. А.В. Тыркова-Вильямс считала, что “страшный вопрос о терроре был одним из подводных камней, о которые разбилась Первая Дума” [6, С. 283].

В отличие от кадетов, лидеры “Союза 17 октября”, как и более консервативно настроенные либеральные партий (мирнообновленцы, Партия демократических реформ и др.), осознали дестабилизирующую силу ежедневных покушений, подрывающих сам принцип законности и порядка, и считали, что необходимо осудить любой террор для восстановления стабильности в обществе [1, С. 286-287].

На заседании ЦК партии кадетов 10 февраля 1907 г. происходило обсуждение вопроса, связанного с определением отношения к террору. ЦК постановил, что необходимо выработать обязательное для фракции партийное решение по этому вопросу, с учетом того, что “при предложении осуждения террора таковое должно быть отвергнуто” [4, С. 177]. Составление проекта резолюции с подробной мотивировкой было поручено М.М. Винаверу и В. Гессену. Уже 17 февраля 1907 г. на заседании ЦК М. Винавер сделал сообщение по вопросу о политических убийствах, смысл которого заключалось в том, что предлагалось их не осуждать, поскольку – зло, неизбежное при конкретных условиях политического строя [4, С. 505-506]. Вопрос на баллотировку не ставился [4, С. 182].

Во II Думе дебаты о терроре велись постоянно. 12 марта 1907 г. кадеты внесли законопроект об отмене военно-полевых судов. В ходе прений 12-13 марта по данному вопросу выявилось, что октябристы и близкие к ним депутаты требовали осуждения как революционного, так и правительственного террора. Кадеты, осуждали смертные приговоры, выносимые военно-полевыми судами, но отказывались порицать террористов [7, Т.1. Стб. 354-525]. В ответ 13 марта 42 правых и умеренных депутата выступили с заявлением “О выражении Госу-

дарственной Думой порицания политическим убийствам и террору”, но запрос был отклонен [7, Т.1. Стб. 526-528].

Во II Государственной думе кадетам весной 1907 г. в течение длительного времени удавалось противодействовать дебатам о революционном терроре и стремлениям вынести резолюцию с его осуждением [8, С. 75]. Раз за разом они голосовали за то, чтобы отложить дебаты о революционных убийствах [7, Т.1. Стб. 1714-1715]. Наконец, 15 мая 1907 г. они официально объявили о своем решительном и безоговорочном отказе голосовать за резолюцию “о порицании убийств, террора и насилий” [7, Т.2. Стб. 608-610].

3 июня 1907 г. Николай II распустил II Думу и изменил избирательный закон. Пророчески прозвучали слова октябриста М.А. Стаховича: “Помните, господа, что если Государственная дума не осудит политических убийств, то она совершит его – над собою” [7, Т.2. Стб. 756]. Кадеты были убеждены, что правительство 3 июня 1907 г. нарушило Основные Законы 1906 г. Однако, они в отличие от октябристов отрицали право монарха нарушить этот закон [9, С. 26]. С 1907 г. явственно обнаружилось охлаждение всего либерального лагеря к революционерам вообще и к террору в особенности [10]. Постепенно путь террора становится абсолютно непривлекательным для общества.

Библиографический список

1. Гейфман А. Революционный террор в России. 1894-1917. – М., 1997.
2. Леонов М.И. Террор и смута в Российской империи начала XX в. // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. – Самара, 2007. – №5 / 3 (55).
3. Шелобаев, В.В. Кадеты // Политические партии России: история и современность. – М., 2000.
4. Протоколы Центрального Комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. – Т.1. – М., 1994.
5. Милюков П.Н. Год борьбы. – СПб., 1907.
6. Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. – М., 2007.
7. Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. – СПб., 1907. – Т.1-2.
8. Леонов М.И. “Заговор против императора” и II Государственная Дума // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. – Самара, 2009. – №7 (73).
9. Шелобаев В.В. Идеологическая и политическая организация российской либеральной буржуазии: 1907-1914. – М., 1991.

10. Леонов М.И. Террор и русское общество (начало XX в.) // Индивидуальный политический террор в России XIX – начала XX в. Материалы конференции. – М., 1996 [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.memo.ru/history/terror/index.htm.

В.С. Миняшев

Самарский государственный университет

БОРЬБА ДЕПУТАТОВ ЗА РАСШИРЕНИЕ ФИНАНСОВО- БЮДЖЕТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ НАРОДНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

Разработчики основных законов, желая лишить Думу возможности влиять на политику правительства, позаботились об ограничении ее бюджетных прав [1, С. 478]. Ведению Думы вовсе не подлежали железнодорожные тарифы, цены на водку, таможенные тарифы, доходы от удельных и кабинетных имуществ, доходы ведомства императрицы Марии (эти статьи вовсе не входили в госбюджет), Министерство двора, расходы на содержание императорской фамилии и канцелярий монарха и расходы на содержание Государственного совета (входили в госбюджет, но изменяться думой не могли)[2, С. 56]. Правила о порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов содержали также весьма расплывчатые понятия государственной тайны и экстренных расходов, не предусмотренных сметами. Платежи государственного долга и других обязательств государства, а также расходы, основанные на “легальных титулах”, т. е. действующих нормативных актах (как правило, штаты министерств и ведомств) подлежали лишь проверке на соответствие нормативным актам [3, С. 134].

2 апреля 1907 г. во II Думу свой проект изменения правил о порядке рассмотрения государственной росписи внесла фракция “Народной свободы”. Законопроект предоставлял обеим палатам право изменять расходы и доходы, существующие на основании действующих законов и штатов. Отменялись ограничения на сроки рассмотрения росписи до 1 декабря. Понятие «государственная тайна» ограничивалось потребностями внешней обороны. Другие экстренные и неотложные нужды могли покрываться без предварительного согласия парламента при помощи особого кредита. Парламент также получал право, сокращать средства, заложенные на погашение государственных обязательств. Разделение бюджета на параграфы по кадетскому

законопроекту должно было оговариваться специальным законом, который должен был быть издан [4, С. 106].

Законопроект рассматривался лишь в III Думе, куда был внесен 10 ноября 1907 года. Обосновывая необходимость принятия закона, кадет Аджемов говорил, что «бюджетные правила не дают возможности Государственной думе разобраться в таком важнейшем документе, как государственный бюджет», Дума не имеет по сути никаких полномочий для изменения бюджета, а сами правила писались вообще для "Булыгинской законосовещательной думы" [5, С. 1160].

Министр финансов В. Н. Коковцов, опровергая его доводы сказал, что ведению Государственной думы подлежали почти 60 % всех расходов [5, С. 1175]. Он категорически отверг возможность обсуждения Думой выплат по иностранным кредитам [5, С. 1176], что показывает зависимость царизма от зарубежного капитала. Устраивало правительство и то, что свои дополнения в бюджет, Дума должна была вносить в обычном законодательном порядке [5, С. С. 1183-1184], который вообще не устраивал многих депутатов, т. к. почти сводил на нет законодательную инициативу парламента. Коковцов прямо сказал, что к рассмотрению бюджета Государственной думой не применимо понятие "перекраивать бюджет", его нужно спокойно рассматривать, а если нет возможности его быстро изменить, то в этом нет беды [5, С. 1185].

Однако правительство не поддержала и фракция "Союз 17 октября". Октябристы барон Майендорф, Лерхе и князь Тенищев, выступили за расширение полномочий Думы, но не согласились с отменой легальных титулов и наделением Думы правом вносить изменения в бюджет при его обсуждении [5, С. 1190 и 1240-1243]. Аналогичную позицию заняла и часть правых [5, С. 1309].

Главным защитником законопроекта был видный кадет А.И. Шингарев. Он подчеркнул, что ст. 9 прежде всего защищает расходы, основанные на штатах различных ведомств [5, С. 1252], то есть интересы чиновников. Проверить достоверность всех легальных титулов за короткий срок, отводимый для принятия бюджета, было просто невозможно. Бюджетной комиссии Думы приходилось искать акты XVIII века, в частности указы императрицы Елизаветы Петровны [6, С. 42]. Однако проверки выявили, что чиновники охотно злоупотребляли ст. 9 бюджетных правил. Так на основании, всеподданнейшего доклада от 1856 года на награды чиновникам министерства иностранных дел в бюджете выделялось 2000 р. При проверке же оказалось, что составители доклада просто испрашивал разрешение использование на эту цель свободные средства Министерства в размере до 2000 рублей.

Только по МИДУ недостоверных легальных титулов было обнаружено на 41 000 рублей. При этом к концу работы II Думы остались непроверенными еще 14 титулов МИДа на общую сумму 85 000 рублей. Выявился также случай, когда вице-директору Кредитной канцелярии Шванебаху назначалось добавочное содержание в 2000 рублей, и хотя Шванебах уже несколько лет не работал в этой канцелярии, а в бюджете министерства эта строка расходов значилась. На основании данного титула, подобную прибавку установили всем вице-директорам, хотя в указе говорилось, об одном лишь Шванебахе. Кроме уже приведенных титулов, им приводятся примеры субсидий из госбюджета, направленных на поддержку аристократии на сумму от 2000-13600 рублей каждый [5, С. 1258-1261].

Спасая честь мундира, Коковцов вновь поднялся на трибуну, но не опроверг фактов коррупции [5, С. 1264-1276].

Социал-демократ Покровский сказал, что бюджет формируется из сборов с трудового народа, поэтому, вся полнота бюджетных прав должна принадлежать народному представительству [5, С. 1293]. Опровергая Коковцова, он заявил, что сокращению Думой подлежат вовсе не 60 % от бюджета, а всего 52 %. При вычете производственных расходов эта цифра сокращается до 30 %. Обличая алчность высшей бюрократии, Покровский приводил следующие примеры: в смете МВД из 28 млн. р. незабронированных средств – 19 млн. р. это оклады мелких почтово-телеграфных служащих; в министерстве народного просвещения: из незабронированных 14 млн. р. половина – расходы на начальное образование, которые ни у одного цивилизованного человека не поднялась бы рука, трогать в неграмотной стране. По смете военного министерства, в 80 млн. р., подлежащих ведению Думы, 62 млн. рублей – деньги, отпускаемые на содержание рядового состава: его обмундирование, питание и денежное довольствие солдат [5, С. 1296]. Покровский потребовал кроме внесения тех изменений в правила, на которых настаивали кадеты, еще и отменить ст. 5, бронирующую бюджет министерства Императорского двора, и ст. 14, позволяющую Правительству в случае не утверждения бюджета, пользоваться бюджетом прошлогодним, и лишить бюджетных прав Государственный совет [5, С. 1297-1298].

После 45-минутного перерыва Дума признала законопроект желательным и передала его в бюджетную комиссию [5, С. 1320]. В октябре-декабре 1909 года Бюджетная комиссия предложила отменить ст. 11 правил, ограничив рассмотрение бюджета сроком в 7 месяцев, статью 13 комиссия дополнила положением, что в случае разногласий между Думой и Госсоветом относительно суммы кредита, в роспись

вносится наименьшая из сумм. Ст. 9 и 10 комиссия оставила в силе. 11 мая 1911 года законопроект был принят Госдумой, но отвергнут Госсоветом, по требованию министра финансов [7, С. 484-485].

Борьба депутатов за расширение своих бюджетных прав показала, что даже проправительственные партии недовольны столь ограниченными правами парламента, т. к. дворянство и буржуазия научились использовать законодательные учреждения в своих интересах [8, С. 346], хотя и по понятным причинам были противниками отмены ст. 9 и 10, позволяющих дворянству, чиновникам и крупной буржуазии получать доходы за счет бюджета. Однако даже после октябристской редакции законопроект был отвергнут, т. к. правительство “не могло мириться с существованием учреждения контролирующего его действия, обнаглев ставило всяческие препоны на пути ее (Думы – В. М.) деятельности, стремясь где только возможно было ограничить ее права” [9, С. 49].

Библиографический список

1. Власть и реформы. От самодержавной России к советской. – М., 2006.
2. Демин, В. А. Государственная дума России: механизм функционирования. – М., 1996.
3. Правила о порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов // Государственная дума в документах и материалах. – М., 1957.
4. Проект изменения правил о порядке рассмотрения государственной росписи (Заявление 35 членов Государственной думы) // Государственная дума. Второй созыв. Законодательные заявления, внесенные на основании ст. 55 Учреждения Государственной Думы. – СПб., 1907.
5. Государственная дума. Третий созыв. Сессия 1. Ч. 1. Стенографические отчеты. – СПб., 1908.
6. Аврех А. Я. Столыпин и судьбы реформ в России. – М., 1991.
7. См. примечание к документу: Проект изменения правил о порядке рассмотрения государственной росписи // Законотворчество думских фракций. 1906-1917. М., 2006.
8. Кризис самодержавия в России 1895-1917. – Л., 1984.
9. Цит. по: Глинка Я. В. Воспоминания о Государственной думе (1906-1910) // Глинка Я. В. Одиннадцать лет в Государственной думе (1906 – 1917). – М., 2001.

ГЕНЕРАЛ СТАНИСЛАВ ЧЕЧЕК НА ПОВОЛЖСКОМ ФРОНТЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Значительную роль в процессе расширения Гражданской войны и втягивания в нее территории Поволжья сыграли части Чехословацкого корпуса, мятеж которого в мае 1918 года сверг советскую власть на территории самарской и части пензенской губерний. Прямым следствием этого события стал процесс создания централизованных вооруженных сил Комуча на основе подпольных офицерских организаций, возникших в Самаре еще в конце 1917 года. Однако вопрос о роли командующего Пензенской группой Чехословацкого корпуса Станислава Чечека в деле функционирования военного командования Комуча остается открытым, так как советские исследователи, изучали борьбу с контрреволюцией в целом, не деля ее по национальному признаку, причем изучение системы командования не являлась приоритетным направлением в их исследованиях.

Архитектура совместной, русско-чешской системы командования начала складываться после опубликования Комучем приказа №114 [1, Л.25]. Этим приказом Станислав Чечек “с согласия Высшего командования чехо-словацких войск” назначается “командующим всеми войсками Народной Армии и мобилизованными частями Оренбургского и уральского казачьих войск”. С 20 августа 1918 года полковник С. Чечек становится командующим Поволжским фронтом. При нем же был создан Оперативный штаб (Штаб Командующего Волжским фронтом).

Следует отметить, что при решении тактических задач С. Чечек всегда имел собственную позицию. С. Чечек имел собственную точку зрения и на проведении Казанской операции, ставшей знаковой для всей борьбы за Поволжье. По вопросу о взятии Казани он имел расхождения с подполковником В.О. Каппелем. С. Чечек предлагал не стремительный налет на город малыми силами, как предлагал Каппель, а подождать новых чехословацких сил и ударить превосходящими силами [2, С. 35-36]. С.П. Мельгунов же говорит о прямом запрещении С. Чечеком удара на Казань, полагавшего, что для нанесения главного удара приоритетным направлением является южное. [3, С. 216]. П.П. Петров, в своих воспоминаниях резюмировал решение своего начальника: “Саратов имел для нас громадное значение не только потому, что был центром, откуда направлялись удары через Николаевск, а еще и потому, что на Саратовском направлении дрались

с большевиками Уральские казаки и часть крестьян Новоузенского уезда” [4, С. 35-36]. С. Чечек дает санкцию на проведение только коротко временной локальной вылазки, направленной против Казани. “Чечек из Самары, после подробного освещения положения, в конце концов, категорически настаивал только на демонстрации для закрепления устья Камы” [4, С.105]. Несмотря на всю важность, Казанская операция оказалась лишь тактическим успехом, так как распыленные немногочисленные силы Народной армии были не в силах удержать все Среднее Поволжье в условиях, когда “Восточный фронт, становился главным фронтом Страны советов”. С. Чечек имел отличные взгляды на проведение не только тактических мероприятий, направленных на удержание отдельных городов и территорий, но и на весь ход Борьбы за Поволжье. В июле 1918 года ген. М.В.Алексеев послал ген. М.К. Дитерихсу письмо, в котором говорил о необходимости консолидации всех антибольшевистских сил, о ближайшей стратегической перспективе выхода Добровольческой армии на Волгу и соединения с частями Чехословацкого корпуса. Моллер ознакомил с этим письмом С. Чечека, который в воспоминаниях А.И. Деникина “ ... выразил живейшую радость по поводу возможного соединения Добровольческой армией и желание видеть во главе всех сил ее командование” [5, С. 447]. Вследствие этого, С. Чечек находился в сознательной оппозиции стратегическим планам военного комиссара Комуча В. И. Лебедева, предусматривавшее укрепление народной Армии на Средней Волге и удара на Москву из района Н. Новгорода [6, С. 217]. Череда военных успехов Народной Армии, поддерживаемая чехословацкими частями, постепенно угасла. В связи с неудачами на фронте стала изменяться и психология чехов. Чешские и словацкие солдаты не хотели заменять собой Народную армию [7, С. 223]. С. Чечек не мог остаться в стороне от этих настроений. Чехословацкое войско, по мнению С.П. Мельгунова, было в трагическом положении [8, С. 222]. С. Чечек пытается выработать пути выхода из сложившегося положения. Он пытается создать русско-чешские добровольческие отряды. Однако в условиях краха Волжского фронта эта идея не имела уже ни какого успеха. Подводя итог деятельности С. Чечека можно сказать, что, несмотря на, явные не реализованные во многом стратегические и тактические инициативы С. Чечека, личность, как командующего фронтом была не столь удачна. Причина этого кроится в том, что С. Чечек был назначен с согласия командования Антанты и Чехословацкого корпуса. Тем самым он не имел прочной связи и популярности в Народной армии и не смог стать подлинным военным вождем для русских воинских частей. По мере укрепления Народной армии Комуча роль С. Чечека, как ко-

мандующего постепенно снижается. Это отчетливо заметно на примере его роли в Казанской операции.

Библиографический список

1. ЦГАСО (Центральный государственный архив Самарской области). – Р-402. – Оп 1. – Д.3.
2. Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918-1922 гг.). – Рига, 1930.
3. Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. – Кн.1. – Ч.1. – М., 2004.
4. Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918-1922 гг.). – Рига, 1930.
5. Деникин А.И. Очерки русской смуты. – Т.3. Белое движение и борьба добровольческой армии, май-октябрь 1918 г. – М., 2006.
6. Лебедев В.И. От Петрограда до Казани // Воля России. – 1928. VIII Чит. по: Мельгунов С.П. Трагедия Адмирала Колчака. – Кн. 1. – М., 2004.
7. Утгоф. В.Л. Уфимское Гос. Совещание // Былое. – 1921. – №16. Чит. по: Мельгунов С.П. Трагедия Адмирала Колчака. – Кн. 1. – М., 2004.
8. Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. – Кн.1. – Ч.1. – М., 2004.

А.В. Гайдашев

*Волгоградский государственный
педагогический университет*

АНТИСОВЕТСКИЕ НАСТРОЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ВОЙ

Великая Отечественная война на данный момент продолжает оставаться наиболее значимым военным событием отечественной истории. Ее последствия наше общество испытывает на себе до сих пор. Пожалуй, в России не найдется такой семьи, в которой хоть кто-нибудь не был бы на фронте, не погиб или не пропал без вести. В самой исторической памяти нашего народа эта война осталась как самое страшное испытание, перенесенное когда-либо за всю историю. Большая часть научных трудов посвящена преимущественно отдельным сражениям Великой Отечественной войны, ходу боевых дей-

ствий, заслугам отдельных личностей в победе и др., а такому аспекту, как общественное настроение советского общества во время Великой Отечественной войны внимания уделялось, на наш взгляд, не достаточно. Таким образом, цель нашей работы – выявить случаи проявления антисоветских настроений среди населения Сталинградской области, связанные с началом Великой Отечественной войны. Объект исследования – население Сталинградской области. Предмет исследования – общественное настроение жителей Сталинградской области. Хронологические рамки – 22 июня – декабрь 1941 года.

Начало Великой Отечественной войны ознаменовалось ярким всплеском патриотических настроений населения. Пожалуй, первым ярким свидетельством тому явились многочисленные митинги, проходившие 22-24 июня по всей стране. Однако с нападением фашистской Германии на Советский Союз в обществе возросли не только патриотическое настроение и желание сделать все возможное для победы в войне, но увеличилось число проявлений антисоветских настроений. Летом и осенью 1941 г. негативное влияние на настроение городского и сельского населения оказало отступление частей Красной Армии по всему советско-германскому фронту. В обществе стало зарождаться недоверие к сводкам Совинформбюро, т.к. они противоречили свидетельствам очевидцев. Источником информации о реальном положении на фронте были беженцы, эвакуированные, дезертиры. Число которых возросло в несколько раз, но большинство из них было арестовано и по ст. 193-7 УК приговорено к расстрелу. В первые дни Великой Отечественной войны были встречены и отдельные случаи проявления у некоторых граждан панических действий. В частности, это проявлялось в скупке определенной категории товаров в больших количествах, в снятии в сберкассах значительных денежных сумм.

Появились и случаи нежелания вступать в Красную Армию. К примеру, Гордеев М.Б. чтобы уклониться от службы в РККА отрубил себе топором два пальца на правой руке [1, Л. 40]. И это был не единственный случай, когда люди шли на причинение себе физического увечья, для получения освобождения от службы в армии.

Заметно возросла напряженность в казачьей среде. Это нашло выражение в анонимных письмах, поступавших в органы прокуратуры и НКВД от лояльных советской власти казаков [2, С. 75]. В них, в частности, говорилось о недоверии к реэмигрантам, особенно к тем, кто занимал руководящие посты. Антисоветски настроенные казаки, в свою очередь ожидали скорого прихода немецкой армии. Так, например, Михин В.И. бывший белогвардеец, хуторской атаман уверял казаков, что им не следует бояться прихода немцев: “Бояться войны нечего, нас только освободят доблестные немцы, а от этой власти мы доброго

не увидим. Коммунисты только нас терзают” [1, Л. 39]. Одновременно с такими суждениями высказывались намерения расправиться после прихода немцев с советскими активистами, Чернобровкин В.И. в г. Сталинграде высказывал: “Если будет переворот, власти и придет Гитлер, то я сам своей рукой буду вас всех бить, тем более, если у меня убьют сына, который находится в РККА” [3, Л. 141]. Однако следует учитывать, что многие из “контрреволюционных” высказываний были сделаны людьми в состоянии алкогольного опьянения, а как известно в таком состоянии “развязывается язык”.

Большой процент населения в Сталинграде составляли рабочие, которые в большей своей массе были охвачены патриотическим подъемом. Об этом убедительно свидетельствовал, например, рост партийных рядов в заводских районах. Однако в рабочей среде после начала Великой Отечественной войны наблюдался рост нарушений трудовой дисциплины. Следует отметить, что в подавляющем большинстве нарушителями трудовой дисциплины были работники со стажем менее 1 года.

В заключении хотелось бы отметить, что в большинстве своем среди населения Сталинградской области преобладали патриотические настроения, люди понимали, что началась война, которая потребует мобилизации всех сил и средств для достижения победы. Однако, приведенные выше примеры, показывают, что были и отдельные личности, кто встретил начало Великой Отечественной войны некой долей “радости”, с надеждой, что большевики будут низвергнуты. В основной своей массе, конечно, это были люди, “обиженные Советской властью”, в возрасте старше 50 лет. Всего же с 23 июня по 1 октября 1941 года на рассмотрение Облсуда и Ревтрибуналов поступило 325 дел [1, Л.39].

Библиографический список

1. Справка от 20 ноября 1941 года // ГАВО. – Ф. 3159 (Прокуратура Волгоградской области). – Оп.2. – Д.38.
2. Павлова Т.А. Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве. – Волгоград, 2005.
3. Спецсообщение на имя Бочкова о ходе мобилизации от 3 июля 1941 года // ГАВО. – Ф. 3159. – Оп.2. – Д.36.

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕРВОГО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ САМАРСКОГО
ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ, ЭТНОГРАФИИ
И ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ (ЛИЧНОСТНЫЙ АСПЕКТ)**

В данном исследовании будет показано, какое большое влияние оказали на эффективность работы Самарского общества археологии, истории, этнографии и естествознания (далее СОАИЭ) личные качества его первого председателя Алексея Степановича Башкирова.

Выпускник Московского университета, Алексей Степанович Башкиров (1885-1963), прибыл в Самару в 1918 г. вместе с группой столичных ученых в связи с открытием в городе университета. В то время он возглавил созданный при историко-филологическом факультете университета Семинарий Археологии и Искусств, добился успеха в деле приобретения книг и музейных коллекций для Семинария в Петрограде и Москве [1, С.15] и, в это же время, являлся деятельным членом комитета по заведению городским музеем.

Кроме того, А.С. Башкиров, получивший профессиональное археологическое образование, приступил к знакомству с древностями края. В мае 1919 г. им была организована учебно-научная экскурсия-экспедиция для студентов по местам поселений болгар в Симбирской и Казанской губерниях, для чего одним из первых в стране получил "Открытый лист" [2, С.270].

Опыт, полученный при руководстве Семинарием, во многом определили будущие успехи А.С. Башкирова в новой должности. 2 ноября 1919 г. на базе Самарского Государственного университета было создано СОАИЭ. А.С. Башкиров был единогласно избран его председателем и занимал эту должность до осени 1922 г. Также он явился автором Устава данной организации.

Деятельность председателя заключалась в обеспечение жизнедеятельности Общества. Именно благодаря трехмесячному пребыванию А.С. Башкирова в Москве удалось, наконец, легализовать Общество и получить кредит в 1 млн. рублей [3, Л.6]. Он также добился от местных властей предоставления помещения для СОАИЭ и вспомогательных учреждений, которые успешно функционировали в течение срока его председательства. Председатель оперативно и эффективно решал материальные проблемы Общества: так, в конце 1921 г., когда в губернии свирепствовал голод, А.С. Башкиров организовал поездку в Туркестан за мукой [4, С. 77].

Забота о признании СОАИЭЕ научной общественностью также входила в круг обязанностей председателя. Абсолютно все предложения, касающиеся взаимодействия с центром и соседними губерниями, вносимые на рассмотрение в Совет Общества и на Общие собрания, исходили именно от А.С. Башкирова. Так “по личному докладу председателя” Обществом летом 1920 г. установлено связь с Российской Академией Материальной Культуры через институт Академии “Объединение научных организаций”. Кстати, СОАИЭЕ было первой провинциальной организацией, вошедшей в “Объединение” [3, Л.6]. Также по инициативе А.С. Башкирова осенью 1920 г. действительными членами Общества были избраны Б.В. Фармаковский, А.А. Спицын и В.А. Городцов (выдающиеся русские археологи) [5, Л. 13об]. А для успешной координации деятельности он предложил организовать съезд археологов Поволжья в Самаре [5, Л. 28]. Однако эту затею не удалось реализовать по причине отсутствия средств.

Как мы увидели, с первых месяцев пребывания в Самаре А.С. Башкиров продемонстрировал большую активность и незаурядные организаторские способности. Академик М.Н. Тихомиров дал ему следующую характеристику: “ученостью он большой не отличался, но отличался зато некоторыми организационными талантами” [6, С. 68]. А.С. Башкиров являлся “главным источником “пассионарности” в Обществе” и “именно с ним была связана бурная организаторская деятельность Общества и его включение в различные сферы историко-культурного пространства Самарской губернии” [1, С.25].

Несмотря на неоспоримый талант организатора и дипломата, проявленный Башкировым при сношениях по делам Общества с Центром, внутри СОАИЭЕ отношения между его членами были неоднозначными. Весьма показателен следующий эпизод, еще более усложнивший и без того натянутые отношения в коллективе.

Между А.С. Башкировым и С.А.Хованским, вторым товарищем (т.е. заместителем) председателя, произошла ссора. В документах не осталось указания на ее причину, и бытовало две версии конфликта, что само уже указывает на раскол общества изнутри. Будто бы А.С. Башкиров, повздорив с С.А.Хованским, обозвал князя, а тот его ударил. По другой версии, конфликт произошел из-за того, что А.С. Башкиров предложил князю разделить между собой вещи, представляющие музейную ценность [6, С. 78]. П.Н. Ефимов (секретарь СОАИЭЕ) даже отказывался работать под началом Башкирова после этого инцидента, а тот, в свою очередь, на заседании Совета Общества 6 июля 1921 г., просил освободить его от обязанностей председателя [7, Л.7]. Все же решением Совета оба были оставлены в своих должностях.

Однако, А.С. Башкиров, будучи одаренным организатором и очень деятельным человеком, не мог оставаться долго на одном месте,

к тому же условия в провинции неуклонно ухудшались, в том числе и климат в коллективе был уже не тот после выше приведенного случая. Председатель приложил не мало усилий для своего назначения преподавателем I Московского государственного университета. Это произошло во многом благодаря частым и долгосрочным командировкам в Москву, которые он использовал для достижения своих личных целей. Так или иначе, но 14 октября 1922 г. Алексей Степанович Башкиров покинул Самару.

Подводя итоги, необходимо отметить, что на наш взгляд, приведенные материалы убедительно свидетельствуют о том, что личные качества человека, несомненно, могут иметь очень большое значение для достижения успешных результатов его деятельности.

Библиографический список

1. Зудина В.Н. Археологические изыскания // Классика самарского краеведения. Антология. – Вып. 5. “Золотое десятилетие” самарского краеведения. – Самара, 2008.
2. Жуков Ю.Н. Неизвестный документ о деятельности В.А. Городцова // Советская археология. – М., 1985. – №4.
3. ЦГАСО. – Ф.Р.558. – Оп.1. – Д.15.
4. Письмо В.В. Гольмстен к В.А. Городцову от 25/ХІІ 1921г. // Кузьминых С.В. Сафонов И.Е., Сташенков Д.А. Вера Владимировна Гольмстен: материалы к биографии. – Самара, 2007.
5. НА СОИКМ. – Ф. XI, 12. – Оп.1. – Д.2.
6. Воспоминания М.Н.Тихомирова // Классика самарского краеведения. Антология. – Самара, 2006. – Вып. 2.
7. ЦГАСО. – Ф.Р.558. – Оп.1. – Д.63.

Е.В. Панин

Московский государственный университет

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ ЗАПАДА ИМЕНИ Ю.Ю. МАРХЛЕВСКОГО

Революция 1917 года внесла кардинальные изменения во все стороны общественной, политической, социальной и экономической жизни в России. Новые принципы организации государственной власти, новые подходы по решению многочисленных проблем российского общества полностью изменили картину российской действительности.

Значительные изменения затронули национальную политику государства. Этому вопросу большевики уделяли огромное внимание с самого начала, в том числе организации национального образования.

С целью подготовки национальных партийных и советских, а также для поддержки национально-освободительных и революционных движений в других странах в России был открыт ряд высших учебных заведений для представителей различных национальностей. В их числе — Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ), Университет трудящихся Китая (УТК), Коммунистический университет национальных меньшинств Запада (КУНМЗ) и др. Наименее изученным среди них остается КУНМЗ.

Эти университеты имели ряд существенных особенностей в студенческом составе, структуре, сроках обучения, учебных планах и организации учебного процесса.

Решение об открытии КУНЗ было принято на совещании при агитпропотделе ЦК РКП 21 октября 1921 года. Предполагалось, что в университет будут приниматься как коммунисты, так и сочувствующие беспартийные, командируемые Губкомами, Ц.К. секций при ЦК и национальным отделом Наркомпроса. Для выработки конкретных мероприятий по открытию Университета было решено избрать комиссию в составе: И.Д. Удальцова (от Главполитпросвета), М.Я. Фрумкиной (от Еврейской секции Коминтерна) и Г.И. Бройдо (ректор Коммунистического университета трудящихся Востока).

28 ноября 1921 года вышло постановление СНК за подписью В.И. Ленина об учреждении университета. Главная его задача — “подготовка политических работников среди трудящихся масс национальных меньшинств Запада, населяющих РСФСР” [8]. Прописанное в постановлении об организации, а в дальнейшем и в уставе университета, условие построения преподавания на родных языках слушателей являлось основополагающим для интернациональных коммунистических вузов. По данному вопросу между членами комиссии поначалу даже существовали разногласия. Так, Бройдо был против преподавания на родных языках”.

Организационное оформление КУНМЗа затянулось до зимы 1922г., когда был утвержден его первый устав. Первым ректором был назначен Ю.Ю. Мархлевский. В составе КУНМЗа находилось одно филиальное отделение — Петроградское (с 1924г. — Ленинградское — ЛОКУНМЗ). Первоначально в университете существовала лишь очная форма обучения. Однако с 1930/1931 учебного года было принято решение об организации вечернего и заочного отделений при КУНМЗе. В том же году была организована аспирантура.

Характерным отличием КУНМЗа от других коммунистических вузов было построение учебно-воспитательного процесса по отдельным

национальным секторам с преподаванием на родных языках студентов. Первоначально существовали 8 секторов: Литовский, Еврейский, Латышский, Польский, Немецкий, Румынский, Эстонский и Финский. В дальнейшем в разное время были открыты еще 9 национальных секторов: Молдавский, Шведский, Датско-Норвежский, Венгерский, Белорусский, Болгарский, Югославский и Греческий. Наиболее многочисленными были латышский, еврейский и немецкий сектора.

Поскольку перед Коммунистическим Университетом Национальных Меньшинств Запада изначально стояла задача подготовки кадров как из среды советских национальных меньшинств, так и из числа представителей рабочих и коммунистических партий зарубежных стран, то комплектование секторов шло по двум основным линиям – по советской линии и по линии Коминтерна. По имеющимся сведениям за период с 1923 по 1932 гг. обучение в университете прошли около 7,5 тысяч студентов. Выпускники университета, многие из которых по окончании работали среди своей национальности, способствовали ускоренным процессам советизации на местах.

В 1930-х гг. начинается процесс изменения в национальной политике Советского государства. Декларируется постулат об окончательном решении национального вопроса, в связи с чем отпадает необходимость в предоставлении многочисленных преференций национальным меньшинствам. Вместе с тем советское руководство отказывается от идеи разжигания огня мировой революции. В этой связи в 1930-х годах закрываются вузы, предназначенные для отдельных национальностей. В 1936 году было принято решение о ликвидации Коммунистического Университета Национальных Меньшинств Запада им. Ю.Ю. Мархлевского.

Библиографический список

1. Александров А., Тимифеева Н. Партийные университеты. Из истории партийных учебных заведений // Политическое самообразование. – 1972. – № 11.

2. Леонова Л.С. Из истории подготовки партийных кадров в советских и партийных школах и коммунистических университетах (1921-1925 гг.). – М., 1972.

3. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 529.

4. Рындич А. Лабораторный план на конференциях комвузов // Коммунистическое просвещение. – 1923. – № 1.

5. Смирнова Т.М. Культурное строительство среди национальных меньшинств Петрограда – Ленинграда в 1917-1938 годах // Русская культура вне границ. – Вып. 3. – М., 1996.

6. Смирнова Т.М. Ликвидация советской системы культурной жизни национальных меньшинств Ленинграда и Ленинградской области // Россия и мир. Гуманитарные проблемы. Межвузовский сборник научных трудов. – Вып.1. – СПб., 2001.

7. Фрумкина М.Я. Коммунистический Университет национальных меньшинств Запада // Жизнь национальностей. – 1923. – № 1.

8. РГАСПИ. – Ф.529. – Оп.1. – Д.1. – Л.7.

Е.П. Неменко

Уральский государственный университет

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА О СРЕДНЕМ КЛАССЕ: ОТ БОРЬБЫ С “МЕЩАНСТВОМ” ДО СОЦИАЛЬНОГО КОМПРОМИССА

Статья подготовлена в рамках проекта реализации ФЦП
“Научные и научно-педагогические кадры инновационной России”
на 2009 – 2013 годы (НК-582П/13)

Вопрос о существовании среднего класса в Советском Союзе – один из самых обсуждаемых, так как является, по сути, вопросом об отличии и сходстве двух проектов эпохи модерн – капиталистического и коммунистического. Наличие выраженного среднего класса считается индикатором любого развитого капиталистического общества. В советской России революционный аскетизм 20-х гг. сменился отчетливым стремлением к материальному благосостоянию в послевоенный период. Еще до хрущевских лозунгов “потребительского коммунизма” режим выразил стремление пойти навстречу чаяниям средних слоев общества, открывая им доступ к определенному уровню потребления, карьерному росту, социальному статусу.

Так как режим возлагал большие надежды на официальную литературу в плане массовой идеологической пропаганды, то именно ее анализ представляет наибольший интерес с точки зрения выявления тех ценностей и посылов, которые власть хотела донести до читателя. Хотя открыто это не обсуждалось в советской литературе, но характерные черты формирования советского среднего класса могут быть почерпнуты из этого источника. Если режим искал новую широкую и стабильную опору, то именно средний класс был готов ему ее пред-

ложить. Сотрудничество власти и среднего класса, по мнению ряда исследователей, состоялось и в западной советологии получило название “Big Deal” (“Большая сделка”) [1, С.4]. Вопрос о том, когда именно произошла эта “сделка”, является дискуссионным. Можно датировать ее 1936 годом – годом “сталинской конституции”, когда было объявлено, что “в основном социализм в СССР построен”, а значит, режим более или менее устойчив и готов к диалогу. Ряд исследователей считают, что такой поворот от революционных ценностей к “простым человеческим” стал возможным в условиях угрозы национальной независимости в годы Великой отечественной войны [1, С.5].

Возможности сотрудничества режима со средним классом имели весьма глубокие причины. То, что их объединяло, с какого-то момента стало более весомым чем то, что их разделяло. Однако существовали и существенные трудности. Борьба с буржуазной культурой и ценностями легла в основу большевистской революционной доктрины и последующей государственной идеологии. Более того, она была одним из ее основных конститутивных элементов. Старый язык большевистских догматов оставался основой легитимности советской политической власти, а потому революционная доктрина не могла ни избегаться, ни соблюдаться. Закономерно перед властью и обществом вставал вопрос: как совместить неофициальные буржуазные ценности зарождающегося среднего класса с официальной антибуржуазной идеологией? “Большую сделку” сопровождала неопределенность и амбивалентность, с которой она объяснялась людям. С одной стороны, необходимо было дать понять, что власть готова к сотрудничеству, а с другой, нельзя было отступать от антибуржуазного пафоса официальной идеологии, которая цементировала систему. Вместо того, чтобы покончить с традиционными революционными канонами, режим просто согласовал их с предпочтениями своего нового партнера, среднего класса.

Все 20-е и отчасти 30-е годы продолжалось искоренение буржуазных пережитков в быту и сознании людей. Это во многом совпадало с государственной политикой, направленной на ликвидацию остатков частной собственности в деревне и в городе.

Собственность считалась источником всех зол и пороков, заставляющая людей жить “для себя”, питающая эгоистические инстинкты. Отсюда война, объявленная быту как необходимому атрибуту мещанства. По многим произведениям советской литературы мы можем наблюдать, как само понятие “быт” (или “старый быт”) ассоциируется с остатками индивидуальной собственности. В особенности такой собственности, которая приносит человеку какой-то самостоятельный

доход, то есть позволяет жить более или менее независимо. В этой связи коснемся поэмы Эдуарда Багрицкого “Человек предместья”. Она была написана в 1932 г., т.е. уже к концу коллективизации и по духу своему отвечала именно этим процессам и событиям. Главный герой поэмы — “человек предместья” — хозяин маленького дома с небольшим садом и кое-какой скотиной, при том человек трудящийся, который все наживает собственным трудом. Но уже один факт, что этот человек — собственник, заставлял поэта выражать крайнюю неприязнь к нему и рисовать его в духе первоначальников капитализма (*И глядя на мир из дверей амбара, / из пахнувших крысами недр его, / Не отдавай ни сора, ни пара, / Ни камня, ни дерева — ничего!*). никаких серьезных обвинений против “человека предместья” Багрицкий не выдвигает. Вина этого человека в том, что он собственник, что у него дом, и он живет ради этого дома. Багрицкий рисует картину близкого будущего: как в этот в дом вторгается эпоха, а именно, революционеры-победители (*Смотри же сюда, человек предместий: — Мы здесь! Мы пируем в твоём дому!*) [2, С. 37].

После такой мощной атаки на “мещанство”, собственность и буржуазность режиму стало чрезвычайно непросто переориентироваться на дореволюционные ценности. Однако необходимый результат был достигнут путем “раздвоения” массового сознания. Антибуржуазная риторика советской пропаганды сопровождалась мягким культивированием быта в советской литературе. Элементарный “быт” становится ценностью и всячески обыгрывается, подчеркивается и превозносится именно в силу его уничтожения или общебытовой недостаточности. Элементарный продукт потребления становится достижением и знаком особого достоинства, за который надо бороться. Иными словами, быт выдвигается на первое место, где с этим бытом было туго и плохо. Он приобретает какие-то утрированные, гиперболические черты, поскольку от него роковым образом зависит само существование человека [3, С.222].

Желание “жить для себя” в послевоенный период становится стабилизирующим и уравнивающим фактором нового общества. Приведем ряд описательных сцен из повести Юрия Трифонова 1950 г. “Студенты”, которые хорошо иллюстрируют сдвиги от “публичного” к “частному”. Автор описывает комнату в общежитии своей героини, уделяя внимание мелочам, деталям быта: “Над кроватью были развешаны марки с видами Венеции, Парижа и моря. Несколько ярко вышитых подушек опрятно лежали на кровати. Маленький ночной столик покрыт розовой салфеткой с фестонными краями” [4, С.16]. Вообще, розовый цвет становится излюбленным в послевоенных книгах, наравне с оранжевым. “Фестонные салфетки” были немислимы

в ранней советской литературе. Материальные aspirations пронизывают послевоенное общество сверху донизу. Прическа, косметика, парфюмерия, одежда – атрибуты женственности- приобретают существенное значение в социальной жизни. Акцент на женственности сделал классическую тему большевистских мускулистых женщин-амазонок немодной: “Она одевалась и долго укладывала свои волосы по последней моде. Она была средней студенткой и в основном ничем не выделялась в университете кроме своих шикарных нарядов... В этом сезоне носят юбки “под откос”[4, С.24].

Право среднего советского гражданина желать комфортной жизни вырастает в мощную самостоятельную тему в послевоенные годы и постепенно вытесняет критику “мещанства” из литературы. Действительно, за годы ограничений, препятствий и лишений советский человек превращается из революционного аскета в сознательного изощренного потребителя, вся жизнь которого сосредоточена на преодолении препятствий со стороны государства. Система воспитывала в советском человеке изворотливость и живучесть, ситуация постоянного “раздвоения” – привычку к притворству и лицемерию [5, С.435]. “На выходе” из советского социального и антропологического эксперимента получился агрессивный собственник, естественный, неотрелексированный консюмеризм которого не знает границ. Особенностью советского “среднего класса” стало то, что его потребление не сопровождалось накоплением, как это было с “нормальным” средним классом на Западе, а потому не происходило продуктивного поступательного движения вперед, что делает средний класс основой устойчивости западных демократий.

Библиографический список

1. Dunham V. In Stalin's Time: Middleclass values in Soviet Fiction. – London, 1990.
2. Багрицкий Э. Собрание сочинений: в 2 т. – Т. 1. / под. ред. И. Уткина. – М.-Л., 1938.
3. Синявский А. Основы советской цивилизации. – М., 2002.
4. Трифонов Ю. Студенты // Новый мир. – 1950. – № 10.
5. Хархордин О. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. – СПб, 2002.

**СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
ПРОБЛЕМ ИДЕОЛОГИИ ПУГАЧЕВСКОГО ВОССТАНИЯ 1773-75 гг.**

Несмотря на единство методологической базы (материалистическое понимание истории), в советской историографии не сложилось единой оценки идеологической стороны Пугачевского восстания. Одной из главных причин этого является двойственность идеологической задачи, стоявшей перед советскими историками. С одной стороны необходимо было вписать крестьянские восстания в теорию классовой борьбы, что предполагало подчеркивание их значимости в историческом процессе и их прогрессивного развития (нарастания). В этом случае уровень развития идеологии, сознательности и организованности Пугачевского восстания *сравнивается с более ранними крестьянскими движениями*, на фоне которых Пугачевщина выгодно отличается. С другой стороны, необходимо было выделить “классовую ограниченность” крестьянских войн в сравнении с революционным движением пролетариата, руководимого социалистической партией и марксистской идеологией. В этом случае Пугачевское восстание *сравнивается с революционным движением XIX – начала XX вв.*, по сравнению с которым оно выглядит слабо развитым и в организационном, и в идеологическом аспектах.

Исходя из этих двух подходов к Пугачевщине можно выделить две противоположные концепции, трактующие идеологическое содержание “четвертой Крестьянской войны в России”: одна из них стремится выделить наиболее развитые стороны “идеологии” восстания, другая, напротив, акцентирует внимание на недостатках в представлениях и целях восставших. Богатая аргументация каждой из указанных концепций весьма непоследовательно приводится в работах советских историков (мое исследование основано на изучении 43 работ 31 историка, опубликованных в 1920-80-е гг.). Это ставит задачу абстрагирования от систем взглядов конкретных историков и выделения из их рассуждений отдельных смысловых звеньев, которые искусственно встраиваются в указанные две концепции исключительно исходя из их логических оснований. В результате получаются два абстрагированных, но логичных и систематизированных подхода, которые дают общее представление о ходе дискуссии советских историков об идеологической стороне восстания Е.И. Пугачева.

Аргументация каждой из двух концепций раскрывается в четырех основных вопросах, каждый из которых разбирается на ряд вопросов

вспомогательных. Результаты исследования я привожу в форме таблицы. Формат данной статьи не позволяет пользоваться ссылками на работы конкретных историков.

Две концепции	«МАКСИМАЛИСТСКАЯ»	«МИНИМАЛИСТСКАЯ»
с чем сравнивали Пугачевщину	сравнение с предшествующими крестьянскими войнами	сравнение с революционным движением XIX – нач. XX вв.
наиболее яркие представители	В.И. Буганов, А.И. Андрущенко, Р.В. Овчинников	М.Т. Белявский, М.А. Рахматуллин, Р.В. Филиппов

1. Можно ли квалифицировать общественное сознание участников восстания как идеологию?

	ИДЕОЛОГИЯ БЫЛА	ИДЕОЛОГИИ НЕ БЫЛО
I. Споры вокруг понятия идеологии		
1.1. Соотношение идеологии и общественной психологии	они являются разными <i>сторонами</i> общественного сознания, поэтому появляются одновременно и развиваются параллельно	они являются разными <i>элементами</i> сознания класса, поэтому возникают не одновременно, причем, идеология к началу Пугачевщины еще не возникла
1.2. Соотношение идеологии и объективных классовых интересов	это одно и то же, поэтому раз не может быть класса без интересов, то не может быть и класса без идеологии	это разные вещи, поэтому класс может быть без идеологии, но с интересами (еще не осознать свое единство и единство своих интересов)
1.3. Кем вырабатывается идеология	<ul style="list-style-type: none"> самим классом идеологами, причем во время восстания идеологи у крестьян были 	не самим классом, а только идеологами, которых не было (до конца XVIII или до вт. пол. XIX в.)
II. Дополнительные аргументы		
конкретно-исторические	идеология крестьян выражалась в народном устном и рукописном творчестве, в чело-битных, в наказах в Уложенную комиссию и др.	даже представители различных категорий крестьянства в Уложенной Комиссии не смогли осознать общность интересов крестьянства

2. Вопрос о наличии идеологической борьбы в период восстания

	ИДЕОЛ. БОРЬБА БЫЛА	ИДЕОЛ. БОРЬБЫ НЕ БЫЛО
теоретические	1. поскольку была идеология 2. ссылка на цитату В.И. Ленина о видах классовой борьбы	поскольку не было идеологии, то не было и идеологической борьбы
конкретно-исторические	на пугачевские манифесты власть отвечала «различными формами противопугачевской агитации»	

3. Вопрос о наличии программы у пугачевцев

	ПРОГРАММА БЫЛА	ПРОГРАММЫ НЕ БЫЛО И НЕ МОГЛО БЫТЬ
понимание программы	как требования, сформулированные на более высоком уровне, чем в предыдущих крестьянских войнах	как документ революционного движения, начало которого В.И. Ленин относил лишь к 1825 г.
конкретно-исторические аргументы	крестьянская программа преобразования общества начала формулироваться еще депутатами крестьян в Уложенную Комиссию и потом стала лозунгами Пугачевского восстания	<ul style="list-style-type: none"> • требования восставших не получили теоретического обоснования • преобладание негативных элементов в общественном сознании крестьян над позитивными

4. Носили ли требования и стремления крестьянства, выраженные в манифестах Е.И. Пугачева, антифеодальный характер?

	АНТИФЕОДАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ТРЕБОВАНИЙ	НЕ АНТИФЕОДАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ТРЕБОВАНИЙ
	боролись против всего феодально-крепостнического строя	боролись против отдельных проявлений феодализма, но в его рамках
1. Требовали ли крестьяне изменения всего способа производства?		
1.1. <i>В отношении идеологии руководства восстания:</i> жаловал ли Пугачев освобождением от крепостной зависимости?	<ul style="list-style-type: none"> • пугачевские манифесты с самого начала восстания пугачевские манифесты жаловали отменой крепостной зависимости • формулу манифестов о переходе крестьян в статус «рабов короны» нельзя трактовать как перевод крестьян в разряд государственных 	манифесты провозгласили отмену зависимости крестьян от дворян лишь 31 июля 1774 г. (до этого «воля» понималась как свобода от государственных повинностей), но не как полное освобождение крестьян от всякой зависимости, а как перевод их в статус государственных
1.2. <i>В аспекте крестьянского сознания:</i> стремились ли крестьяне к полной свободе?	<ul style="list-style-type: none"> • главная мечта крестьян – «земля и воля» (причем «воля» не мыслилась крестьянами без земли) 	<ul style="list-style-type: none"> • помещичье крестьянство стремилось не к полной свободе, а лишь к переходу из состояния частновладельческих в состояние государственных

2. Каково было отношение крестьян к дворянству и власти?		
2.1. В аспекте идеологии руководства восстания: призывали ли манифесты к уничтожению <u>всего</u> дворянства?	в отличие от предыдущих восстаний, пугачевские манифесты провозгласили курс на уничтожение всего дворянского сословия (либо с самого начала восстания, либо с декабря 1773 г., либо с июня-июля 1774 г.)	
2.2. В сфере крестьянского сознания: желало ли крестьянство уничтожения всего дворянства?	<p>два обоснования борьбы крестьян за уничтожение всего дворянства</p> <ul style="list-style-type: none"> • через стремление к освобождению от крепостной зависимости и наделению землей • через стремление к власти 	<ul style="list-style-type: none"> • боролись не против всего дворянства, а против их отдельных представителей • ленинская цитата о том, что крестьяне сами не могли осознать «политическую сторону» дела
3. Какой характер носил их идеал нового общественного устройства?		
Могла ли «идеология» восстания выйти за рамки феодального общества?	новая знать не связывалась с владением крепостными	крестьянская утопия строится из феодального материала и не могла «выйти за рамки идеологии феодального общества»

И.С. Аброскина

Самарский государственный университет

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А.М. АНФИМОВА

Андрей Матвеевич Анфимов (1916-1995) – один из известных и авторитетных российских историков-аграрников. Его перу принадлежат многочисленные глубокие исследования крестьянского и помещичьего землевладения, землепользования, хозяйства, проблем сложнейших отношений в российской деревне рубежа XIX-XX вв. Будучи представителем фронтового поколения ученых, он сравнительно поздно пришел в науку, но сумел компенсировать потерянное время громадной и разносторонней работой, о чем свидетельствует обширный перечень его публикаций. Его мощный талант, дарование исто-

рика реализовались в более чем 150 опубликованных работах, в том числе в монографиях, десятках оставивших заметный историографический след, статьях.

Велика заслуга Андрея Матвеевича в издании фундаментальной серии сборников документов о крестьянском движении в России в конце XIX – начале XX вв. Концептуальная основа его работ послужила одной из исходных посылок теории многоукладности, без которой невозможно понять экономику и социальную структуру дореволюционной России, и эволюцию ее аграрного сектора. Известен Андрей Матвеевич, особенно среди аграрников, и как организатор и активный участник сессий симпозиумов по аграрной истории Восточной Европы, что требовало величайшей энергии и самоотдачи, и как многолетний редактор “Материалов по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР”, “Ежегодников по аграрной истории Восточной Европы”. Андрей Матвеевич был среди зачинателей известных дискуссий 50–60-х годов, обсуждавших важнейшие теоретико-методологические и конкретно-исторические проблемы аграрной истории дореволюционной России (о характере аграрного строя страны, природе мелкотоварного производства, многоукладности российской экономики и др.), которые до сих пор требуют ответа.

С 1956 г. и до конца жизни Андрей Матвеевич – сотрудник Института истории АН СССР (ныне Институт Российской истории РАН). Свою научную деятельность он начал в Комиссии по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР, а затем в секторе истории СССР периода капитализма, где руководителями были А.Л. Сидоров и Л.М. Иванов. Сектор был одним из самых сильных творческих коллективов в Институте, но Андрей Матвеевич не затерялся среди маститых коллег. Придя в науку в зрелом возрасте, с большим жизненным опытом, он, в благоприятных условиях “хрущевской оттепели”, сумел за короткий срок приобрести авторитет крупного специалиста по аграрной истории дореволюционной России. В его работах поднимались, как правило, кардинальные научные проблемы. Ряд его крупных фундаментальных статей – “К вопросу о характере аграрного строя Европейской России в начале XX в.” [1] (1959), “К вопросу об определении экономических типов земледельческого хозяйства. Конец XIX – начало XX в.” [2] (1961), “О мелком товарном производстве в сельском хозяйстве пореформенной России” [3] (1963), “В.И. Ленин о российском крестьянстве” [4] (1970) и др. – по своей значимости можно вполне приравнять к серьезным монографическим исследованиям.

Результатом упорной работы стала подготовка и публикация в начале 60-х годов монографий “Земельная аренда в России в начале

XX в.” [5] (1961) и “Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917)” [6] (1962). Обобщив обширный материал, А. М. Анфимов показал соотношение продовольственной, мелкотоварной и капиталистической аренды в сельском хозяйстве России, обрисовал социально-экономическое положение деревни накануне новой буржуазно-демократической революции.

В 1969 г. вышла еще одна капитальная работа А.М. Анфимова – “Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX – начало XX века)” [7], подготовленная на основе защищенной им в 1966 г. докторской диссертации. Проанализировав огромный корпус первоисточников, исследователь показал сочетание в помещичьем хозяйстве прогрессивных и тормозивших аграрное развитие черт — при значительном перевесе последних. Эти работы знаменовали собой этапный поворот от одностороннего показа буржуазных черт аграрного строя России к раскрытию сложной совокупности аграрных отношений, включавших в себя наряду с капиталистическими и пережиточные до- и раннекапиталистические формы.

Им была подготовлена к изданию рукопись монографии “П.А. Столыпин и российское крестьянство” — квинтэссенция его многолетних творческих изысканий, отредактирован сборник документов “Крестьянское движение в России в 1901-1904 гг.”, в год его смерти вышел документально-статистический справочник “Россия. 1913 год”, где он был редактором и автором ряда разделов. Наиболее ценные материалы из своего личного архива он отобрал и подготовил для передачи на хранение в Российскую Государственную библиотеку, где находится и личный фонд его учителя А. Л. Сидорова.

В монографии “Столыпин и российское крестьянство” [8], А.М. Анфимов, опираясь на глубокий анализ статистических данных, показал целый ряд причин экономического, социального и психологического характера, в силу которых правительство не смогло разрушить общину в центре Европейской России. Впервые в отечественной историографии Анфимов убедительно показал и продолжающуюся связь многих крестьян, вышедших из общины, с общинными формами землепользования. Автор вскрыл очень жесткую систему эксплуатации крестьян помещиками, которые, используя нарастающую нехватку земли у крестьян, брали арендную плату все более растущими по объему отработками или высокой долей урожая. В такой ситуации трудно удивляться тому, что крестьяне с ненавистью смотрели на помещичье землевладение и выступали за уравнилельно-трудовое использование земли. Иными словами Анфимов подтвердил наличие очень существенных социально-экономических факторов, которые стимулировали сохранение и укрепление общинного менталитета в межреволю-

ционный период. Ученый четко определил, а тем самым и ограничил тему своего исследования; указал, в каком соотношении находится рассматриваемый им вопрос с более широкой проблемой развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве и экономике страны в целом; в интересах контроля и проверки основного вывода и учитывая отсутствие конкретных исследований по ряду вопросов темы, им был избран путь ее комплексного решения — в определенную систему связей и взаимоотношений поставлены различные стороны и аспекты проблемы аграрного строя России.

А.М. Анфимов — выдающийся советский и русский историк. Он был не только выдающимся деятелем высшей школы, но и крупнейшим организатором науки. Долгие годы он профессионально работал в области истории общественной мысли России XX века и по проблемам отечественной историографии. Поистине огромен его вклад в изучение аграрной истории России первой половины XIX в., попытки охватить эволюцию российской деревни от реформ 1861 г. до 1917 г., причем проблематика его исследований неуклонно расширялась.

Библиографический список

1. Анфимов А.М. К вопросу о характере аграрного строя Европейской России в начале XX в. // Исторические записки. — 1959. — Т.65.
2. Анфимов А.М. К вопросу об определении экономических типов земледельческого хозяйства (конец XIX — начало XX в.) // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. — М., 1961.
3. Анфимов А.М. О мелкотоварном производстве и развитии капитализма в России XIX в. // История СССР. — 1962. — № 4.
4. Анфимов А.М. В.И. Ленин о российском крестьянстве // В.И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России. — М., 1970.
5. Анфимов А.М. Земельная аренда в России в начале XX в. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961.
6. Анфимов А.М. Российская деревня в годы первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.). — М.: Соцэкгиз, 1962.
7. Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX — начало XX века). — М., 1969.
8. Анфимов А.М. Столыпин и российское крестьянство. — М., 1968.

**ВОПРОС О НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КАПИТАЛА
“ТОВАРИЩЕСТВА БРАТЬЕВ НОБЕЛЬ”
В ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Бакинская нефтепромышленность рубежа XIX-XX вв. на протяжении длительного периода времени вызывает интерес исследователей. Современная тенденция переоценки многих решенных в советский период вопросов коснулась и различных аспектов Бакинской нефтепромышленности.

Один из подобных вопросов, ставший дискуссионным в трудах современных исследователей связан с национальной принадлежности концерна “Товарищества Братьев Нобель”, которое было зарегистрировано в 1879 г. Л.Э. Нобелем. Уже к концу XIX века компания практически не имела конкурентов по объему добычи и экспорту бакинской нефти в данном регионе.

В советской историографии была заложена традиция рассматривать Нобелей как иностранных предпринимателей. К примеру, эта позиция прослеживается в работе известного исследователя роли иностранного капитала в России Л.Я. Эвентова. В своей монографии он указывает, что “на протяжении своей деятельности Товарищество было тесно связано с немецким капиталом, главным образом через Дисконто-Гезельшафт; оно даже систематически печатало свои отчеты на русском и немецком языках. Впоследствии нобелевское предприятие через международные группировки вошло в контакт с английским и французским капиталом. Этого достаточно для включения нобелевского предприятия в группу иностранных” [1, С. 15]. Однако Эвентов отмечал, что значительную часть капитала Нобели заработали в России.

Упомянутая идея существует и в современной историографии. На основании этой концепции выстраивает свое исследование роли иностранного капитала М.Ч. Чшиева [2]. Нобели в ее работе отнесены в группу иностранных компаний. Автор указывает на личные связи братьев “с аристократической и финансовой элитой скандинавских стран” [2, С. 48]. Чшиева также говорит о постоянной финансовой помощи А. Нобеля. Таким образом, источником финансирования Нобелевской корпорации М.Ч. Чшиева видит иностранных инвесторов. Региональные историки Азербайджана Э. Мурдалиева [3], Ч. Султанов [4] и С. Юсиф-Заде [5] придерживаются взглядов старой школы историографов в вопросе о хищническом характере эксплуа-

тации нефтяных приисков иностранными компаниями, которым они причисляют и Нобелей.

Иная точка зрения принадлежит Воронковой С.В. В монографии “Россия и мировой бизнес” [6] она придерживается версии об отечественном происхождении нобелевского капитала. В биографии А. Нобеля говорится, о том, что его братья к периоду покупки нефтеносного участка имели русское подданство [6, С. 27] и большая часть средств, вложенных в покупку земли в Баку, была заработана во время поставок оружия в царскую армию. В. Чумаков в работе “Русский капитал: от Демидовых до Нобелей” [7] причисляет Нобелей к русским предпринимателям. Автор так же ссылается на русское подданство Людвига и Роберта Нобелей. С этим фактором он связывает отсутствие проблем при приобретении бакинской земли в собственность, с которыми сталкивались иностранцы, вынужденные приобретать нефтеносные участки через посредников-русских.

Третья точка зрения по этому вопросу содержится в исследованиях В.Н. Косторниченко. Нобелевский капитал он представляет как “яркий пример ассимиляции иностранного предпринимательства на российской почве, его сращивания с отечественным капиталом” [8, С.48]. Косторниченко отмечает тот факт, что Нобели вели огромную работу с иностранными инвесторами ведущих европейских стран. Точку зрения Косторниченко поддерживают в своих работах и И. Дьяконова [9] [10] и Джафаровы [11], в работах, изучающих деятельность нобелевской компании.

Такого же мнения на происхождение нобелевского капитала придерживается и составители сборника документов “Архивы бакинских нефтяных компаний”, вышедшего в 2009 г. под редакцией В. Сеидова. Во вступительной статье [12, С. 21] к сборнику Сеидов отдельным вопросом рассматривает положение фирмы Нобелей в Баку. Документы раскрывают период становления фирмы и деятельность братьев Нобелей в области инвестиций. Сеидов заключает, что “Товарищество” являет пример гармоничного объединения иностранного и российского капитала в рамках одной компании, не навредивший, ни фирме, ни региону, в котором она развивалась.

Таким образом, сегодня вопрос о национальной принадлежности капитала “Товарищества братьев Нобель” остается дискуссионным. Однако в работах большинства современных авторов не поддерживается существовавшая ранее оценка нобелевской фирмы как иностранной компании. Авторы обращают внимание на начальный этап становления фирмы, когда основу нефтяного предприятия составили капиталы, полученные семьей Нобелей в результате предпринимательской деятельности в России, а также поставок оружия в царскую армию во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Библиографический список

1. Эвентов Л. Иностранный капитал в нефтяной промышленности России (1874–1917 гг.). – М.–Л., 1925.
2. Чшева М.Ч. Иностранный капитал в нефтяной промышленности Кавказа в конце XIX – начале XX века : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. – Владикавказ, 2005.
3. Мурадалиева Э.Б. Кровь земная – нефть Азербайджана и история. – Баку : Изд-во “Мутарджим”, 2005.
4. Султанов Ч.А. Нефть. – Баку : Изд-во “Нафта-Пресс”, 2000. – Т. 1.
5. Юсиф-заде С.З. Азербайджано-британские отношения в начале XX века. – Баку: Изд-во “Tehils” NPM, 2008.
6. Воронкова С.В. Россия и мировой бизнес: дела и судьбы. – Москва: Изд-во “МГУ”, 1995.
7. Чумаков, В. Русский капитал от Демидовых до Нобелей. – Москва: Изд-во “НЦ ЭНАС”, 2008.
8. Косторниченко В.Н. Иностранный капитал в нефтяной промышленности дореволюционной России: к разработке периодизации процесса // Экономическая история. Обзорение / Под ред. Л.И.Бородкина. Вып. 10. М., 2005. – С. 46 – 67.
9. Дьяконова И.А. Азы нефтерынка по Нобелю [Электронный ресурс] // Независимое нефтяное обозрение “Скважина” : [сайт] / Ирина Дьяконова – Режим доступа: <http://www.nefte.ru/history/history4.htm> (28.08.10).
10. Дьяконова И.А. Нефть и уголь в энергетике царской России в международных сопоставлениях. – М.: РОССПЭН, 1999.
11. Джафаров К.И. Товарищество нефтяного производства братьев Нобель // Науковедение. – 2001. – №1. – То же [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/HISTORY/BRANOBEL.HTM>. – Загл. с экрана.
12. Сеидов В. Архивы бакинских нефтяных фирм: XIX – начало XX века. – Москва, 2009.

СЕКЦИЯ "РУССКАЯ КУЛЬТУРА И ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ"

А.А. Лушников
Пензенский государственный
педагогический университет

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПОСМЕРТНОЙ УЧАСТИ У ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН И КРИЗИС ИХ ДОХРИСТИАНСКОЙ РЕЛИГИИ

Комплекс верований, связанных с загробным миром и посмертной участью человека, играет важную роль практически в любой религии. Тем не менее, вопрос о том, какой характер они принимали в восточнославянском язычестве перед крещением Руси, остается в тени.

С конца VI – начала VII вв. данная религия, выражавшая ранее идеологию родового строя, вместе с процессами социальной дифференциацией вступает в полосу кризиса, получившего особое развитие в IX-X вв. Соответственно, новые общественные явления должны были оказать влияние на язычество. В процессе работы над источниками мы выяснили, что в поздней дохристианской религии присутствовало понятие т.н. *вечного рабства*. Существование последнего было зафиксировано Львом Диаконом в 9-й книге "Истории": "О тавроскифах рассказывают еще и то, что они вплоть до нынешних времен никогда не сдаются врагам даже побежденные, – когда нет уже надежды на спасение, они пронзают себе мечами внутренности и таким образом сами себя убивают...убитые в сражении неприятелем, считают они, становятся после смерти и отлучения души от тела рабами его в подземном мире. Страшась такого служения...они сами причиняют себе смерть" [1, С. 79]. Комментаторы Льва Диакона М.Я.Сюзюмов и С.А.Иванов усомнились в объективности этого сообщения, т.к. в Повести временных лет (далее – ПВЛ) в тексте договора Игоря с греками содержится указание на якобы "кару" от собственного меча, и считали подобный пассаж перенесением на славян верований тюрков и венгров [1, С. 212]. Однако аналогичные действия руса описывал арабский автор Ибн Мискавейх: "Когда он заметил, что будет взят в плен, он влез на дерево, которое росло близко от него, и наносил сам себе удары кинжалом своим в смертельные места до тех пор, пока не упал мертвым"[2, С. 70]. Кроме того, в той же договоре с греками (по Лаврентьевскому списку ПВЛ) о клятвопреступниках

из числа язычников говорится: “да будут раби въ весь векъ в будущи” [3, С. 48]. Поэтому вряд ли необходимо отрицать наличие верований о посмертном рабстве у восточных славян. Они соответствовали тем представлениям о мировом кругообороте, отсутствию посмертного воздаяния и какой-либо смены статуса, которые были распространены в эпоху родового строя. Таким образом, у человека было всего лишь два выхода при опасности попасть в рабство — покончить с собой или оставаться рабом целую вечность.

Однако эти верования не могли уступать представлениям о посмертном воздаянии, проникающим вместе с христианством. В связи с этим интересна мифология, связанная с т.н. “птичьим” и “змеиным” “ирием”, при этом ирий мог означать не только место пребывания души после смерти, но и “теплые края”, место, куда улетают перелетные птицы зимой, хотя понятно, что эти образы накладывались друг на друга: ““Значить, на Здвиження і гадюки в вирш посунуть. — Хибаж гадюки долізуть у вирій? То птиці летять у вирій, а гадюки в землі, мабуть, в норях сидять” [4, С. 141-142]. Подобный дуализм “вырия” можно было бы оставить без внимания, если бы не свидетельства других источников. Во-первых, это слова одного язычника, переданные Ибн Фадланом: “Вы арабы глупый народ, ибо вы берете милейшего и почтеннейшего для вас из людей и бросаете его в землю, где его съедают пресмыкающиеся и черви; мы же сжигаем его в огне, в одно мгновение, и он в тот же час входит в рай” [5, С. 100]. Во-вторых, это сюжет из былины о Михаиле Потоке, где герой оказывается похороненным под землю и на него нападает “змея подземельная” или же, по некоторым вариантам, “Змей о двенадцати хоботах” [6, С. 183]. Мы полагаем, что “змеиный ирий” вполне мог быть неким прообразом ада, что было уже чуждо славянскому язычеству родового строя.

Заметим, что вместе с зарождением подобных представлений происходило активное возвышение Перуна и, в частности, выделение функции суда и воздаяния этого бога. Здесь мы обратимся к “Житию Артемия Веркольского”, по которому главного героя внезапно умирает от удара грома, но его хоронят вне кладбища, как преступника, что соответствовало представлениям о карающих громах и молнии (по списку Синадальной библиотеки): ““положено же бысть тело сего благо блаженного Артемия на пустсе месте в лесе еже нарицается солония верхъ земли не погребено одаль церкви” [7, Л. 42] (по списку Барсова — “сосония” [8, Л. 6]). При этом о сходных верованиях писал еще Ибн-Фадлан [5, С. 91] Понятно, что древнейшая мифология змееборчества приобрела тогда большую актуальность. Вместе с этим показательны и большие изменения в погребальной обрядности, связанные с введением труположения вместо кремации (ряд курганов Киевщины и

Черниговщины Х в.). В целом мы полагаем, что вопрос о загробном мире и посмертном воздаянии был достаточно насущным для общественного сознания Древней Руси перед крещением.

Библиографический список

1. Лев Диакон. История. — М., 1988.
2. Ибн Мискавейх. Книга Якубовский А. Ю. Ибн-Мискавейх о походе русов в Бердаа в 943—944 гг// Византийский временник. — Ленинград, 1926. — Т.24.
3. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). — Л., 1928. — Т.1. Лаврентьевская летопись.
4. Дикарев М. Народний календар Валуйського повіту (Борисівської волости) у Вороніжчині // “Матеріяли до українсько-руської етнології. Видане Етнографічної комісії Наукового Товариства ім. Шевченка у Львові”. — Львів, 1905. — Т. 6.
5. Из “Записки” Ахмеда ибн-Фадлана ибн-Абасса ибн-Рашида ибн-Хаммада / ГаркваниА.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р.Х.). — СПб., 1870.
6. Сказание о трех богатырях — о Илье Муромце, и о Михаиле Потоке Ивановиче, и Олеше Поповиче киевских — и о происхождении их // Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков. — М.-Л., 1960.
7. Государственный исторический музей (ГИМ). Син.868.
8. ГИМ. Барс.846.

А.И. Манькова

Самарский государственный университет

ЕВРОПЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В КРУГЕ ЧТЕНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II

Идея приобщения России к достижениям европейской культуры, возникшая в годы правления Петра Великого, во второй половине XVIII века получила свое дальнейшее развитие. Установление тесных связей с представителями культуры и науки европейских стран, постоянный плодотворный обмен знаниями и идеями с передовыми государствами того времени становятся важным фактором развития Российской империи.

Для императрицы Екатерины II было характерно глубокое понимание своей причастности к духовным ценностям мировой культуры [1, С.5]. Именно поэтому, уделяя пристальное внимание своему образованию, она большое значение придавала изучению литературных

произведений Западной Европы. Тематика этих произведений достаточно разнообразна, но преобладали книги по философии и истории, энциклопедии, труды ученых обществ, произведения античных авторов, книги о политике, педагогике и законодательстве [2, С.24].

Екатерина II хотела “стоять в уровень с умственным и художественным движением века” [3, С.90], и уже с юности она начала проявлять интерес к отдельным произведениям французской и итальянской литературы, с каждым годом пополняя список прочитанных книг.

Круг чтения будущей императрицы формировался благодаря рекомендациям ее знакомых иностранцев, среди которых особую признательность она испытывала к графу Гилленбургу и барону Акселю фон Мардефельду.

По свидетельству самой императрицы, именно граф Гилленбург указывал ей на необходимость “питать душу чтением лучших книг, читать Жития знаменитых мужей Плутарха, житие Цицерона и о Причинах величия и упадка Римской Республики, сочинение Монтескье” [4, С.20]. А барона Акселя фон Мардефельда Екатерина благодарила за рекомендацию прочесть “Исторический и критический словарь” Пьера Бейля. Также Екатерина упоминает, что, будучи великой княгиней, “я читала Записки Брантома, которые очень занимали меня. Перед тем я прочла жизнь Генриха IV, сочинение Перификса” [4, С.70].

Через несколько лет после восшествия на престол Екатерина II предпринимает важную меру для решения проблемы доступности иностранной литературы. В 1769 году императрица учреждает в России “Собрание старающееся о переводе иностранных книг”, деятельность которого в значительной мере была направлена на перевод античных авторов – Тацита, Саллюстия, Теофраста и др. Однако не меньшее внимание уделялось и великим современникам – деятелям европейского Просвещения [5, С.151].

Из всего многообразия просветительских произведений, распространившихся в странах Западной Европы во второй половине XVIII века, российская императрица особо выделяет и с наибольшим интересом изучает идеи французских авторов.

Большое влияние на Екатерину II оказала книга “Дух законов” Монтескье. К середине XVIII столетия сочинения этого французского автора стали неслучайной принадлежностью библиотеки всякого образованного человека, и императрица не стала исключением. Про “Дух законов” Екатерина говорила – “эта книга служит для меня молитвенником. Вот...образчик судьбы, которой подвергаются книги гениальных людей, они служат для благосостояния человеческого рода” [6, С.150]. Выписки из этого трактата, с которым императрица не расставалась несколько месяцев подряд, позднее вошли в “Наказ Комиссии о составлении нового Уложения” [7, С.6].

Наиболее существенными для своего развития Екатерина II считала просветительские идеи Вольтера, с которым она вела обширную переписку. В екатерининскую эпоху предпочитаемыми сочинениями Вольтера были “Вавилонская принцесса”, “Задиг”, “Кандид”, “Человек в сорок талеров”. В России названные произведения печатались большими тиражами и переиздавались [8, С.490], а “Опыт о нравах” Вольтера сменил “Дух законов” Монтескье в качестве настольной книги императрицы. Ни к какому другому писателю Екатерина не относилась со столь трепетной любовью и горячим энтузиазмом, совершенно не замечала его недостатков, видела в нем некий идеал просвещенного литератора. Подтверждением этому служит отрывок из письма императрицы Вольтеру: “Я ожидаю 4-го и 5-го Тома Энциклопедических предложений с тою нетерпеливостью, которую имею Я только к одним вашим сочинениям; Я за них наперед приношу вам Мою благодарность. Прошу вас присылать и впредь превосходные ваши произведения” [9, С.6]. Немаловажным фактом стало то, что после кончины Вольтера императрица, невзирая на многочисленные практические трудности, захотела купить библиотеку писателя.

Положительную оценку общественности Екатерина II получила и после покупки библиотеки еще одного крупного просветителя, издателя знаменитой французской “Энциклопедии искусств и ремесел” Д. Дидро, по поводу чего императрица писала: “никогда я не воображала, чтобы покупкой библиотеки я могла вызвать себе столько похвал и приветствий: я слышу это теперь со всех сторон по поводу библиотеки г. Дидро” [10, С.8].

Библиотеки Вольтера и Дидро попали в Россию при посредничестве известного корреспондента Екатерины II – Фридриха Мельхиора Грима [11, С.30]. Он был издателем “Литературной, философской и критической переписки”, распространявшейся ограниченным тиражом в правящих кругах европейских дворов, и Екатерина, как только взойшла на престол, тотчас подписалась на это издание [12, С.165]. Установившаяся после этого между ними переписка послужила тем каналом, благодаря которому во второй половине XVIII века из Западной Европы в Россию перемещались многие произведения и книжные собрания, что высоко ценилось Екатериной II.

На протяжении своего царствования Екатерина II регулярно обращается к опыту, почерпнутому ею из европейской литературы, в результате чего у императрицы формируются свои представления о современной действительности. Таким образом, можно сделать вывод, что Екатерина II в процессе своего образования отводила значительное место чтению произведений западноевропейских писателей и установлению тесных связей с интеллектуальной Европой.

Библиографический список

1. Файнштейн М.Ш. “И славу Франции в России превзойти...”. – М., 2002.
2. Вигасин А.А., Прокопович М.В. Книжное собрание Екатерины Великой в фондах библиотеки Московского университета // Международная конференция “Екатерина Великая: эпоха российской истории”. Тезисы докладов. – СПб., 1996.
3. Ключевский В.О. Императрица Екатерина II // Екатерина II: pro et contra. – СПб., 2006.
4. Записки императрицы Екатерины II. – М., 1990.
5. Плавинская Н.Ю. Переводы сочинений Монтескье в России в XVIII в. // Культура эпохи Просвещения. – М., 1993.
6. Цит. по: Плавинская Н.Ю. Переводы сочинений Монтескье в России в XVIII в. // Культура эпохи Просвещения. – М., 1993.
7. Былинин В.К., Одесский М.П. Екатерина II: человек, государственный деятель, писатель // Екатерина II. Сочинения. – М., 1990.
8. Хренов Н.А., Соколов К.Б. Художественная жизнь императорской России. – СПб., 2001.
9. Переписка Российской императрицы Екатерины и господина Вольтера, продолжавшаяся с 1763 по 1778 годы. – М., 1803.
10. Вольтер и Екатерина II / Издание В.В.Чуйко. – СПб., 1882.
11. Карп С.Я. Переписка Екатерины II с Фридрихом Мельхиором Гриммом: из истории рукописей // Век Просвещения. Вып. I. Пространство европейской культуры в эпоху Екатерины II. – М., 2006.
12. Каррер д’Анкосс Э. Екатерина II. Золотой век в истории России. – М., 2006.

С.Ю. Колесникова

Саратовский государственный университет

СТАНОВЛЕНИЕ МИССИОНЕРСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СЕРЕДИНЕ 50-х гг. XIX в. (НА ПРИМЕРЕ САРАТОВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ)

Отечественная духовная школа находилась в состоянии непрерывного развития на всем протяжении своей истории. Реформы 1808-1814 гг. положили начало системе духовного образования, которая в дальнейшем подвергалась корректировке, дополнялась некоторыми элементами и наполнялась новым смыслом и содержанием.

Саратовская духовная семинария была открыта 26 октября 1830 года [1, С. 24]; согласно мнению исследователей, одной из причин ее открытия было усиление раскола в губернии [2, С. 5]. Политика Николая I по отношению к старообрядцам базировалась на карательных методах; ярким примером такой политики может послужить эпизод насильственного приведения в единоверие Иргизского Средне-Никольского монастыря [3, С. 85]. На фоне подъема 1850-х гг. в обществе созрела необходимость поиска новых решений существующих проблем, в том числе и проблемы взаимоотношения власти и староверов. В 1854–55 гг. Саратовскую губернию посетил известный археолог А.И. Артемьев, который подсчитал количество старообрядцев в крае: по его подсчетам, их количество составляло 100364 человека [4, С. 70]. По мнению митрополита Филарета, раскол являлся следствием народного невежества, и поэтому бороться с ним следовало путем просвещения [5, С. 67]. Особые миссионерские службы существовали и ранее (одна из таких была учреждена при Саратовской епархии в 1833 году), но их деятельность носила эпизодический характер. В 1853 году решено было открывать миссионерские отделения для приготовления деятелей против раскола; подобное отделение открылось в Саратовской семинарии 28 апреля 1856 года [6, Л. 21]. Для семинарий Казанского Духовно-учебного округа, куда наравне с двенадцатью другими входила и Саратовская семинария, архиепископом Григорием был составлен особый проект, учитывающий местную специфику [7, С. 55]. “Проект миссионерского образования” был прислан в Саратов, где был принят в качестве руководства к преподаванию [8, Л. 3]. Главные его положения состояли в следующем:

а) раскрывалась суть верований различных раскольнических сект (поповщины и безпоповщины), б) описывался образ жизни раскольников, главные качества и способы, которые они используют для “созращения” православных, в) приводился список рукописных и печатных книг, уважаемых раскольниками, г) перечислялись способы, употреблявшиеся к уничтожению раскола, д) указывались требования, предъявляемые к будущим миссионерам.

Миссионерское отделение находилось под усиленным контролем со стороны властей, о чем свидетельствует постоянная переписка правления семинарии с Казанской Духовной Академией и Святейшим Синодом [9]. Ученикам преподавалась история русского раскола и история раскола по Саратовской епархии, апологетика православной церкви и пастырская педагогика [10, Л. 2–6]. Особенное внимание уделялось изучению книг и рукописей, уважаемых раскольниками. Они поступали в семинарию различными способами: выписывались из консистории и из духовно-учебного управления, либо изымались

у старообрядцев. В качестве учебных пособий использовались и “Журналы собеседований священников с раскольниками”, составляемые благочинными каждого уезда губернии. Из них воспитанники черпали ценную информацию о современном положении раскольников, живущих непосредственно на территории Саратовской губернии [11, Л. 3]. К личным качествам будущих миссионеров также предъявлялись высокие требования: они должны были обладать достаточным образованием, терпением, быть снисходительными и внимательными, ни в коем случае не использовать “бранных и сатирических” выражений по отношению к старообрядцам, и действовать на них преимущественно силой убеждения.

Пережив период своего становления в середине 50-х гг. XIX века, миссионерское образование со временем станет неотъемлемой частью программы обучения служителей церкви. Изучение миссионерских предметов углубляло теоретическую подготовку воспитанников, а знакомство с современным положением и образом жизни староверов, делало более успешным их последующую миссионерскую деятельность.

Библиографический список

1. Покровский В.М. Материалы к истории Саратовской духовной семинарии // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. – 1902. – Вып. 22.
2. Правдин А. Историческая записка о Саратовской епархии (за пятидесятилетие 1828-1878). – Саратов, 1879.
3. Наумлюк А.А. Центр старообрядчества на Иргизе: появление, деятельность, взаимоотношение с властью. – Саратов, 2009.
4. Булычев М.В. Состояние раскола в Саратовской губернии середины XIX в. (по рукописи А.И. Артемьева) // Памятные даты отечественной и местной истории и документальное наследие. – Саратов, 2009.
5. Софронов В.Ю. Государство и церковь в борьбе с церковным расколом (конец XVII – начало XX в.) // Вестник Томского Государственного университета. – № 301. – 2007. – Август.
6. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 3468.
7. Извлечение из отчета по ведомству духовных дел православного исповедания за 1855 год. – СПб., 1856.
8. ГАСО. – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 3505.
9. ГАСО. – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 3909, 4010, 4123.
10. ГАСО. – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 4183.
11. ГАСО. – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 3979.

ОТРАЖЕНИЕ РУССКО-ПОЛЬСКОГО КОНФЛИКТА В МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ XIX в.

Польша – ближайший сосед России. Историческая судьба данной страны на протяжении веков была тесно переплетена с российской историей. Отношения двух соседей с глубокой древности складывались очень непросто. Начиная с X века западные рубежи Киевской, а позднее Московской Руси были в сфере геополитических интересов Польши. После объединения с Русско-литовским государством ее могущество возросло настолько, что стало представлять серьезную угрозу для суверенитета России. Прямая интервенция, развязанная Речью Посполитой в Смутное время, едва не привела к падению русской государственности. Все XVII столетие было отмечено длительными войнами со Швецией, Россией и Турцией, но несмотря на военные успехи Польша понесла серьезные территориальные потери. В то же время позиции России, Австрии и Пруссии чрезвычайно усилились. После того как угасла династия Ягеллонов, королей стали выбирать общим собранием шляхты. Это привело к обширному кризису в военной, политической и культурной сфере. Не будучи в состоянии самостоятельно поглотить своего западного соседа, Россия совершила это совместно с Пруссией и Австрией. В 1772 и 1793 годах эти государства отняли у Польши ее приграничные провинции, а в 1795 году разделили оставшуюся часть между собой. Окончательная точка была поставлена позднее, когда решением Венского конгресса центральная часть Польши – Варшавское княжество – окончательно утратило суверенитет и вошло в состав Российской империи (1815) [1].

Польское общество, польская знать не желали подчиненного положения и грезил о собственной империи, которую пресекла русская державность. “Между тем, для Польши наступали тяжелые времена. Могущественные соседи делили ее на части. Но в ней оставались еще люди которые верили в возможность восстановления ее в прежних пределах. С этою целию в Варшаве образовалось патриотическое общество. Выдающимися членами его были: камергер Венгерский, генерал Дзялынский и венгерец, купец Каиостас. К ним примкнул и Килинский. Заговорщики вошли в сношения с эмитрантами: Игнатием Потоцким, Коллонтаем и Косцюшко”.

Следуя французским влияниям, польские образованные слои создавали тайные общества, исповедующие идею Великой Польши “от

моря и до моря”. “Счастливая звезда Наполеона ни в ком ни на минуту не вызывала сомнений, и все были уверены в победоносном исходе прусской кампании, однако никто не ожидал от Наполеона той стремительности, с которой он разгромил еще недавно кичившуюся своей дисциплиной и победами прусскую армию. С этого момента даже самые безнадежные скептики поверили в уничтожение Пруссии и восстановление Польши” [2]. “В Белоруссии дворянство почти все из весьма богатых поляков, отнюдь не показало преданности к России, и, кроме некоторых витебских и южных могилевских дворян, все прочие присягнули Наполеону” [3]. А дальше в польской истории начинается череда бесконечных восстаний, которые всегда заканчивались одинаково – жестоким поражением. Это страстное стремление Польши к свободе и желание России удержать ее в узде не могло не отразиться в культурном наследии просвещенного 19 века – музыкальном и литературном.

Борьба свободолюбивого польского народа за свою независимость, самобытность его культуры оказались неразрывно связаны с музыкой польского композитора Фридерика Шопена. На мироощущении Шопена явственно лежит печать переживаний за судьбу его родины после поражения Ноябрьского восстания 1831 и событий 1840-х годов [4]. В 1831 году молодой Ф.Шопен находился в Вене. На этом настояли его родители, опасаящиеся, того, что Шопен может примкнуть к повстанцам, среди которых было много его друзей. Композитор повинился родителям с тяжелым сердцем, о чем писал им. Выступление польского артиста не представлялось желательным венским властям. Оно могло вызвать бурные проявления симпатии к его соотечественникам. Понимая это, Шопен был вынужден отказаться от организации концертов и не добивался издания своих сочинений. Несмотря на тяжелое моральное состояние и полную неопределенность своего положения, композитор продолжает работать в Вене. О падении Варшавы он узнает уже в Штутгарте. В мыслях о трагических судьбах родины Шопен пишет свой самый знаменитый этюд из оп. №10, получивший название “Революционный”. В нем воплотился дух ноябрьского восстания, обусловивший все – и гневные возгласы начальных фраз, и скорбь, прорывающуюся в выразительных мелодиях заключительной части. Но “реквиемные” [5] звучания, возникающие в этой части, и вызывающие в памяти скорбные мысли, овладевшие Шопеном в Штутгарте, сменяются новым потоком стремительных пассажей, завершающимся громовыми ударами в низком регистре. Музыка Шопена воплощает настроения тех, кто продолжал борьбу “за нашу и вашу свободу” и после подавления восстания. Так же пронизано трагедийно-мятежными образами, и созданное в 1831 году

скерцо №1. словно потрясенные и оглушенные известием первые аккорды вступления переходят в яростные пассажи, волны стремительного движения. Ярким контрастом звучит лирическая середина скерцо – построенная на мелодии “Колыбельной младенцу Иисусу” – это скорбное воспоминание о счастливых днях детства, родине и от этого еще яростнее звучат пассажи в повторах первой части.

Осенью 1831 года Шопен прибывает в Париж. Но Франция не стала второй родиной для композитора. В Вене, Штутгарте, Париже, и на протяжении всей жизни Шопен пишет мазурки – “пушки прикрытые цветами”. В этих небольших пьесах отражена вся горечь и ностальгия композитора по родине. Это уже не танцевальная музыка – это своеобразное воспоминание о мазурке, о былой славе, былом величии. Они полны то отчаяния и горечи, то почти философских раздумий, то ясных, светлых воспоминаний и тихой, сжимающей сердце грусти. В его мазурках, так же как и полонезах, – национальных польских танцах, нашли отражение славянские танцевальные ритмы и гармонический язык, типичный для польского фольклора.

Поистине произведения Шопена – и это в полной мере относится к его прелюдиям – всегда оставались “порождениями польской души”. Необычайным богатством образов отмечен весь цикл, значение которого, композитор неизменно раскрывает национально-своеобразными средствами.

Рассматривая “польскую сторону” в творчестве Шопена, нельзя обойти стороной сонату № 2 с траурным маршем. Она принадлежит к числу высших достижений композитора, всей польской музыки и романтического искусства в целом. Трагедия Польши, чувства и мысли Шопена, связанные с родиной, страстный протест против рабства, подавления свободы – вот примерный и далеко не полный круг образов этой сонаты.

Вступление первой части вызывает ощущения почти микеланджеловской силы. Однако сама первая часть отличается тревожностью, перерастающей во взрыв драматических образов, образов трагической борьбы. Скерцо, непосредственно следующее за первой частью, отличают фанфарные звучания, воспринимаемые как призывы, взрывающиеся в вереницу драматических образов. В похоронном марше, ставшем третьей частью сонаты, на первый план выдвигается маршевая поступь. В “колокольной” поступи марша раскрывается состояние человека, горько оплакивающего родину, передаются его сердечные переживания. “Ночным веянием ветра над кладбищем” назвал Антон Рубинштейн финал сонаты Шопена. Это бешеный, безумный ветер мечется неистово между могильными памятниками погибших героев. Теперь в музыке польского композитора появились не только

цветы, но и тернии мученического венца, в ореоле которого Шопен видел свою родину.

“Шопен... представлял такое яркое самостоятельное и высокоталантливое проявление национальности, какого... нельзя было представить до него в музыке. ...Могучая нота польской национальности, ненасытная привязанность к своему отечеству никогда не иссякали в нем и провели величавую, глубокую черту в его созданиях. ...Ему надо было выражать свою душу, чувства, картины своей внутренней, незримой для постороннего люда жизни. Эта потребность была сильна и непобедима, и он ее удовлетворял страстными, обаятельными, чудесно увлекательными звуками и формами своего искусства” – писал он нем позднее русский критик Серов.

Музыка Шопена – взволнованная, одухотворенная, исполненная раздумий о человеке и его судьбе, всегда была близка русскому слушателю. Именно Шопену выпала честь первому поднять славянский мелос, песни родной земли до общечеловеческого искусства.

Диалог русской и польской музыкальных культур не ограничивался произведениями Ф. Шопена. Начиная с 18 века в России пользовались большой популярностью пользовались полонезы Михаила Клеофаса Огиньского. Один из них, известный под названием “Знаменитый полонез Огиньского”, знают и любят даже самые далекие от музыки люди. Русские композиторы часто полагали музыку на стихи польских поэтов в переводе и в оригинальном тексте. При этом старались передать характерные для польской бытовой песни черты жанра лирической мелодии танцевального склада. Это и романсы Глинки “К ней”, “О, моя баловница”, “Rozmowa”; Чайковского “Али мать меня рожала”; Римского-Корсакова “Моя баловница”.

В конце 18 века в Петербурге поселился польский композитор Юзеф Козловский. Долго изучая русский фольклор, он создал жанр, который называл – “Российской песней”. Позднее у него появится огромное количество последователей – Булахов, Гурилев, Алябьев, Глинка, Даргомыжский, Римский-Корсаков, Шостакович, Таривердиев и многие другие. Этот жанр стал любимейшим среди русской вокальной музыки. Он называется – романс.

Отношения между Польшей и Россией привлекали внимание не только польских, но и русских деятелей культуры. Так, в 1836 году в Петербурге прошла шумная премьера оперы Глинки “Жизнь за царя”. Выбор сюжета – польская интервенция 1612 – не случаен. В связи с недавними событиями Отечественной войны 1812 года русские композиторы, поэты, драматурги 19 века проявляли повышенный интерес к этой теме [6]. Написал свою ораторию Дягтярев, М.В. Крюковской трагедию “Минин и Пожарский”, Кавос – оперу “Минин и Пожарский”, будущий декабрист Рылеев – свою знаменитую сти-

хотворную думу “Иван Сусанин” (которая, собственно, и послужила одним из толчков к созданию оперы Глинки).

В своей опере Глинка отчетливо проводит две враждующие, противоположные друг другу линии — польских интервентов и русских партизан. Для характеристики русского лагеря композитор использует песенное начало русского фольклора, двухдольные размеры, плавность движения, умеренные темпы. Глинка детально вырисовывает портреты русских участников оперы. Польские шляхтичи показаны обобщенно, без выделений конкретных, индивидуальных фигур. Делает он это сознательно. Глинка превращает поляков в общую вражескую надвигающуюся массу, позднее, уже в 1945 году, Шостакович, в своей знаменитой “Ленинградской симфонии” сделает это с темой “фашистского наступления” в первой части. Все второе действие оперы занимает польский бал. Здесь почти нет пения — поляки показаны через их любимую стихию танца. Польское действие небольшое — всего 4 танца — но, зато, какое оно гордое, пышное, ослепительное. Здесь звучат гордые, надменные мазурка и полонез: “Мы шляхта и всех их сильнее” [7] — говорят немногословные поляки в ходе бала, и светлые, лиричные вальс и краковяк — их музыка лишена агрессивности завоевателя, они полны национального. В этих двух танцах Глинка раскрывает то прекрасное, “ту почтительную нежность, которая составляет тайну обращения поляков” [8]. Изображая противника, Глинка проявляет глубокое уважение к его культуре, бережно сохраняя и показывая его подлинные жемчужины.

Мусоргский в изображении польской шляхты пошел вслед за Глинкой и широко использовал танцевальные жанры польской народной музыки. Но в отличие от своего предшественника он тщательно вырисовывает образы противника. Поляки у Мусоргского, — это не великая вражеская масса, надвигающаяся “голой рукой забрать мужика” [9], а личности, со своими мечтами идущие на Россию: “стада бояр кичливых бить челом себе заставить” [10], или “провозвести еретикам москалям веру правую” [10], но объединенные одной целью.

Неоднократно обращался к теме русско-польских отношений А.С. Пушкин. Для него “вопрос о Польше” решался “легко”. Поэт был убежден, что существование Польши как суверенного государства противоречит русским интересам. 1 июня 1831 г., когда стало известно, что Дибич не извлек выгод от победы при Остроленке, он писал Вяземскому: “Но все-таки их надобно задушить, и наша медлительность мучительна”. А далее сформулирован тезис, который приобрел особую важность ввиду активизации во время восстания полонифильских (и одновременно антирусских) настроений в Западной Европе: “Для нас мятеж Польши есть дело семейственное, старинная, наследственная распря, мы не можем судить ее по впечатлениям ев-

ропейским, каков бы ни был, впрочем, наш образ мыслей”. Заканчивая доклад, хочется вспомнить фразу Глинки, которую он говорит об одной модуляции в своей “песне Маргариты”: “У Шопена не редки такие модуляции. Эта наша с ним родная жилка”.

Библиографический список

1. Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши. – Варшава, 2008.
2. Графиня А. Потоцкая. Мемуары. – М., 2005.
3. Высочков Л.В. Николай I. – М., 2003.
4. Меркулов А. Как исполнять Шопена. – М., 2007.
5. Бэлза С. Шопен. – М., 1968.
6. Асафьев Б.В. Русская музыка. – Л., 1968.
7. Глинка М. Иван Сусанин, опера. 2 действие.
8. Ковалевская С. Воспоминания и повести. – М., 1986.
9. Глинка М. Иван Сусанин, опера. Действие 2.
10. Мусоргский М.П. Борис Годунов. Опера. Действие 3. Картина 1.

А.В. Богородцев

Самарский государственный университет

МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ САМАРСКОГО ДУХОВЕНСТВА В 60–90-х гг. XIX в.

Вторая половина XIX века характеризуется расцветом издательской деятельности в России. Параллельно с развитием печатного дела (так, например, С.А. Каменев пишет, что только переводческая комиссия при Братстве святителя Гурия в Казани издала за семнадцать лет своей деятельности один миллион книг на инородческих языках) [1, С. 76] примерно в тот же период сильно расширяется миссионерская деятельность в России.

Миссионерство в России было тесно связано с христианизацией нерусских народностей, монастырской колонизацией, борьбой с расколом, сектанством. В XVI веке усилилась миссионерская деятельность христианских монастырей среди местного населения Поволжья. В 1828 г. обнаружилось массовое отпадение “инородцев” от православия. В том же году Николай I утвердил определение Синода, “чтобы в тех частях государства, где живут народы, не познавшие христианства или обращенные, но недостаточно утвержденные в вере,

были учреждены особые миссионеры”. В начале 1830-х гг. такие миссии из священников, знающих местные языки, были созданы в Казанской, Пермской, Вятской, Оренбургской и Самарской губерниях [2, С. 132]. Активизация собственной миссионерской работы происходит с основанием Самарской епархии 19 декабря 1850 г.

Опасность воздействия на религиозно необразованный, некатехизированный народ проповедей иноконфессиональных (как правило, сектантских) учителей осознавалась Русской Православной Церковью еще в XVIII – XIX веке. Но если в XVIII – первой половине XIX вв. опасность в основном виделась со стороны отечественных раскольников (т.е. старообрядцев), молокан и хлыстов, то во второй половине XIX столетия в Россию начинают проникать учения не отечественного происхождения. К одним из самых популярных появившихся в России относится учение баптистов, получивших в России наименование штундистов.

Крупные очаги евангельско-баптистского движения вспыхнули во второй половине 19-го века среди поволжских губерний, на Кавказе, на юге Украины и в Петербурге.

Правительственным циркуляром (так называемый “всесокрушительный закон”) от 3 сентября 1894 года баптисты были отнесены в разряд особо вредных сект, а их молитвенные собрания запрещены [3].

В Самарской губернии баптизм особенно был распространен в Новоузенском и Николаевском уездах [4, С.50]. Распространителями баптизма оказывались часто выходцы из тех же южных губерний. Так священник Ключегорского женского монастыря Григорий Иванов в своем рапорте епископу Самарскому и Ставропольскому Гурию пишет, что “в 1898 году вблизи деревень Старая и Новая Алексеевка... купили землю малороссы из южных губерний. Весной 1899 года они поселились особыми двумя поселками Михайловка и Новая Петровка. Скоро оказалось, что между переселенцами есть сектанты “штундисты”, они вскоре же начали распространять свои сектантские заблуждения между коренными жителями” [5, Л. 55].

Помимо уже приведенного указа 1894 года, издавались и местные епархиальные распоряжения, направленные на проповедь среди местных баптистов. Так, указом Самарской духовной консистории от 27 августа 1901 года за №15014 священнику с. Талл Бузулукского уезда поставляется в обязанность “непрерывно раз в неделю посещать названную деревню для духовно-нравственных бесед и внимательно следить, чтобы не развилась здесь штунда, ибо между новоселами не мало штундистов” [5, Л. 55об].

Особое внимание уделялось и развитию воскресных школ, в т.ч. и в целях противодействия сектам. Еще в июне 1867 г. Епархиальным

архиереем предложено наладить работу воскресных школ и в праздничные и воскресные дни уделять время для душевспасительных бесед с прихожанами [6, С. 278]. Сами священники иногда ратовали за открытие воскресных школ, именно для миссионерско-профилактической работы с населением. Так, уже упомянутый отец Григорий Иванов обращаясь к Владыке Гурию, просит “как можно скорее открыть для всех жителей оных смежных деревень церковь-школу, где по воскресным и праздничным дням неопустительно совершалось богослужение и велись духовно-нравственные беседы при общем пении, что особенно уважается сектантами и привлекает на их собрания православных” [5, Л.59]. Как видим, самарское духовенство не просто пыталось наблюдать за организацией деятельности баптистов, но и использовало их опыт.

Для наблюдения за иноверцами и их распространением духовенство было обязано вести миссионерские дневники. Хотя многие дневники и демонстрируют неразвитую миссионерскую и антисектантскую деятельность, все же встречаются примеры и практично-деятельного подхода. Так, в архипастырской резолюции Епископа Гурия от 15 апреля 1898г. на рапорте епархиального миссионера, священника Димитрия Александрова от 14.04.1898 за №102, относительно способов ведения миссионерских дневников и времени их предоставления сказано следующее: “Предлагаю Консистории подтвердить наше требование, относительно составления дневников в точном согласовании оных с нашим распоряжением. При этом не могу не согласиться с желанием о.Александрова для пользы дела, чтобы в дневники вносилось все то, что делается в расколе: его жизнь, движение, отношение к Православию, влияние бесед на православных и раскольников и как последние относятся к беседам...” [7, С.130].

Эти дневники, отчеты Епархиальному архиерею, статьи в Самарских епархиальных ведомостях свидетельствуют о нескольких направлениях миссионерской работы:

1. Совершение молебнов и чтение акафистов, т.е. молитвенное противостояние расколу и сектам.
2. Проповедь в храмах об основах Православной веры об опасности сект.
3. Беседы с отдельными представителями и лидерами баптистов, мормонов и т.д.
4. Участие и выступление на собраниях инославных.
5. Создание приходских школ.
6. Упоминается о собраниях в Самаре для публичных собеседований с последователями разных толков [8, С. 177].

В помощь епархиальным миссионерам предлагалось использовать специальную библиотеку, основой которой должны были стать

не только книги Священного Писания и толкования на них, но и периодическая печать миссионерского характера. К наиболее известным относился журнал “Миссионерское обозрение”, который выписывался в обязательном порядке миссионерами. Распоряжением Епархиального начальства (по просьбе чиновника особых поручений Ober-прокурора Св. Синода В.М. Скворцова) подписанная сумма за противосектантский журнал “Миссионерское обозрение” вносилась священниками при годовой отчетности местным благочинным, а последними направлялись в редакцию в Киев [9, С.4].

В целом же миссионерская и противосектантская деятельность самарского духовенства не может быть признана удовлетворительной по целому ряду причин. Во-первых, особенностью жизнедеятельности Православной Церкви в синодальный период было серьезное подчинение ее государству. Миссионерское служение духовенства иницировалось чаще всего не живым проявлением веры самого священника, а государственными, синодальными и епархиальными указами. Во-вторых, на результатах этой деятельности сказывалась малограмотность сельского духовенства, которая в союзе с их нищетой оказывались серьезным препятствием для грамотного диалога с раскольниками и сектантами. В третьих, упущением было не использовать опыт самих инославных, благодаря которому к ним с каждым годом присоединялось все больше людей. К этому опыту можно отнести живую искреннюю проповедь, совместное изучение Священного Писания, совместное пение молитв и псалмов на собраниях.

Библиографический список

1. Каменев С.А. Церковь и просвещение в России. – М., 1929.
2. Федоров В.А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700 – 1917. – М.: “Русская панорама”, 2003.
3. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.baptisthistory.in.ua/history/2-ussr/20-persecution.html>
4. Самарские епархиальные ведомости. – 1918. – №2. – Неофициальная часть.
5. ГАСО. – Ф. 32. – Оп. 3. – Д. 33.
6. Самарские епархиальные ведомости. – 1867. – №15. – Официальная часть.
7. Самарские епархиальные ведомости. – 1898. – №10. – Официальная часть.
8. Самарские епархиальные ведомости. – 1872. – № 8. – Официальная часть.
9. Самарские епархиальные ведомости. – 1898. – №1. – Официальная часть.

**ВОПРОСЫ КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Во второй половине XIX века преобразования в экономической жизни страны и каждого региона, в системе государственного управления и в области социальных отношений нельзя было осуществлять без постепенного подъема общего культурного уровня населения (и не только дворян) и без соответствующего развития науки и техники [1, С. 161].

Создание Самарской губернии дало новый толчок развитию образования, увеличилось число начальных школ. В Самаре второе приходское училище появилось в 1852 году, две школы для девочек — в 1858 и 1859 гг. Для детей дворян и чиновников в 1856 г. была открыта мужская гимназия — первое среднее общеобразовательное учебное заведение в городе.

В 1855 году состоялось открытие театра на 550 мест, хотя первые театральные представления в городе начались осенью в 1851 году, театр поначалу не имел постоянного здания. В 1858 году из кружка любителей музыки возникло филармоническое общество. Со второй половины XIX века традиционными становились самодеятельные представления с участием представителей местного света. Об общественной жизни Самары говорилось не раз на страницах появившейся в городе газеты “Самарские губернские ведомости” [2, С. 302].

В начале XX века в вопросах культурного развития Самары огромную роль играло земство. После Февральской революции земские учреждения переживали реорганизацию на демократических началах. На состоявшемся в апреле 1917-ого года в губернской управе особом совещании были высказаны предложения исключить из числа гласных представителей дворянства, удела, духовенства, государственных имуществ. В обстановке революционного взрыва и намеченной реформы земских учреждений меняются условия и содержание их культурно-просветительской работы. В условиях общественной эйфории после свержения самодержавия и провозглашения гражданских свобод происходит политизация массового сознания.

Просвещение становится важнейшим направлением в деятельности земства [3, С. 34].

Библиографический список

1. Храмков Л.В. Введение в Самарское краеведение. Учебное пособие. – Самара: изд-во “НТЦ”, 2003.
2. Самарское Поволжье с древности до конца XIX века. Сборник документов и материалов. – Изд-во Самарского научного центра Российской Академии Наук, 2000.
3. Самарский земский сборник: Статьи. Выпуск 3 / Редакторы-составители: П.С. Кабытов, А.Н. Завальный. – Самара: Издательство “Самарский университет”, 1996.

И.Л. Хохлова

Самарский государственный университет

ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧИТЕЛЬСТВА САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX вв.

Педагоги Российской империи второй половины XIX – начала XX веков могли входить в разнообразные общественные и профессиональные объединения, причем – на разных условиях. Для современного российского учительства, как городского, так и сельского, характерно примерно одинаковое материальное положение, но разная степень доступности всевозможных благ, и, в первую очередь, интеллектуальных. Возникает вопрос – является ли эта ситуация новой или же она характерна и для более ранних периодов российской истории?

Говоря о сельских учителях, необходимо определить их место в среде российского учительства. Например, в 1903 году в Российской империи насчитывалось 260 790 учителей и 66 472 учительниц, педагоги сельских школ составляли примерно 45 (116 317 человек) и 36 (23 820) процентов соответственно [1, С. 126]. Разница между городскими и сельскими учителями была достаточно велика и, в первую очередь, в уровне возможностей (получение новой литературы, обеспечение информацией и т.п.) [1, Глава I, § 2]. Также существенно различалось и материальное положение педагогов, которое зависело от преподаваемого ими предмета. Так, например, в Самарском уездном училище законоучитель получал 200 руб. в год, три учителя-предметника по 313,40 руб. каждый, учитель рисования и черчения – 200 руб. [2, Л. 13]. Однако, несмотря на тяжелые условия жизни, а может быть и благодаря им, учителя из сельских местностей стремились вести активную общественную жизнь. Они принимали учас-

тие в разного рода учительских съездах. Показательным является тот факт, что съезды практически не проводились в крупных городах. Чаще всего инициатива по устройству съездов принадлежала земству [3, С. 250]. Существенным минусом съездов являлась их нерегулярность и большое количество трудностей, с которыми сталкивались организаторы. По мнению А. Тютрюмова (одного из постоянных участников педагогических съездов), само разрешение съездов необходимо было подчинить не центральной, а высшей местной власти, например, уездному или губернскому училищному советам [3, С. 251 – 252]. Руководство съездом обычно поручалось местным школьным администраторам, из которых конечно не все обладали необходимыми для этого качествами. К сожалению не известный нам автор статьи “О самообразовании учителя” напрямую говорит об этом [4, С. 124].

Многие учителя считали, что каждый из их среды должен пользоваться правом участия в съездах. Однако один из организаторов съездов, Н.Ф. Бунаков, считал, что желательны съезды немногочисленные – из 50 – 60 человек [4, С. 257 – 258]. На деле же часто получалось, что посещение съездов превращали в дело обязательное и контролируемое. Так, попечителю Казанского учебного округа регулярно предоставлялись журналы учета посещаемости различных съездов педагогами [5]. Причина, вероятно, состоит в том, что, будучи руководимыми официальным начальством, съезды не предоставляли педагогом возможности обсудить наболевшие вопросы и насущные проблемы. Тематику заседаний съездов четко определить невозможно – в круг обсуждаемых вопросов могло войти все, что затрагивало повседневную жизнь школы, быт ее учителей и администрации.

Еще одним элементом общественной деятельности педагогов было их участие в “Обществах взаимного вспомоществования учащим и учившим”. Первое такое общество, Казанское, по типу которого потом и стали учреждаться другие, возникло 9 февраля 1890 года. По характеру уставов обществ взаимопомощи можно выделить два периода их деятельности. Границей между ними служит изданный министерством народного просвещения 5 июля 1894 года “нормальный устав обществ взаимного вспомоществования учащим и учившим”.

По § 1 устава Казанского общества оно “имеет целью: 1) помогать нуждающимся учителям и учителям Казанской губернии денежными пособиями, приисканием им занятий и другими видами материальной помощи и 2) способствовать пополнению их педагогических знаний” [6, С. 86]. “Нормальный устав” 1894 года в общем сохранил текст прежних уставов, но с двумя весьма существенными сокращениями: в нем не было уже пункта “б” § 1 Казанского, Санкт-Петербургского и Нижегородского обществ – “способствовать пополнению их педагогических знаний”, а также был введен пункт о месте работы

Обществ с упоминанием о “библиотеке, педагогическом музее и т.п.” [6, С. 87].

Педагогические коллективы не замыкались на учебных делах и старались принять активное участие в жизни губернии. Так, например, во время неурожая 1891 года учителя Самарской земской школы закупили на свои средства и передали крестьянам 46 пудов ржаной муки, 10 пудов пшена и 5 пудов соли [7, Л. 58, 201]. Преподаватели учительских школ неоднократно участвовали в сборах средств на учреждение памятников выдающимся деятелям русской культуры. Так, в 1887 году педагогический состав Самарской семинарии отправил 6 руб. в Москву на сооружение памятника Н.В. Гоголю [7, Ф. 365. Оп. 1. Д. 2. Л. 10].

Первая мировая война стала отдельным этапом в жизни каждого члена российского общества. Не обошла стороной она и педагогов. Во время Первой мировой войны комиссия начальников средних учебных заведений организовала работу по оказанию педагогической помощи детям лиц, принимающим участие в войне.

Нужно отметить, что съезды и курсы сельских учителей имели очень большое значение для педагогов сельских школ. Зачастую это были единственные формы деятельности, доступные для педагогов в деревне. Именно там преподаватели могли повысить свой культурный уровень и получить новые, а главное, необходимые знания по педагогике вообще и по своему предмету в частности. На наш взгляд, общества взаимопомощи давали очень многое с точки зрения социальной зрелости педагогов. Это были первые учительские организации, созданные ими по собственной инициативе и практически без надзора сверху. Только общества взаимопомощи объединяли педагогов по профессиональному признаку, а не по социальному происхождению.

Библиографический список

1. Записка по вопросу о всеобщем начальном обучении, с приложением сведений о начальном образовании в России за 1903 год. — СПб., 1906.

2. ГАСО. — Ф. 360. — Оп. 18. — Д. 2.

3. Тютрюмов А. Съезды народных учителей как общественно-педагогическая мера // Русская школа. 1894. — № 9-10.

4. О самообразовании учителя // Русская школа. 1894. — № 5-6.

5. См., например: НАРТ. — Ф. 92. — Оп. 1. — Д. 469, 14138.

6. Муринов В.Я. Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим // Всеобщее образование в России. Сб. статей. — Вып. 1. — М., 1902.

7. ГАСО. — Ф. 163. — Оп. 1. — Д. 25.

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ МЕЩАНСКОЙ СЕМЬИ В САМАРЕ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.**

Изучение мещанской семьи в Самаре на рубеже XIX–XX вв. представляет несомненный научный интерес и является актуальной темой в связи с необходимостью стимулировать историческое сознание горожан. Эта проблема заслуживает отдельного внимания, так как именно горожане являлись носителями городского образа жизни, формировали традицию и культуру города. Изучение быта и традиций самарской мещанской семьи, предоставляет уникальную возможность сравнения Самары с другими крупными населенными пунктами России, позволяет наглядно представить пространство города в мещанской среде, а также выявить своеобразие и характерные черты социально-культурного облика Самары.

Степень научной разработанности данной темы, несмотря на теоретическую и практическую значимость проблемы внутрисемейных отношений, а так же экономическое и политическое положение мещанских семей изучено слабо. В дореволюционный период историографии, историко-правовая информация о мещанах, содержится в трудах ученых-государствоведов: В.О. Ключевского, А.А. Кизеветтера, Г.И. Шрейдера, Н.М. Коркунова и др. [1; 4; 5; 6; 7]. На региональном уровне социальная инфраструктура Самары, включавшая в себя вопросы мещанского быта, отражена в работах П.В. Алабина И.А. Протопопова [2].

В советское время тема мещанской семьи практически не затрагивалась. Данный период развития исторической мысли ознаменовался появлением этнографического направления, в изучении города, представленного работами: Л.А. Анохиной, О.Р. Будиной, М.Н Шмелевой и Рабиновичем М.Г. [3].

В современной российской историографии заметно возрос интерес к истории города и мещанскому сословию в частности. В этом отношении следует отметить исследования Бухараева В.М., Белошудцевой В.В., Захаровой В.В., Зорина А.Н., Гончарова Ю.М., и др.

В своей работе мы использовали всю совокупность доступных нам источников: неопубликованных, опубликованных, фотоматериалы, а также специфическим источником следует назвать пословицы, поговорки, городской фольклор, произведения художественной литературы (А.П. Чехов, А.Л. Куприн, М. Горький, А. Толстой). Литературные произведения являются свидетельством современников об особенностях быта, нравах, психологии людей описываемого времени,

позволяют проследить изменения, происходившие в общественном сознании.

Весь массив опубликованных письменных источников можно условно поделить на 5 групп: 1) законодательные и нормативные акты; 2) делопроизводственные документы; 3) статистические материалы; 4) периодическая печать; 5) художественная литература.

К неопубликованным источникам относятся архивные материалы ЦГАСО: окладные книги Самарского мещанского общества; алфавиты; посемейные списки и паспорта мещан г. Самары; ревизские сказки; заседания Самарской городской управы; документы по личному составу. Мещанство вполне правомерно может быть отнесено к “безмолвствующему большинству” российских городов. Изучение повседневности мещанской семьи наталкивается на проблему отсутствия источников личного характера.

Правовой статус регламентировался многочисленными законодательными актами. По ним, мещанское сословие прикреплялось к мещанской управе своего города. Мы приходим к выводу о том, что законом регламентировались многие сферы жизни мещан: выбор места жительства, паспортная система, возраст вступления в брак и возможность его расторжения, определялись права и обязанности супругов, родителей и детей. Глава семьи обладал абсолютной властью. В целом, в конце XIX – начале XX вв. происходило постепенное смягчение нравов, патриархальный деспотизм постепенно уходил в прошлое.

Анализируя социально-экономическое положение мещанской семьи. Мы делаем вывод, что социально-экономическое положение семьи зависело от материального достатка, который напрямую был связан с профессией. Мещане работали по найму, занимались: торговлей, ремеслом, могли содержать трактиры, бани и торговые заведения; 40% мещан в Самаре – жили за чертой бедности. Главной собственностью мещанской семьи был дом, иногда с мелкой лавкой.

По мере развития цивилизационного процесса позитивные и индивидуалистические аспекты жизни в доме приобретали все большую значимость, порождали идеи уединения, комфорта, вообще домашнего быта в широком смысле этого понятия. Мы исходим из предположки, что дом есть одновременно форма, образ и концепция созданного человеком культурного пространства. Мещанский мирок с его домашним уютом в к. XIX – н. XX вв. становится в русской литературной традиции антитезой “бездомного странника”, борца и героя. Архитектурными параметрами самарского мещанского дома можно считать: одноэтажное, деревянное здание, в некоторых случаях двухэтажное с лавкой на первом этаже. К религиозным и нравственными параметрами домашнего мещанского уклада можно отнести: личную ответственность, чувство долга, как основу семейной жизни, уваже-

ние к труду, почитание старших по возрасту, религиозность, стремление к удобству, сытости, тишине и спокойствию.

При исследовании праздничной культуры мещанской среды, следует учитывать тот факт, что Самара — город, вобравший в себя, в силу социальной структуры, значительное количество элементов аграрной среды, окруженный с/хозяйственным пространством, в начале XX в. он еще не выступает в качестве творца новых цивилизационных ценностей. Его облик и характер остаются целиком связанными с традиционными ценностями аграрного общества и в силу этого основное городское сословие — мещанство организовало свою праздничную повседневность в первую очередь, связанную с религиозным календарем: двенадцатые праздники (Рождество, Крещение, Пасха) Традиционно праздновали Масленицу и святки. Но появляются и элементы нового: танцевальные и литературно-музыкальные вечера, театр и любительские спектакли, в 1910 г. электротheater-биоскоп (кинотеатр) “Триумф”.

В целом, следует отметить, что в конце XIX — начале XX вв. в мещанских семьях г. Самары, происходят значительные перемены, в исстари установившемся бытовом порядке, меняются роли отдельных членов семьи. Мещанская семья постепенно формировала свою собственную новую культуру, связанную, в силу открытости сословия, с крестьянским миром, традиционной культурой и более мобильным стилем городской жизни. Мещанин придерживался своей среды обитания, не стремясь к политическим изменениям, чем заслужил в образной части России незаслуженное прозвище “обыватель”.

Таким образом, мещанская семья в провинциальном городе на рубеже XIX-XX вв. была уже в большей степени инкорпорирована в такую надсословную категорию как “горожане”, со свойственной ей культурой, бытом и образом жизни.

Библиографический список:

1. Ключевский В.О. История сословия в России // Соч. в 8-ми т. — Т.6. — М., 1959.
2. Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города. — Самара, 1877; Алабин П.В. Самара: 1586-1886. — Самара, 1992; Алабин П.В. Трехвековая годовщина города Самары. 1586-1886. — Самара, 1887.
3. Анохина Л.А., Шмелева Н.М. Изучение культуры и быта русского городского населения // Советская этнография. — 1966. — №6.
4. Кизеветтер А.А. Городовое положение Екатерины II 1785 г. Опыт исторического комментария. — М., 1909.
5. Кизеветтер А.А. Посадская община в России XVIII ст. — М., 1967.

6. Шрейдер Г.И. Городовое положение 1870 г. // История России в XIX в. В 4-х т. – СПб. 1908-1909.

7. Коркунов Н.М. Русское государственное право. В 2-х т. – Т.1. – СПб.: Кн. Маг. А.Ф. Цинзерлинга, Мелье и К., 1908.

А.Ш. Ситдикова

*Татарский государственный
гуманитарно-педагогический университет*

КАРТИНЫ ФРАНЦУЗСКИХ ИМПРЕССИОНИСТОВ В ЧАСТНОЙ КОЛЛЕКЦИИ МЕЦЕНАТА С. И. ЩУКИНА

Впервые россияне увидели картины импрессионистов в 1899 г., на выставке К.Моне, но они не вызвали интереса. “Никому, в широких массах не могло прийти в голову считать этих художников за каких-то знаменитостей Франции. Напротив, их творчество продолжало носить злободневный, слегка скандальный и вызывающий характер; даже изощренные критики и культурные любители с яростью спорили, – можно ли вообще допустить в стены национального музея французского искусства работы импрессионистов” [1, С. 136].

Другую возможность знакомства предоставляли частные коллекционеры. Благотворительность и меценатство были особенностью русской торгово-промышленной среды [2, С. 95]. Интерес к искусству захватил образованное купечество. Особенно сильно он проявлялся в мещанской Москве [3, С. 8]. Сергей Иванович Щукин (1855-1936), например, до открытия им Моне, Писсаро, Ренуара, Дега установил контакты с молодыми московскими живописцами Коровиным, Серовым, Левитаном, Пастернаком. Позднее он увлекся новой западной живописью и стал, по выражению И.Грбаря, собирателем искусства живого, активного, действенного, искусства “сегодняшнего дня” [4, С. 246].

С творчеством импрессионистов познакомил Щукина его родственник Ф.Боткин в 1896 г. в салоне П.Дюран-Рюэля. Среди первых покупок С.И.Щукина были картины П. де Шаванна, П.Синьяка, “Цветы в вазе” П.Сезанна, “Скалы” К.Моне, “Оперный проезд в Париже” К.Писсаро. В 1897 г. коллекция Щукина пополнилась картиной К.Моне “Сирень”. Младший Щукин – Иван, с 1894 г. живший в Париже, – водил его в самые интересные галереи, познакомил с их владельцами [3, С. 10].

Недовольство московской публики не останавливало собирателя. В 1914 г. Я.А.Тугендхольд писал: “Первые, привезенные Щукиным

пейзажи Моне, так же возмущали, как ныне Пикассо: недаром одна картина Моне исчерчена была протестующим карандашом одного из шукинских гостей” [5, С. 56].

Познакомившись с А.Матиссом в 1906 г., Шукин стал его покровителем. Вскоре Матисс создал картину-манифест “Красную комнату”, выставленную в осеннем салоне 1908 г. под названием “Декоративное панно для столовой г-на Ш...». Матисса привлекали в Шукине широта его взглядов на искусство. “В Париже, – вспоминал художник, – его любимым времяпрепровождением было посещение луврской галереи египетских древностей: он открывал там параллели с крестьянами Сезанна” [3, С. 23].

Шукин заказал Матиссу для своего особняка панно “Танец” и “Музыка”, а позднее приобрел 13 полотен этого мастера, в том числе “Полдень”, “Вечер”, “Стога”, “Белые кувшинки”, “Скалы”, “Чайки”, “Завтрак на траве”.

Шукин, не имея никакого художественного образования, отбирая картины для своего собрания, не прислушивался ни к мнению признанных авторитетов, ни к восприятию публики. И.Эренбург, в своих воспоминаниях пишет, что Сергей Иванович тотчас замечал лучшие работы. “Если, увидев картину, ты испытываешь психологический шок, – покупай ее” – говорил Шукин [5, С. 32].

В январе 1907 г., после смерти жены, Шукин принял решение о передаче коллекции в дар Москве. Свою волю он выразил в завещании, с условием, чтобы собрание хранилось и экспонировалось целиком. Шукин являлся обладателем многих других картин, признанных спустя годы шедеврами мировой живописи. В его коллекции, кроме упоминавшихся 16 полотен Гогена, 13 картин Моне, насчитывалось 8 холстов Сезанна, 5 – Дега, 4 – Ван Гога, по три вещи Ренуара, по одной Тулуз-Лотрека, Родена и Сислея, а также менее известных мастеров (всего 256 картин).

С.И.Шукин был проницательным коллекционером. “Матисс, Пикассо и Ван Гог, – писал впоследствии Петров-Водкин, – и для нас, специалистов, были тогда неожиданными, и мы-то с трудом и с руганью разбирались в них” [5, С. 50]. Заслуга С.И.Шукина в том, что он был пропагандистом этого течения и способствовал развитию новых направлений в отечественном искусстве.

Картин становилось все больше, и Шукин превратил коллекцию в музей, открытый по воскресеньям. Он сам любил прислушиваться к суждениям о полотнах, участвовал в дебатах, с удовольствием отвечал и на нападки, давая собственные и очень меткие характеристики [2, С. 122,126].

В 1918 г. был подписан Декрет о переходе коллекции в собственность государства. Дом Шукина в Знаменском переулке стал музеем

современного искусства и был открыт для посещения. Шукин стал хранителем музея и экскурсоводом. Интерес зрителей радовал его, но адаптироваться к новой жизни в 63 года было трудно. Летом 1918 г. Шукин с семьей эмигрировал во Францию. В конце 20-х годов, когда происходила распродажа российских художественных коллекций, в судах Европы начались процессы о собственности на эти предметы искусства. На вопрос адвокатов, не хочет ли он судебным порядком выволить свою коллекцию, С.И.Шукин ответил: “Я собирал не только и не столько для себя, а для своей страны и своего народа. Что бы на нашей земле ни было, мои коллекции должны оставаться там” [5, С. 62]. Он умер в Париже в 1936 году. Бесценное его собрание составляет славу и гордость Музея изобразительных искусств им. А.С.Пушкина и отдела современного искусства Эрмитажа [6, С. 216].

Библиографический список

1. Бенуа А.Н. Мои воспоминания. — Кн. 4. — М.: Наука, 1990.
2. Бурыйшкін П.А. Москва купеческая: записки. — М.: Современник, 1991.
3. Костеневич А.Г. Матисс в Россию. — М.: Авангард, 1993.
4. Грабарь И.Э. Моя жизнь: Автобиография. — М.: Республика, 2001.
5. Цит. по: Думова Н.Г. Московские меценаты. — М.: Молодая гвардия, 1992.
6. Музей 3. Сборник статей и материалов. — М.: Советский художник, 1982.

Е.В. Миронова

*Институт истории Академии наук
Республика Татарстан*

ПРОБЛЕМЫ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В МАТЕРИАЛАХ КАЗАНСКОГО ГУБЕРНСКОГО ДВОРЯНСКОГО СОБРАНИЯ НАЧАЛА XX ВЕКА

На заседаниях казанского губернского дворянского собрания вопрос о народном образовании поднимался неоднократно. Обсуждение велось вокруг его недостатков. Дворяне усматривали их прежде всего в деятельности инспекторов народных училищ. Отмечалось, что они назначали учителей, но при этом сами школ не посещали. Вся делопроизводственная документация находилась в канцелярии инспекторов, не проживавших в местности, где располагались школы, что де-

лало невозможным контроль со стороны предводителей [1, С. 15-22], а, следовательно, и их отчетность перед попечителем учебного округа. В связи с этим в 1903 г. на чрезвычайном собрании было постановлено, чтобы, учительский персонал в народные училища назначался с согласия предводителей дворянства; в каждый уезд назначались по представлению губернского училищного совета инспекторы, знакомые с жизнью деревни; уездные предводители дворянства участвовали в губернском училищном совете с правом совещательного голоса и решающего голоса по делам своего уезда и, наконец, предводители дворянства приглашали лиц женского пола наблюдать за начальной школой с правом избрания земскими собраниями в члены училищных советов [2, С. 8-15].

Однако проблема взаимоотношений инспекторов с предводителями дворянства так и не была решена, оставаясь актуальной на протяжении всего начала XX в. Так, на заседании казанского губернского дворянского собрания в 1914 г. отмечалась чрезвычайная запутанность прав инспекторов и председателей народных училищ. Дело в том, что список кандидатов на должность учителя составляла земская управа, а инспектор самостоятельно решал, кого из них представить на утверждение председателю училищного совета. Такая процедура не устраивала предводителей, поскольку инспектор устранял кандидатов из списка без объяснения причин, а в некоторых случаях допускал к учительской должности лиц, не внесенных в земский список.

Правда, не все предводители дворянства выражали недовольство деятельностью инспекторов. Так, чистопольский и мамадышский уездный предводитель Л.Я.Лихачев отмечал, что “инспектор... прилагает все усилия к лучшему выполнению своих обязанностей и в постановке народного образования в уезде, желать чего-либо большего не приходится” [2, С. 8]. Он же сообщал “о полном согласии инспекторов народных училищ Чистопольского и Мамадышского уездов с ним, как председателем училищного совета. В совете никогда не происходило не малейших трений. Все замещения учительских вакансий проходили чрез училищный совет” [2, С. 12].

Множество нареканий со стороны казанского дворянства вызывало качество преподавания, а также состав учителей. Так, в записке, составленной спасским уездным предводителем Н.Д.Сазоновым, говорилось о небрежном отношении учителей к своему делу, о “невысоком умственном и нравственном развитии среды, поставившей учителей” и даже о том, что преподавать шли только неудачники и желавшие избежать воинской повинности.

С целью улучшения положения в системе народного образования признавалось необходимым организовать педагогические курсы под

руководством педагогов и под наблюдением предводителей дворянства [3, С. 3], а также учредить канцелярии в тех уездах, которые ассигнуют на это средства [4, С. 4]. Кроме того, предлагалось открыть библиотеки-читальни и ремесленные отделения при земских школах с целью организации досуга [5].

Объектом критики стало инородческое образование. Дворяне были едины в мнении, что необходимо реформирование инородческих школ. Профессор Казанского университета и член дворянского собрания В.Ф.Залесский утверждал, что инородческое движение враждебно “Русской Государственной идее”, а существовавшая школа поддерживала такое положение [7, С. 25].

Однако среди депутатов дворянского собрания были противники таких оценок. А.Н.Боратынский предупреждал, что “слишком острожно надо говорить о враждебном... отношении инородцев”, так как, указывая на рознь, можно усилить в инородцах чувство недоверия. Он советовал: “Если вы хотите заронить в сердце инородца любовь к отечеству, достигнуть объединения племен, населяющих Россию, то не обостряйте недружелюбие” [7, С. 26].

А.Н.Боратынский говорил о необходимости “создать школы, которые привлекли бы мусульманское население, и таких учителей, которым были бы ясны наши идеалы...”. И лишь приобщением инородцев к русской культуре, по мнению Боратынского, можно было достичь благоприятных результатов в разрешении инородческого вопроса [7, С. 26].

Как и большинство членов дворянского собрания, А.Н.Боратынский полагал, что “в инородческих училищах учителя должны быть обязательно русскими, хотя и знающими местные языки” [2, С. 96]. К его мнению присоединился С.С.Толстой-Милославский, считавший, что “из рук русского народа должно исходить образование, а не от образованных инородцев, враждебных чисто русскому национальному делу”. С.С.Толстой-Милославский полагал, что “при учителях инородцах, никогда русский язык не будет достаточно изучен учениками” [2, С. 97]. Надо сказать, что вопрос о языке преподавания вызвал дискуссию с участием ряда депутатов.

Таким образом, проблемы народного образования включались в повестку дня казанского губернского дворянского собрания в 1902, 1903, 1911 и 1914 гг. Обсуждение шло по трем направлениям: критика деятельности инспекторов народных училищ, качества преподавания и состава учителей, а также состояния и направленности инородческого образования в губернии.

Библиографический список

1. Журналы казанского очередного губернского собрания дворянства в сессию 1902 г. — Казань, 1902.
2. Постановления очередного казанского губернского дворянского собрания 1914 г. — Казань, 1915.
3. Казанские губернские ведомости. — 1903. — № 11.
4. Волжский вестник. — 1903. — № 15.
5. НА РТ. — Ф. 407. — Оп. 1. — Д. 935. — 4 л. Записка спасского уездного предводителя дворянства о положении народного образования в школе Спасского уезда, 1911.
6. Учреждение и правила бесплатной народной читальни в селе Макулове Свияжского уезда Казанской губернии. — Казань, 1892.
7. Постановления Очередного Казанского Губернского Дворянского Собрания. — Казань, 1911.

Е.А. Корнилова
*Казанский (Приволжский)
федеральный университет*

КАЗАНСКИЙ РУССКИЙ БОЛЬШОЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941-45 гг. (22 ИЮНЯ 1941 — КОНЕЦ 1941 гг.)

В основу сообщения легли результаты авторского исследования, полностью изложенного в дипломной работе, защищенной в 2009 г. Ранее научных трудов по теме развития казанского русского драматического театра в период 1941-45 гг. не издавалось. Исследование базируется в основном на **неопубликованных архивных источниках** Центрального государственного архива историко-политической документации и Национального архива республики Татарстан. Также использовались **опубликованные источники** — материалы газеты “Красная Татария” за 1941-45 гг.

Гастроли, планируемые дирекцией Казанского Большого драматического театра с 15 января по 20 июля 1941 г [1, Л. 33-34], с дальнейшим их продолжением до октября 1941 г. в Ленинграде, закончились намного раньше: 22 июня началась война, а 27 июня коллектив театра небольшими группами начал выезжать в Казань. За время гастролей театр не успел получить ожидаемой прибыли [2, Л. 28], однако начал работу над новыми пьесами: “Испанский священник”, “Дво-

рянское гнездо”, “Фельдмаршал Кутузов” и др. При экстренном отъезде из Ялты театр не смог взять с собой большую часть декораций к спектаклям, потому что для их перевозки требовалось 18 вагонов [3, Л. 87-88]. Труппа отказывается от очередного отпуска и, собравшись к 22 июля в Казани, играет первый спектакль “Кремлевские куранты” 16 августа и начинает работу над первым спектаклем на антифашистскую тему “Мой сын” Гергеля и Литовского, премьеры которого состоялась 24 августа [4, С. 4]. Далее идут премьеры: “В степях Украины” Корнейчука – 6 сентября, “Фельдмаршал Кутузов” Соловьева – 22 октября [5, С. 4], “Батальон идет на запад” Мдивани – 3 декабря 1941 г. Из 8 планируемых премьер на 1941 г. театр поставил 4 (все советские). Еще две советские пьесы, идущие на сцене театра, не были премьерными (“Кремлевские куранты”, “Сады цветут”). Также шли еще 4 классические пьесы: “Царь Федор Иоаннович”, “Маскарад”, “Даманевидимка”, “Дядя Ваня” (Чехова также можно отнести к классике). Всего на сцене КБДТ за год показано 10 наименований спектаклей, их посмотрело 104374 зрителя, а сбор от них составил 650234 рублей [6, Л. 1-6]. Спектакли шли утром и вечером, ставились специальные спектакли в выходные для театра дни (понедельник), сбор от которых поступал в фонды на различные цели. С 29 октября 1941 г. по 13 января 1942 г. в одном помещении с КБДТ работает Татарский Академический театр. [7, С. 4] [8, С. 2] Оба театра ставят в месяц не менее 44 спектаклей. В помещениях КБДТ также располагались некоторые организации оперного театра, а оркестр оперного театра обслуживал спектакли русского и татарского театров. Кроме того, в КБДТ разместились Управление по делам искусств при СНК ТАССР, Всероссийской театральной обществу (татарский отдел) и обком РАБИС (профсоюзной организации работников искусств) [9, Л. 106]. Директором КБДТ был Г.Д.Ригорин, его заместителем – И.Т.Красовский, художественным руководителем (с 12 августа 1941 г.) – Е.Г. Гаккель [10, Л. 75], зав. литературной частью в 1941 г. какое-то время был А.А.Гольдман [10, Л. 75], впоследствии на этой должности побывало несколько людей. Коллектив КБДТ собирает средства на строительство эскадрильи “Советский театр”, сдает в фонд обороны ценные вещи, дает шефские спектакли и концерты в госпиталях и спектакли в свои выходные дни для получения средств на покупку теплых вещей бойцам, участвуют в республиканской театральной конференции. Несколько актеров КБДТ в декабре 1941 г. отправляются в составе республиканской сборной бригады на фронт для культурного обслуживания Красной Армии. Однако сам театр вынужден работать в условиях дефицита материальной базы и хороших пьес на актуальную тему войны, что тормозило выпуск премьер. В шефской рабо-

те участвовали далеко не все актеры, а в основном те, кто занимался ей до войны. Организация шефских выступлений в целом по республике была не на высоком уровне: много накладок и неувязок не по вине артистов [11, Л. 104-105]. Из всего этого можно сделать вывод, что в самом начале войны были созданы предпосылки для перестройки деятельности театра на военный лад.

Библиографический список

1. Начальнику Управления по делам искусств при СНК ТАССР т. Назарову А.П. от Г.Д.Ригорина 27.02.41 // НАРТ. — Ф. Р-280. — Оп.2. — Д.№48. — Л.33-34 (машинопись).

2. КБДТ. Управление по делам имуществ. Годовой отчет по основной деятельности театра за 1941г. // НАРТ. — ф.Р-280. — Оп.2. — Д.№53.

3. Докладная записка от директора КБДТ Ригорина Г.Д. начальнику Управления по делам искусств при СНК ТАССР Назарову А.П // НАРТ. — Ф.Р-280. — Оп.2. — Д.№47.

4. Дельта “Мой сын” / Дельта // Красная Татария. — 1941. — 14 сентября (№217(7094)).

5. Козлова Н. Патриотический спектакль // Красная Татария. — 1941. — 27 октября (№253(7130)).

6. Доклад директора КБДТ Г.Д.Ригорина на открытом собрании партийной организации театра 3.01.43. // НАРТ. — Ф. Р-280. — Оп.2. — Д.№62.

7. Красная Татария. — 1941. — 23 октября (№250(7127)).

8. Красная Татария. — 1942. — 3 января (№2(7189)).

9. Ответ Бауманскому военкомату на отношение 20.12.41 от зам. директора КБДТ Красовского [О том, какие учреждения находятся в здании КБДТ] // НАРТ. Ф.Р-280. — Оп.2. — Д.№47.

10. Список специалистов, имеющих высшее образование, вновь принятых на работу в КБДТ за 3 квартал 1941 г // НАРТ. — ф.Р-280. — Оп.2. — Д.№47.

11. Протокол открытого кустового партийного собрания парторганизации Управления по делам искусств, КБДТ, ТГАТ от 17.11.41. // ЦГА ИПД РТ. — Ф.1612. — Оп.1. — Д.№6.

**ОБРАЗ ПЕРВОКЛАССНИКА И ШКОЛЬНОЙ СРЕДЫ
В СОВЕТСКИХ БУКВАРЯХ 1950-60-х гг.**

С чего начинается Родина?
С картинки в твоём букваре.

Азбуки и буквари, создаваемые как учебники для первого класса школы, часто содержат иллюстрации и тексты, описывающие школьную жизнь. В некоторых случаях изображения помещаются отдельно от текстов, заполняя одну или даже две страницы. Предназначаясь для стимулирования диалога учителя и класса, такие картинки могут сопровождаться короткими текстами.

Данные визуальные источники могут помочь в контексте исследования детской повседневности и репрезентовать советскую школу по букварям, издаваемым в Советском Союзе в 1950-60-е гг. Репрезентации школы и детей в школе, представленные в букварях, могут пролить некоторый свет на то, как видят культуру школы и детей в школе образовательные авторитеты. Учитывая те изменения, каковые претерпело советское общество в 1950-60-е гг., анализ визуального ряда в букварях этого периода представляется особенно плодотворным и заслуживающим внимания.

Репрезентации школьной жизни и детей в образовательных текстах могут анализироваться с самых разных сторон. Сфокусируем наше внимание на трех из них. Во-первых, на конструирование в учебнике процессов взаимодействия ребенка и учителя. Во-вторых, обратим внимание на описание в учебниках школы как места жизни. И в-третьих, рассмотрим школьную жизнь ребенка по букварям как место интенсивного создания советской властью мифологии.

Для анализа мною взяты буквари А. И. Воскресенской (1955 г.) и И. Ф. Сवादковского (1962 г.).

Перейдем к анализу проблемы взаимодействия ученика и учителя. В букваре 1955 г. содержится только два изображения учителя. Учительница по образу ближе к классной даме-наставнице – она элегантна, строга, благовоспитана. Дети – благообразные, послушные. Всех объединяет “сакральный мир школы”. С точки зрения гендерной – учитель – женщина. Нет ни одного текста про саму учительницу. Возможно, это происходит потому, что все сводится к бузудержному восхвалению вождей, к которым к послевоенному периоду осталась лишь пара – Ленин и Сталин.

В букваре 1962 г. больше мужчин учителей, забирающих на себя роль интеллигента-наставника. Внешний вид учительницы упрощен. По-прежнему практически нет текстов от учителя. На рисунках в данном букваре больше свободы в классе и позах детей.

Рассмотрим репрезентацию в букварях школы как места жизни. В букваре 1955 г. школа предстает перед нами как форма советской аскезы: чистые парты, минимум декора, дети следят за чистотой парт и чистотой этической, никто не хулиганит, все в форме. Вне уроков, все как один или убирают или читают.

Формы досуга, представленные в букваре 1962 г. не сильно отличаются от представленных в букваре 1955 г. Дело в том, что в рамках советской идеологии личное должно всегда отступать перед общественным. Отсюда и повсеместное изображение коллективного досуга. Только бескорыстное служение всему обществу в целом считается нормальным и поощряется. Собственные желания ведут к эгоизму. Единственный выход – прислушиваться к советам старших, педагогов, товарищей по классу.

Проблема дети и власть в букварях раскрыта наиболее ярко. В контексте этой проблемы раскрывается несколько тем. В букваре 1955 г. на первой же странице изображение колхозницы, убирающей урожай – тем самым задается тема “Рабочий класс и колхозное крестьянство” – социально детерминированное советское общество. Букварь изобилует изображениями урожая, заводов и фабрик, домашних животных. Также на станицах букваря раскрывается октябрятско-пионерская, военная, партийная тема. Вожди – Ленин и Сталин изображены только на одной картинке – в конце букваря. И тот, и другой представлены как вождь, учитель.

В букваре 1962 г. в изобилии присутствует лишь первая тема, т. е. рисунки с изображением рабочего класса, крестьянства и всего, что с этим связано. Как ни парадоксально, но изображений пионеров и военной атрибутики в букваре практически нет. “Оттепель” на страницах букваря 1962 г. очевидна – основная масса изображений не столь строга и канонична, нежели в букваре 1955. Дети показаны веселыми, разными, меньше сцен общественно полезного труда.

Таким образом, репрезентация социальных тем в букварях, включая школьную жизнь, как правило, воспринимаются, скорее выражением институциональных идеалов, нежели воспроизведением реальности социума. Рассмотренные образцы школьной жизни позволяют нам сделать следующие выводы:

1. В букварях 1955 и 1962 г. издания доминирует бытовая повседневность над школьной.

2. Учитель выступает как руководящий наставник, хотя в самом образе учителя наблюдается эволюция от учителя – носителя некото-

рых элементов дореволюционной эстетики к рабоче-крестьянскому эстетическому идеалу.

3. Школа как место жизни детей рассматривается лишь в контексте центра обучения и политического воспитания.

4. В обоих букварях практически не отражена аутентичная учебная идентичность, т. к. букварь как текст являлся частью общей идеологической системы.

А.В. Липатов

*Волгоградский государственный
педагогический университет*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУЗЕЕВ СТАЛИНГРАДА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х гг.

Современная социокультурная ситуация в России актуализирует изучение деятельности учреждений культуры, в том числе музеев. Музей — это центр образовательной и культурно-просветительской деятельности среди населения, основное назначение которой — это привлечение людей к познанию истории своего государства, удовлетворение духовных, культурных, эстетических потребностей, сохранение и продолжение традиций, духовной идентификации народностей и наций, общественных и религиозных групп.

В возрождающийся город второй половины 1950-х гг. вернулся из эвакуации областной краеведческий музей, что было большим культурным событием для населения. С февраля 1952 г. в Сталинграде уже функционировал Музей обороны Царицына — Сталинграда.

Оба музея, наряду с другими учреждениями культуры Сталинграда, как библиотеки, архивы, вели активную работу по сбору редких и ценных предметов материальной культуры, хранению и передачи социально значимой информации, связанной с яркими эпизодами истории нашей страны и области. Областной краеведческий музей, который находился в подчинении Отдела культуры горисполкома, имел в своем штате всего 10 человек, 4 из которых были научными сотрудниками, хотя до войны штат был 29 человек [1, Л. 228]. В Справке о деятельности Областного краеведческого музея за 1956 г., которую предоставил директор музея А.И. Митрофанов в горком КПСС, сказано: “в штате музея нет достаточного количества научных сотрудников, нет экскурсоводов, фотографа... приходится работать с большим напряжением” [1, Л. 228 об.]. Данное обстоятельство сказывалось при реализации главной задачи работников музея, которая заключалась

в активной собирательской работе, комплектовании фондов и коллекций музея [2, С. 19], что делало некоторые экспозиции отделов природы, истории дореволюционного прошлого и советского периода неполноценными и недостаточными для понимания и осмысления исторического прошлого.

Музей обороны Царицына—Сталинграда, который рассматривался властями как “идеологическое учреждение, призванное... утверждать незыбленность советского строя” [3, С. 5], с 1949 г. приобрел статус государственного музея и находился в ведомстве городского управления культуры. На 1956 г. в музее работало 20 научных сотрудников, все они имели высшее образование; основной костяк сотрудников музея составляли 9 человек, стаж работы которых был свыше 5 лет [4, Л. 132], что говорит о достаточной деловой квалификации и уровне компетентности в области музейного дела. Музей обороны, который носил имя И. В. Сталина, в период хрущевской “оттепели” стал проводить политику десталинизации, которая отразилась на экспозициях. Работниками музея были убраны предметы и документы, связанные с именем Сталина и его деятельности в Царицыне в годы Гражданской войны, в подвалы спускались бюсты, статуэтки “вождя народа”, перерисовывались картины с изображением бывшего лидера страны советов. Новую экспозицию, уже без “культы” Сталина, принимали партийные работники из Москвы, Обкома и Горкома партии [4, Л. 132].

Музеи Сталинграда занимались не только сбором редких и интересных исторических источников, материалов для пополнений экспозиций, но и просвещением, популяризацией истории родного края среди населения. За период с января по август 1956 г. работниками краеведческого музея было проведено 14 передвижных выставок, было дано 46 консультаций по истории края, вне музея было прочитано 18 лекций [1, Л. 228], а за 1957 г. Музеем обороны было организовано 26 передвижных фотовыставок, а вне стен этого музея было прочитано 122 лекции [5, Л. 76].

Нельзя забывать, что важным участком работы всех учреждений культуры, в том числе и музеев, было также политическое просвещение и идеологическое воспитание советского человека. Для реализации этого направления, специально к 40-й годовщине Советской власти и 15-й годовщине победы под Сталинградом в Музее обороны была подготовлена новая экспозиция на тему: “Борьба царицынских большевиков за установление Советской власти в Царицыне”, также совместно с Домом политического просвещения ГК КПСС был организован цикл ленинских чтений для населения [5, Л. 75-76]. А за 1959 г. и 4 месяца 1960 года краеведческим музеем были проведены более 350 экскурсий с детьми и 60 групповых походов. Вместе с комсомольской организацией Краснооктябрьского района г. Сталинграда работ-

ники музея провели крупную экскурсию для детей по Волге, затрагивая основные места Сталинградской битвы. В 1959 г. совместно с Облоно краеведческий музей провел областное совещание юных краеведов.

Таким образом, музеи Сталинграда во второй половине 1950-х гг. успешно справлялись с функцией сохранения и преумножения предметов архиважности по истории, они являлись центрами просвещения, патриотического и гражданского воспитания. Однако сбор материала был направлен на отражение руководящей роли КПСС и Сталинградской парторганизации в боях Гражданской войны, что сужало возможное содержание экспозиций, терялся подвиг простого человека в ореоле власти, а процесс воспитания был зависим от политико-идеологических установок.

Библиографический список

1. Справка // ЦДНИВО. – Ф. 71. – Оп. 25. – Д. 37.
2. Комисарова Е.В. Становление Волгоградского областного краеведческого музея и особенности формирования его собрания // Музей и общество на пороге XXI в.: материалы научно-практической конференции. – Волгоград, 2000.
3. Богатова Т.А. Музей: путь длиной в 60 лет // Музей: история и современность: материалы научно-практической конференции, посвященной 60-летию музея. – Волгоград, 1997.
4. Справка о работе культурно-просветительских учреждений города за 1-е полугодие 1956 года // ЦДНИВО. – Ф. 71. – Оп. 25. – Д. 37.
5. Справка о работе Городского Управления культуры (материал к пленуму ГК КПСС) от 21 февраля 1958 г. // ГАВО. – Ф. Р-6019. – Оп. 2. – Д. 136.

Н.В. Клековкина

*Казанский (Приволжский)
федеральный университет*

ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ СОВЕТСКОГО ОБРАЗЦА: ИСКУССТВЕННАЯ КОНСТРУКЦИЯ ИЛИ РАБОТАЮЩАЯ КОНЦЕПЦИЯ?

Разрабатывая тему обыденной жизни казанцев в период “застоя”, мы столкнулись с тем, что перечень характеристик эпохи в обобщающих работах ограничивается упоминанием потребительской революции, вещизма, дефицита и двойной морали [1, С. 13]. В свою очередь мы попытаемся дать оценку перспективы использования термина “потребительская революция”, носящего, вероятно, базовый характер.

Прежде всего стоит разобраться с имеющимися дефинициями. Одна из вариаций: переход от потребления в рамках необходимости к чрезмерному потреблению при развитии розничной торговли [2, С. 275]. Но дополнение о том, что это следствие перехода от социалистической к рыночной экономике, выводит термин за пределы советского периода. Кроме того, в словаре советской лексики статьи “потребительская революция” нет, в отличие от объяснений для слова-антипода “дефицит” [3, С. 145]. При этом термин используется в исторических трудах обзорного характера [4, С. 70].

Обозначив наличие спорной ситуации, попытаемся ответить на вопрос об уровне потребления, который и определит приемлемость употребления характеристики “потребительская революция”. При этом стоит обратиться как к синхронным источникам (текстам, цифрам и образам), так и задействовать ресурс памяти.

В проведенной анкетной серии на вопрос об оценках уровня жизни три четверти респондентов выбрали позицию “средний”, иногда в вариации “как у всех”, “как мы жило большинство людей”. На вопрос о том, как приобретались нужные вещи, были получены ответы с использованием слов, синонимичных необходимости (“по износу”, “редко”, “по мере потребления”). Память современников представляет картины, лишённые изобилия.

Отбирая синхронные источники, мы обратились к официальным текстам – протоколам партийных заседаний. Поразительно, но в них нет однообразия, которого можно было бы ожидать от идеологически выверенных текстов. С одной стороны, в протоколах собраний сотрудников ЦУМа ежегодно отмечается увеличение продаж, и как следствие уровня потребления [5, Л. 17]. С другой стороны, периодически обсуждалась потребность контроля над качеством товаров, которое явно хромало [6, Л. 183]. В протокольные дискуссии попадали искренние размышления рядовых горожан; одно из них отвечает на вопрос: почему покупатели предпочитают импортные товары – они значительно качественнее [7, Л. 12]. Наряду с потребительской темой в официальном поле присутствует призыв к экономному отношению буквально ко всему.

Попытки осмысления темы потребления можно найти в региональной прессе. Наиболее образно они отражаются в карикатурах сатирического журнала “Чаян–Скорпион”. Отсутствие качественных товаров обыграно через уподобление мебельного магазина комнате смеха. Стратегии преодоления сложностей представлены в виде предприимчивости (рис 1) и погони за заграничным (рис. 2).

Однако внутри периода не было однозначности. Так в 1960-е отмечался рост производства отечественных товаров массового потреб-

— Ловкач, он даже из мини-юбки умудряется выкроить себе галстук!

— Неблагодарный! Я с таким трудом достала импортную соль! Говорят, она английская. ▶

ления [4, С. 75]. Это и есть аргумент в пользу потребительской революции по-советски. Рынок отличался скудным выбором и не соотносился с растущей платежеспособностью, что к концу 60-х увеличило спрос на заграничные вещи, а международный туризм расширял каналы их притока.

В рамках перечисленных потребительских стратегий покупки и доставания не отмечена еще одна, особая практика. В ее раскрытии помогут отдаленные от тематики потребления источники. Так в самоучителе “Юным любителям кисти и резца” приведены советы, как из подручных средств изготовить необходимые инструменты. Причем автор признает, что, например, этюдники “продаются в магазинах художественных принадлежностей, но их можно сделать и самим” [8, С. 101]. Есть случаи второго рождения вещей: “большую часть нужных для гравирования штихелей можно сделать из старых зонтичных спиц” [8, С. 72]. Фактически вторичное использование и домашнее рукоделие (результаты ограниченности ресурсов) сосуществовали со стратегией потребления готового и виделись нормой. При этом, несомненно, присутствие призыва к бережному отношению к вещам, уже оговоренное ранее.

В завершение следует отметить, что в унифицированном обществе строителей коммунизма покрытие человеческих потребностей не было универсальным. Степень полноты повседневного потребления находилась в пропорциональной зависимости от способности комбинировать навыки покупки, починки и поиска необходимого. При столь неоднозначной ситуации говорить о потребительской революции не совсем уместно, но и отрицать наличие эволюции потребления бессмысленно.

Библиографический список

1. Советская социальная политика : сцены и действующие лица. – М.: Вариант, 2008.
2. Гурова О. Мода и визуализация социальных изменений в современном российском городе // Визуальная антропология: городские карты памяти. – М.: Вариант, 2009.
3. Лебина Н.Б. Энциклопедия банальностей. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2008.
4. Соколов А.К. Курс советской истории, 1941-1991. – М.: Высшая школа, 1999.
5. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ). – Ф. 1636. – Оп. 1. – Д. 29.
6. ЦГА ИПД РТ. – Ф.1636. – Оп. 1. – Д. 32.
7. ЦГА ИПД РТ. – Ф. 1030. – Оп. 1. – Д. 136.
8. Щипанов А.С. Юным любителям кисти и резца. Книга для учащихся старших классов. – М.: Просвещение, 1975.

Е.О. Кусакин

Самарский государственный университет

ОЦЕНКА ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В.О. КЛЮЧЕВСКОГО В ГЛАЗАХ СОВРЕМЕННОКОВ И ПОТОМКОВ

Цель моего исследования – рассмотреть, как менялось отношение к историческому наследию и исторической концепции Василия Осиповича Ключевского на протяжении 100-летия с момента смерти великого историка.

Еще при жизни Ключевского был издан Большой энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, в котором содержалась статья под заголовком “Ключевский”. В ней по поводу научных работ Ключевского сказано следующее: “Отличительной их чертой служит националистический оттенок взглядов автора, стоящий в тесной связи с идеализацией московской старины XVI-XVII веков и оптимистическим отношением к современной русской действительности” [1]. После смерти Ключевского современники встретились с необходимостью осмыслить его роль в русской исторической науке. На первом месте в попытке осмысления стоит документальное издание “Общества истории и древностей российских” [2, С.9], председателем которого был Ключевский, в котором современники канонизировали Ключев-

чевского как историка Московской Руси 17 века, ее любителя и почитателя. Таков “академический канон” исторической концепции и исторического наследия В. О. Ключевского, созданный его ближайшими соратниками.

“Классический советский канон” личности В.О. Ключевского несколько иной. Если в академическом каноне Ключевский предстает человеком, чья деятельность была в основном не связана с окружающей его действительностью, то в советском каноне, напротив, подчеркивалась связь историка с его современностью. Акцентируется внимание на том, что “годы его научной зрелости пришлись на период нарастания новых противоречий — противоречий эпохи империализма, эпохи борьбы за пролетарскую революцию” [3, С.446]. Таков “классический советский канон”, в котором “для того чтобы втиснуть Ключевского в рамки “экономизма”, множество важных сторон его жизни, творчества и концепции просто пропущено и закрыто предельной скороговоркой” [2, С.43]. Символически завершающей вехой изучения наследия В.О. Ключевского в СССР стала монография Академика Нечкиной М. В. в завершении которой автор приходит к выводу, что “он не вырвался из рамок либеральной идеологии” [2, С.571]. На основании монографии Нечкиной М. В., можно сделать вывод, что советская историографическая наука считала Ключевского последним ярким историком буржуазной исторической мысли в период ее острейшего кризиса.

В современном мире взгляд на историческое наследие знаменитого историка в России и за рубежом несильно различается. Лозунг “Назад к Ключевскому!”, встретивший отпор в СССР, в США и европейских странах, напротив, получил поддержку. Особенностью зарубежной литературы о Ключевском (Мазур А., Хогарт К., Рибер А., Пейрс Б.) является противопоставление его, как вершины исторической науки в России, советской историографии. Все то, что в советской историографии оценивалось как слабость и ограниченность исторического наследия Ключевского (в частности, эклектизм концепции и внимание к мелочам), в западной историографии, наоборот возвышается и восхваляется.

В заключительной части исследования хотелось вкратце описать то, как выглядит “современный канон” отношения к В.О. Ключевскому у нас на родине. Для этого возьму статью о В.О. Ключевском из учебника МГУ. В ней сказано, что Ключевский был преемником Соловьева. По своим убеждениям являлся умеренным либералом. Революционные взгляды не принимал и на первое место ставил науку, которая “вечно пребывает и никогда не падает” [4, С.12]. Его “Курс русской истории” не утратил значения и в наши дни. Ключевский считал, что вся история развивается по общим правилам и законо-

мерностям и во многом зависит от конкретных социальных и политических факторов. В истории России решающее место играла колонизация — то есть освоение новых территорий. По социальной направленности Ключевского считают историком крестьянства. Налицо главный лозунг и характерная черта “современного канона” изучения наследия великого историка — “Назад к Ключевскому!”.

Перейду к выводам исследования: в дореволюционной России недостаток фактического материала и незрелость в изучении наследия не дали возможность создать полноценную картину о наследии великого историка. “Классический советский канон” и “зрелый советский канон” основаны на окраске наследия Ключевского в духе “марксистско-ленинистской” теории и его рассмотрения как “результатов деятельности последнего историка кризиса буржуазной исторической мысли”, а также на распространенном мнении о том, что наследие Ключевского во многом устарело. Наконец, “Современный канон” наследия состоит из двух частей: зарубежной и российской, которые сильно друг от друга не отличаются. Главная их черта — лозунг “Назад к Ключевскому!”. Таковы главные выводы и результаты моего исследования.

Библиографический список

1. Ключевский В. О. // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. — Т.28. — М., 1997.
2. Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. — М., 1974.
3. Рубинштейн Н. Л. Русская историография. — М., 1941.
4. Орлов А. С., Полунов А. Ю. Терещенко Ю. Я. Основы курса истории России. — М., 2005.

А.М. Фечина

Самарский государственный университет

КОММЕРЧЕСКОЕ ИНФОРМАЦИОННО-МУЗЫКАЛЬНОЕ РАДИОВЕЩАНИЕ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ В РАБОТАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ АВТОРОВ НАЧАЛА 1990-х – 2000-х гг.

Кардинальная перестройка всех сфер общества постсоветской России в начале 90-х годов затронула систему средств массовой информации. На смену существовавшей единой государственной системе, пришла многоплановая модель. К настоящему моменту в отече-

ственном радиовещании сложилась система общенациональных (федеральных), региональных и местных каналов, различающихся по охвату аудитории, формату, типам собственности, направленности и формам вещания, использованию новейших технологий, сферам влияния. Собственно, подобные характеристики используются при классификации современного российского радиовещания. Несмотря на обилие работ отечественных авторов, в которых представлены попытки систематизировать и выработать признаки, по которым можно классифицировать российское постсоветское радиовещание, до недавнего времени вопрос типологии радио не получил широкого освещения в научной литературе. Самые основные критерии классификаций – это принадлежность станции тому или иному собственнику, охват аудитории, а также содержательно-тематическая направленность. Такие признаки свойственны классификациям, представленным в исследованиях Л.Д. Болотовой, Я.Н. Засурского, В. А. Колодкина, А.В. Бубукина, К.В. Мошкова, С.В. Гайворонского, А.А. Добчинского, С.В. Беляева, а также В.И. Коробицына, И.Н. Тхагушева. Так, Л.Д. Болотова в исследовании “Отечественное радиовещание в начале XXI века: новые реалии и старые проблемы” выделяет следующие группы радиостанций: государственные и негосударственные [1, С. 148]. Определение данных разновидностей станций дано в исследовании Я.Н. Засурского [2, С. 34]. По содержательно – тематической направленности Л.Д. Болотова предлагает следующую градацию радиостанций: информационные, музыкальные, информационно-музыкальные, музыкально-развлекательные [1, С. 149]. Конкретизируют и дополняют предложенную классификацию исследователи В.А. Сухарева и Е.Н. Раскатова. В.А. Сухарева в работе “Отечественное радиовещание в условиях монополизации эфира (1985–1997 гг.). Отечественное радио в современных условиях” дает классификацию радиостанций по следующим признакам: формат, аудитория, принцип формирования сетки вещательного дня и манера ведения эфира, принципы отбора и построения новостей [3, С. 20-21]. Исследователь Е.Н. Раскатова, анализируя работу автора, приходит к выводу о том, что в основе деления радиостанций по формату лежит выбранное музыкальное направление вещания [4]. В.А.Сухарева выделяет десять форматов [3, С. 24-25]. Признак “формат” стал основополагающим в системе классификаций, предложенной А.В. Бубукиным. Так, А.В. Бубукин подразделяет радиостанции по форме собственности, типу вещания, формату. По типам вещания автор делит радиостанции на информационные, информационно-музыкальные, музыкально-информационные и музыкальные. Классификация по формату осуществляется на основе выбранного направления музыкального веща-

ния. Автор выделяет пятнадцать форматов и в некоторых из них несколько субформатов [5, с. 67-69].

Исследователь Гайворонский, обращаясь к проблеме классификации радиостанций, предлагает в качестве критерия тематическую направленность. Согласно данному признаку радиостанции делятся на станции универсального или общего характера, информационные и музыкальные. Последняя разновидность станций подразумевает собственное разделение, основным критерием которого является понятие “формат” [6, С. 35].

Также С.В. Гайворонский предлагает собственную типологию отечественного радиовещания, в основу которой положены критерии территориальных границ распространения сигнала радиостанции и местонахождение главной студии радиостанции. Согласно данным условиям, существует три типа радиостанций – сетевая, региональная сетевая и региональная станции [6, с. 39]. Некоторые исследователи предлагают дополнить существующую классификацию, понятиями “вертикальные” и “горизонтальные сети вещания”. Отличие “горизонтальной” сети вещания в том, что в подобной структуре нет единой транслируемой программы [6, С. 40].

По способу распространения сигнала радиостанции можно подразделить на проводные (государственные радиостанции), станции Fm-диапазона (в большей степени свойственные коммерческому радиовещанию) и станции, осуществляющие свое вещание в Интернете. Относительно недавнее появление данного вида вещания обусловлено его малой степенью изученности. Среди немногих работ, в которых вопросы сетевого радиовещания получили свое освещение, следует отметить исследования В.А. Колодкина, П. Биргера, И.И. Карпенко [7].

Библиографический список

1. Болотова Л.Д. Отечественное радиовещание в начале XXI века: новые реалии и старые проблемы // Телерадиоэфир: История и современность / Под ред. Я.Н. Засурского. – М.: Аспект Пресс, 2005.
2. Система средств массовой информации России / Под ред. Я.Н. Засурского. – М., 2001.
3. Сухарева В. А. Отечественное радиовещание в условиях демонополизации эфира (1985 – 1997 гг.) / Сборник статей. Под ред. А.А.Шереля и В.В. Гаспаряна. – М., 1998.
4. Раскатова Е.Р. Типологические подходы к исследованию радиовещания // Научно-культурологический журнал “Relga” [Электронный ресурс] – 1998-2010 – Режим доступа: <http://www.relga.ru/>

Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=664&level1= main&level2=articles – загл. с экрана.

5. Бубукин А. В. Эфирные тайны. – Новосибирск: Издательство “FM-реклама”, 2003. – 148 с.

6. Гайворонский Сергей Викторович Региональное радиовещание как средство формирования патриотизма старшего подростка: диссертация...кандидата педагогических наук: 13.00.01 Ставрополь, 2005 – 170 с.ил. – Библиогр.: 143-157- Режим доступа: <http://diss.rsl.ru/diss/05/0442/050442028.pdf>

7. Колодкин В.А. Радио в Интернете / В.А. Колодкин // Вестник ВГУ, 2004. – Сер. Филология. Журналистика. – №1; Биргер П. Радио в Сети: уже почти бизнес / П. Биргер // Инфобизнес. – 2001. – № 21(165); Карпенко И. И. Медиаконвергенция и современное радиовещание. (№9 [154] 25.06.2007) // <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?searchPattern>.

Я.С. Нагайцева

Самарский государственный университет

ИСЛАМИЗАЦИЯ В РОССИИ. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ И РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Россия, располагая протяженной границей с мусульманским миром и вместе с тем имея свой внутренний ислам, не может позволить себе относиться к этой религии отстраненно. Мусульманское сообщество ПФО является наиболее многочисленным и организованным среди семи “окружных” умм России. В нем проживают 5850 тыс. этнических мусульман (18,7% всего населения), что составляет 40,4% от числа всех российских приверженцев ислама.

О значительном распространении ислама в регионе следует говорить, вероятно, с XIII века, т.е. в период после монголо-татарского нашествия. К XV-XVI векам относится массовое распространение в регионе татаро-мусульманской антропониимики. А новый этап в истории ислама в России начался с середины XVI века, т.е. с присоединения Волго-Уральского региона к Российскому государству. Распространению ислама в Поволжье способствовало территориальное соседство, экономические связи, социокультурная близость и активная пропаганда ислама на фоне кризиса “язычества”.

Численность и удельный вес татарского населения постоянно возрастают: 1959 – 74,226 тыс. (3,3%), 1970 – 93, 687 тыс. (3,4%), 1979 – 103,605 (3,4%), 1989 – 115,28 тыс. (3,6%), 2002 – 127,931 (3,95%). Веру-

ющие татары Самарской области в подавляющем большинстве – мусульмане суннитского толка ханифитского направления. В целом, они следуют тем же религиозным направлениям, что распространены в Татарстане. Самарская умма тяготеет к Казанскому исламскому полюсу, составляя его ближнюю юго-восточную периферию. Сильное влияние на нее оказывает и Уфимский исламский центр, на который административно ориентируются почти все мусульманские общины области.

Распространение религии всегда сопровождалось постройкой культовых сооружений, способствующих консолидации. Поэтому, первые мечети в области стали появляться еще в начале XIX века, с тех самых пор, когда татары-мусульмане, осознавая факт своего пребывания на территории иной конфессии, нуждались в закреплении своих позиций.

К наступлению нового тысячелетия, 28 ноября 1999 года на ул. Стара Загора была торжественно открыта соборная мечеть, которая теперь является одной из крупнейших в Европе (площадь 1200 кв.м., высота минарета – 60 м., вместимость 5000 человек). В сооружении этого здания большая заслуга принадлежит Администрации Самарской области. Сам факт постройки такого значимого по своему статусу и размерам сооружения с согласия власти возвел вопрос присутствия ислама в области на новый уровень. Иначе, как признанием распространения этой религии, это событие нельзя было воспринять. Только увеличение числа татар-мусульман, прибывших в область на постоянное проживание, и лишь активная борьба за признание их права на самоопределение могло повлечь за собой такое решение. На сегодняшний день в Самарской области действует 86 мечетей и 2 медресе. В 1994 году было создано духовное управление мусульман Самарской области.

Во взаимоотношениях с исламскими субъектами международных отношений, включая внутригосударственные, четко прослеживается слияние политических целей с религиозными основами. В этих субъектах особенно важны религиозные догматы и традиции, порой используемые как основные аргументы в проектировании стратегий. В 1990 историки развернули критику антизолотоордынской кампании 1944 года и объявили, что теория болгарского происхождения татар была навязана. Важное значение в формировании Казанских татар стали придавать кипчакам и Золотой Орде. Шнирельман считает, что если болгарская версия этногенеза может помочь Татарстану в борьбе за суверенитет и территориальное единство, то золотоордынская версия обосновывает пантюркское единство и может легитимировать территориальные притязания к другим регионам, где проживают татары. Ссылаясь на книгу Фарушкина М.Х. о политической элите в Татарстане, следует отметить его мысли по взаимоотношения Российской

Федерации и Республики Татарстан. Политолог выявил три стадии, проследовавшие в процессе “обособления” Татарстана:

1. 1990 – 1991 гг. – повышение политически-правового статуса Татарской АССР до статуса союзной республики.

2. 1992 – октябрь 1993 гг. – закрепление особого статуса – Республики Татарстан, субъекта международного права

3. Октябрь 1993 г. – установление шаткого равновесия в отношениях между политической элитой Татарстана и федеральной властью в результате подписания Договора между РТ и РФ 15 февраля 1994 г. [1].

Такая последовательность развития событий дает основания для появления вывода о том, что республика действительно идет по пути, ведущему к обособлению. И политическая, а также экономическая самостоятельность субъекта значительно подкрепляется общим настроением населения, живущего по своим законам, формировавшимся веками далеко не в русских традициях.

Библиографический список

1. Политическая элита в Татарстане: вызовы времени и трудности адаптации // Полис. Политические исследования. – 1994. – №6.

2. Идея государственности в интерпретации партии власти и национального движения в Татарстане в 1980-1990 гг. // Актуальные проблемы истории государственности татарского народа: материалы научной конференции. А.А.Арсланова. – Казань, 2000.

3. Лотфуллин И.М., Ислаев Ф.Г. Джихад татарского народа: героическая борьба татар-мусульман с православной инквизицией на примере истории новокрещенской конторы. – Казань, 1998.

4. Ислам в современной России. Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2008.

5. Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона: Сборник статей / Под ред. К.Мацузато. – Surrogo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2003.

6. Таймасов Л., Этноконфессиональная ситуация в Казанской губернии накануне буржуазной реформы // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона: Сборник статей.

7. Уяма Т. Дискурсы об этнической истории в постсоветский период // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона: Сборник статей.

8. Татары Самарской области. Паспорт этнической группы / Под ред. Багаудинова Р.С., Жидковой С.К.

Научное издание

ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

XVI Всероссийская конференция молодых историков
(Самара, 19–20 ноября 2010 г.)

Материалы и доклады

Публикуется в авторской редакции
Художественный редактор *Л.В. Крылова*
Компьютерная верстка, макет *Е.А. Будячевской*

Подписано в печать 15.12.2010 г.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 13,95. Усл.-печ. л. 15. Гарнитура “Newton”.
Тираж 150 экз. Заказ № .
Издательство “Самарский университет”
443011, г. Самара, ул. Академика Павлова, д. 1; тел. 334-54-23.
Отпечатано в ООО “Книга”
г. Самара, ул. Песчаная, д. 1; тел. 267-36-82